

Рафаэль Левчин

буНт

нА фАБРИКЕ

сНовидЕНий –

тОЖЕ соН!

ПЬЕСА

мистерия

Умер великий Пан!

Пролог

Я безнадежность. От меня не деться.
Не убежать ни в творчество, ни в детство.
Попробуй интересную игру
(Рекомендую не без оснований):
Вскрой вены – аккуратно, в тёплой ванне.
Как только ты умрёшь – и я умру.

Песенка шута

Во Вселенной вечер,
Во Вселенной дождь,

Во Вселенной ветер
Точит ржавый нож.
Во Вселенной грустно...
Где-то пьют вино,
Чокаются дружно...
Ну и ничего!
Косточки развалин,
Свежие, для всех.
Зверь на самосвале,
Точно смертный грех.
Возврати цепочку,
Возлюби себя.
Бесы-ангелочки –
Позади! – сидят.
Во Вселенной дует,
Во Вселенной льёт.
Во Вселенной дурень
Песенку поёт.

Диалог первых любовников

Он

Как в газировке, в венах бьётся жажда,
И как во сне – зелёный окоём.
Кто – в поцелуй неуголёженный, жадный –
Скажи, кто первый промычит: «Умрём!»?

Она

На лепестках травы смеются боги...

Он

Опять они! Везде, во всём – они!
Вон, собственную голову футболя,
К нам движется Адонис-Дионис.
Мы – средоточье четырёх мистерий!
И обнажённый ветер будет прав,
Лиловой кровью омывая терний...

Она

Смеются боги мёртвые из трав...

Король

Это с каждым случается,
И наступит февраль,
Над водой закачается,
Как надзвёздный фонарь,

И потянутся линии
Через белую сыпь,
И, наверное, мини
Перестанут носить...

Королева *(навеселе, поёт)*.

Дайте мне евонную головку!..

Король

Мадам, кровожадность такая к чему бы?

Королева

Заткни хайло, Ирод! Чем хочу, тем и верчу! Лучше быть нимфоманкой, чем наркоманкой! И вообще — я жертва сексуальной революции!.. Эх, да-айте мне евонную голо-о-овку!..

Король

Предтеча, твоей головы она хочет...

Предтеча

Дай ты ей, ради бога, чего она хочет, и побыстрей, а то хуже будет! Чего хочет женщина, того хочет бог! Высшая сила завсегда проводит свои идеи в жизнь через женщину! Через Еву — первородный грех, через Пандору — вообще неприятности!.. Не знал? Учись, пока я жив! Аналогичный случай был со мной в...

Королева *(на высоких нотах)*.

А меня как-то не колышет, где чего с тобой было, фраерюга ты локшовый! Опять про полюбовниц своих трепаться начал!! Кончай базар! Голову долой — и все дела!

Король

Предвижу: Каинова печать
Снова на нас обрушится,
Точно сургучная печаль
С гребня волны игрушечной...

Королева

Ирод, не вякай! Предтеча, на два слова!..

Предтеча

Начинается!..

Королева *(совершенно меняясь)*.

Милый...

Предтеча

Сгинь, Иезавель!

Королева *(с кротостью, чтобы не сказать: с нежностью)*.

Ты опять меня с кем-то путаешь! Я — Иродиада! Зови меня просто Ада.

Предтеча

Хрен редьки не слаще, шила в зад утаишь.

Королева

Предтеча, не буди во мне зверя. Голову отрубят – пожалеешь, да поздно будет.

Предтеча

Чем-то всегда приходится жертвовать, чтобы остаться самим собой.

Королева *(теряя самообладание).*

О-о! Один поцелуй!..

Предтеча

Поцелуй меня в задницу и катись!

Королева *(после паузы, очень спокойно).*

Ты умрёшь. Но почему тебе так хочется умереть?

Предтеча

Ух, клянусь единорогом! Ада, ты же интеллигентная баба, неужели не можешь понять?! Мы – участники мистерии, которая повторяется из века в век. Роли расписаны и вызубрены. Я Предтеча, ты Иродиада. Так было, так будет. Не вникать, а выполнять. Сын Божий, Дионис, Пан Великий – ждёт!! Так что давай закругляйся со своим лирическим отступлением. Не пытайся произвольно менять сюжет, не выйдет.

Королева

А вот если я не казню тебя? А? Вот возьму и не казню! А?!

Предтеча

Да? А куда ты, интересно, денешься? Ты ведь влюблена в меня до потери сознательности и не успокоишься, пока не получишь желаемое, живым или мёртвым!

Хор

Живым или мёртвым!!

(Примечание I. Первые любовники — корифеи Хора: Он — первого полухория, Она — второго. Слова Предтечи Хор может резонировать так:

Он

Ж и в ы м...

Первое полухорие

Ж и в ы м... *(Тише)*. Ж и в ы м...

(И т.д.)

Она *(одновременно).*

Или мёртвым!

Второе *(одновременно)* Или мёртвым!! *(Тише)*. Или мёртвым!!!)

Предтеча

Ты прижмёшь мою голову к груди, зароешься лицом в мои волосы, зацелуешь

место среза, обагрив губы уже начавшей свёртываться кровью!..

Королева

Машина! Ты машина!!!

Предтеча

Лучше быть машиной, которая осознаёт положенный ей предел, чем машиной, которая по своей безмозглости воображает, будто мыслит и чувствует.

Песенка шута

Дождь — водяной
Начистоту,
А винный дождь не идёт.
При короле
Состоять шуту,
А не наоборот.
Аааа
Ааааа
А не наоборот.
Она его любит
За красоту,
А он на неё плюёт.
При короле
Состоять шуту,
А не наоборот.
Аааа
Ааааа (И т.д.)

(Примечание II. Песенка может продолжаться сколько угодно долго — например, пока переставляют декорации, которых, впрочем, и близко нет, или пока не лопнет терпение зрителей.)

Король

Ночь вся — бунтующая плоть!
Колючий дождь забился в жёлобе.
Он хочет одного — удрать,
А может только плакать жалобно.

Королева

Хватит мочалу жевать!!

Голос с галёрки

Точно!

Королева

Тронул — ходи! Карте — место! Семь раз отмерь — один...

Палач *(худенький, робкий, озабоченный, в огромной безглазой красной маске).*

Я намёки с полуслова понимаю. Рубить?

Королева

А то нет!

Король

Ну что ж, Предтеча, нам пора прощаться...

Предтеча *(рассеянно).*

Угу!

Жрец *(весь в чёрном, говорит отсутствующим тоном, совершенно не вдумываясь в затверженный текст).*

Люди приносят богам ежедневные жертвы, но что известно людям о богах? К кому обращены молитвы ваши? Дано ли человеку видеть? Вы ищете бога на небе, другие – в реках и горах, деревьях и статуях, громе и чуме, а есть такие, что считают богами себя самих... Но бог, истинно говорю вам, там, где вы его не ждёте и ждать не можете, бог ВНЕ и ВНУТРИ... Бог может быть даже в зубной щётке, старой и почти негодной. Утром вы чистите ею зубы, и волосок застревает у вас в горле. Вы и не догадываетесь о нём, вам кажется, что это простуда, и целый день слёзы катятся у вас из глаз, и голос ваш звучит не так, как обычно, и друзья подсмеиваются над вами, и вы чувствуете себя измученным и не идёте вечером на свидание, и ваша любимая девушка выходит замуж за вашего соперника, и трое детей, которые были бы у вас с ней и младший из которых был бы новым Моцартом, не рождаются на свет, а вечером вас останавливает у дома грабитель, и хотя вы шире в плечах и выше на голову, но волосок уже лишил вас воли к сопротивлению и вкуса к жизни, и вы отдаёте свой кошелек вместе с пиджаком; правда, в кошельке всего-то и было, что лотерейный билет, но именно на него выпал выигрыш — моторная лодка, на которой вам предстояло пересечь океан и прославиться; и, войдя в квартиру, вы ломаете почти законченный вечный двигатель второго рода, который вы собирали в свободное от любимой работы время, и открываете газовый кран на кухне, а огня не зажигаете...

Палач

Так чево, рубить будем или как?

Предтеча

А умеешь?

Палач *(с сомнением).*

Вроде бы... Попробовать надо... Я ваше токо распинать обучен...

Предтеча

Узкий специалист, значит. Ну, валяй, пробуй. *(Становится на колени.)*

Она (задумчиво).

А ты бы принёс мне голову, если бы я тебя попросила?

Второе полухорие

Если бы я тебя попросила?

...я тебя попросила?!

...тебя попросила?!!

...попросила?!!!

...просила?!!!

...сила?!!!

Он и Первое полухорие озадаченно молчат.

Палач долго и старательно, с хаканьем – Хор резонирует – рубит Предтече голову; примерно с пятнадцатой попытки добиваясь успеха.

Входят Три креста и многочисленные Добровольцы из публики. Под руководством Жреца и Палача, с возгласами: «Эх-ма, взяли!», оживлённо распинают Первых любовников спиной к спине на Центральном кресте. Остальные Два креста размножаются делением.

Добровольцы, разбившись на две группы, распинают оба полухория.

Под весёлый стук молотков звучит

Песенка крестов

Зияет зла святая простота

В созвездьи неумелых ваших вкусов,

Бурлящих у подножия креста,

Сурового, как смуглокожий Брюсов.

Но только снизойдёт бедовый сон

На умопомрачительную челядь –

Займёт у Солнца жало Скорпион,

У Рыбы – перья, у Горгоны – челюсть...

Он (на кресте).

Закурить нет?

Доброволец

На, пока пожарника нету! (Вынимает изо рта гвозди, раскуривает сигарету, суёт Ему в рот, берёт в рот гвозди, продолжает крепить Его руки к кресту.)

Он (невнятно, т.к. рот занят сигаретой, а вынуть нечем).

Фасифо!

Обезглавленный Предтеча (стоя на коленях, держит в руках свою голову, как Гамлет — череп Йорика, задумчиво вертит). Надо же! Был человек – и нет

человека!.. (Отбрасывает голову.) Женщина! Женщина, вечная река! Мужчина всего лишь стебелёк на ветру тысячелетий, пыль, сломанный телефон, забытая

записная книжка, его нет вообще, его не существует! Есть только женщина, женщина, женщина, проклятие наше, проклятие! О, королева! Единый миг любви твоей превыше и вечности на пиршестве богов!.. Раздвоенные черви, изрыгаем... хулу... нас славословью не учил никто... О, королева, королева! От твоих безысходных щедрот, как готовящаяся змея, над эмалевой миской встаёт голова голубая моя!.. *(Поскольку страстность монолога плохо вяжется с чревовещанием, занавес падает.)*

На авансцене

Эпилог

Просьба сохранять спокойствие! Деньги за билеты будут возвращены всем желающим!

(Примечание III. Королеву и Её может играть одна актриса. Становясь Королевой, надевает корону, становясь Ею – снимает. Впрочем, можно играть без костюмов, а при желании – и без одежды. Все действующие лица, произнося свои реплики, выходят из Хора; отказав, возвращаются в строй. Так что в конце концов все оказываются распятыми, кроме Жреца, он же Пролог – и Палача, он же Эпилог.)

В о т, с о б с т в е н н о, и в с ё.

МЕЖДУПЛАНЕТНЫЙ НОВОГОДНИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Юрию

Проскурякову

Действующие лица в порядке появления:

ДЕД МОРОЗ, он же ЛЕШИЙ, он же МРАЧНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, он же ВАМПИР, он же АГРЕССИВНЫЙ
ПРИШЕЛЕЦ
ВЕДЬМА, она же ЧУДО-ЮДО, она же ЗАГАДОЧНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ
ВОЛШЕБНЫЙ ПЁС, он же НЕУЛОВИМЕЦ, он же ВЕСЁЛЫЙ ПРИШЕЛЕЦ
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, он же ФАУСТ, он же ВСЕМ ПРИШЕЛЬЦАМ
ПРИШЕЛЕЦ

а также

эскимосы, индейцы, ковбои, арлекины, пьеро, трубочисты, эльфы, гномы, панки,
варвары, жрецы, легионеры, звери, птицы, рыбы, растения, микробы, вирусы
и прочие пришельцы

Поляна в заснеженном лесу.

*На фоне висящих на деревьях больших плакатов "ПРИШЕЛЬЦЫ! ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ!", "ОТ ГУМАНОИДА СЛЫШУ!!!" и "ВЫЯВИ ПРИШЕЛЬЦА В
СВОЁМ КОЛЛЕКТИВЕ!" проходят мужчина неопределённого возраста и
ребёнок неопределённо-дошкольного пола и возраста.*

РЕБЁНОК (*читает*). "ПРИ-ШЕ-ЛЬЦЫ ...". Папа, а кто это – при-ше-льцы?

МУЖЧИНА (*ковыряя в носу*). Ну... это... которые пришли ...

РЕБЁНОК. Откуда?

МУЖЧИНА (*ковыряя в ухе*). Это... в общем... из космоса ...

РЕБЁНОК. А где они сейчас?

МУЖЧИНА (*глядя в сторону зрителей*). А... это самое ... тут ... там ... да везде ...

РЕБЁНОК. А, это такая сказка?

МУЖЧИНА (*ковыряя в зубах*). Да уж ... сплошная сказка!..

РЕБЁНОК (*уже за сценой*). А зачем они пришли?

МУЖЧИНА (*тоже уже за кадром, удаляясь*). А чтоб сказку сделать былью!!

Музыка.

Рёв двигателей идущего на посадку летающего блюда.

Внезапная тишина.

ДЕД МОРОЗ (*шумно проламывается сквозь кусты*). Фсем прифет, гуд монинг,
бона сэра! (Он говорит на всех языках одинаково плохо.) Ай эм Санта Клаус, унд
ихь гратулире ойх с наступательный энд хэппи новый год, фелис аньо нуэво унд
нох айн маль ...

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ (*выходит с другой стороны*). Ну и?

ДЕД МОРОЗ. О, коллега! Бонжур! Позвольте есть узнать, почему не есть слышать

ваш приземлений?

КОЩЕЙ. Фуфло!

ДЕД МОРОЗ (*мрачнеет*). Не есть понимать, миль пардон ...

КОЩЕЙ. Не фиг те понимать, баклан! Мы летаем не в пространстве, а во времени. Всосал?

ДЕД МОРОЗ. Ихь бин не ослышаться?

КОЩЕЙ. Щас как ослышусь по кумполу, так тебя ложками собирать придётся!

Ох и тупари у вас на Бомискуле, даром что небелковые!

ДЕД МОРОЗ. Коллега, я есть попросить бы не нарушать как статус, так и кво! Наш констеласьон хоть и отдалённый, а себя в обиду не есть гебен! Десять тысяч световой год не есть помех для лонг манипулятор, ферштейн? Наши корабли есть прилетать на этот теллус ещё в незапамятный темпорум! Прометей есть наш нечеловек, и Баальбекский платформ тоже не есть обходиться без наш участия! Я бы не есть

рекомендовать, либер брюдер, оскорблять посланец могутный небелковый сивилайзэйшн при исполнении служебный обязанность!!

КОЩЕЙ (*как всякий наглец, получив отпор, отступает*). Ладно, от токо не надо ля-ля! Не вешай мне лапшу на уши, кончай базар! Скажи прямо – завидуешь! Во времени летать вы не умеете, так? О! А нам это – тьфу! Чё проще – сигаешь, допустим, на час назад. Ну, твоя планета за этот час чёрт-те куда отлетела, зато другая подлетела, приколись! Так можно куда хошь перескочить, токо точный расчёт – и все дела! Сечёшь, активная протоплазма?

ДЕД МОРОЗ. Эстраординарио, коллега! Но ведь для это необходим есть грандиозус расчислительный техник! Ваш планет иметь сверхмощный машин, нихт вар?

КОЩЕЙ (*ржёт*). Машин!!! Гы-гы-гы, уморил, кореш! (Резко.) Никаких машин! У нас биотехнология, во! Никакого бензина, токо кровь! Или, на худой конец, спирт! Ясно, да?

ДЕД МОРОЗ. Ноу ... Но компрандо, коллега ...

КОЩЕЙ. Не, ну не полудурок, а? Меодрациты, и те быстрее соображают!

ДЕД МОРОЗ. Если коллега опять иметь юберлэйфен на личность, я буду вынужден переломать ему уно, две, файф конечность, альзо! Ву компрене?

КОЩЕЙ (*струхнув*). Ну чё ты ото сразу в бутылку, корешок, в натуре? Уже и шутки не

хаваешь! Чё нам-то делить, сам посуди! Нам, пришельцам, друг дружки держаться надо, пока поодинок е не взяли, тёпленькими ... (*Нервно оглянувшись.*)

Ну, обходимся мы без машин, понял? Людей употребляем вместо. И считают они. Живые компьютеры, во! И вообще всю работу делают. Ферштеешь?

ДЕД МОРОЗ. О-о!..

КОЩЕЙ. Ну! А то чё ж мы сюда-то наладились? Эт раньше у нас были всякие там заморочки типа вторжения, завоевания, то, сё... Та! Больно надо! Себе дороже! Не, проще ... а главное, дешевше их ... (*Кивает в сторону зрителей.*) ... партиями переправлять к нам. А там – выжимать, чё можно, пока не выдохнутся. А тогда уж ...

ДЕД МОРОЗ. Э?!.

КОЩЕЙ. В пишу! (*Срывает маску. Остаётся в жуткой маске Вампира.*)

Музыка.

Неторопливо и элегантно входит Ведьма. Говорит с прищёлкиванием и присвистыванием.

ВЕДЬМА. Ах, до чего ж глупы эти мужчины! Их же нельзя оставить одних на пять наносекунд ... Кого не поделили, а? (*Вампиру.*) А позолоти ручку, квантовый! Ой, вижу-вижу: дальняя дорога, фторная недостаточность, казённый дом и полная аннигиляция!

ВАМПИР. Ну, ты типа не очень нависай, а то я те дам аннигиляцию! Ты гляди, с кем базаришь! Ты вообще знаешь, кто я ... откуда я ... какова моя миссия?!

ВЕДЬМА. Знаю, нейтринный, знаю! На год вперёд всё знаю – и что есть, и что было, и что будет! Ох, плохое у тебя будущее-то ... можно сказать, нулевое будущее ...

ВАМПИР (*разъярясь*). Да ты, Ведьма ... да я ... да я тебя!! Ты чё думаешь, джинсы натянула, так я те вожжой под хвост не всыплю?!!

ВЕДЬМА. Это ты, квазигуманоидный, кому под хвост?! Это ты мне под хвост?!!

Ах ты, тля метagalактическая!!! Где ты у меня хвост увидел, а?!

(*Поворачивается.*) Где, я тебя спрашиваю?!! Глаза разуй, моллюск

подслеповатый! А туда же, вурдалак-любитель! Да тебя любая инфузория-туфелька вокруг щупальца обведёт, тьфу!.. Джинсы мои не нравятся, да? так я их и снять могу!.. Ну? снять?!

ВАМПИР (*струсив*). Не, Ведьма, не надо, не надо ...

ВЕДЬМА. Кому Ведьма ... (*Сбрасывает джинсы, бьёт чешишчатым хвостом.*)

... а кому и Чудо-Юдо! (*Снимает маску, рассыпает по плечам зелёные кудри.*) ... а также Сирена, Водяница, Русалка, Ундина, Разноглазка ... на все вкусы!!

(*Переливчато хохочет.*)

ДЕД МОРОЗ. Великолпно есть! Орижиналь! Вундербар! (*Снимает маску, остаётся в маске Лешего.*) Кайф!!

ЧУДО-ЮДО. А ты помалкивай, я ещё с тобой потолкую ... вот только сперва с этим хмырём разберусь ...

Музыка.

Раздаётся развесёлая песня: "НЛО ты моё, НЛО! И куда ж ты меня занесло?.." На поляну выкатывается Волшебный Пёс. У него шесть лап, в одной из них бутылка, к которой он регулярно прикладывается.

ВОЛШЕБНЫЙ ПЁС. Как счастлив я, друзья мои, как весел!

Подумать только, как нам повезло!

ЧУДО-ЮДО. Ничего себе! Это ещё что за экземпляр?!

ПЁС (*прикладывается, становится ещё веселее*).

Друзья мои! Нам целый космос тесен!

Отечество нам ...

ЛЕШИЙ. Вы откуда прибыть есть?

ПЁС. Ну, предположим, из созвездья Волопаса.

Да не разглядывай меня, как папуаса!

Да не смотри, что я с такой собачьей мордой!

Я гуманоид, я взыскательный и гордый!

ВАМПИР. Эт ты-то гуманоид?

ПЁС. Ну, натурально, гуманоид, отчего же?

Ты на себя бы посмотрел, с твоею рожей!
(Снимает маску, часть лап, надевает крылья, жабры и т.п., не умолкая при этом.)

По понедельникам я только Псом бываю,
а в остальном любые формы принимаю!
Я не какой-нибудь коварный проходимец,
а торопящийся помочь Неуловимец!
Я не бросаю как попало обещанья,
а выполняю все заветные желанья!
Я помогать готов любому, кто влюблённый,
любому также, кто начальством оскорблённый.

Все подходите, не толпитесь, принимаю,
я вам служу, я к вам затем и прилетаю,
и без меня бы вам давно, пожалуй, крышка,
мои по разуму сестрёнки и братишки!
(Прикладывается, становится совсем весёлым.)

Все загрязнения среды я расчищаю
и даже больше – их в четверг перемещаю!
Я вам могу остановить антициклон!
Ах, это чудо, это сказка, это сон!
ЧУДО-ЮДО. Да утихни ты!

НЕУЛОВИМЕЦ. Я достаю для археологов реликты,
предотвращаю пограничные конфликты
и поглощаю информационный шум!
Тарара-пыра-поцы-коцы-мама-ум!!!
ЧУДО-ЮДО. Я кому сказала!!

НЕУЛОВИМЕЦ *(прикладывается, укладывается и засыпает, бормоча сквозь сон).*

Я хоть и сплю, но слышу всё, всему внимаю,
недаром я любые формы принимаю ...

ЛЕШИЙ. Невероятно интересант есть! Такой морф в наш район не бывать уже с ... *(Задумывается, считает по пальцам.)* С незапамятный тайм!

ЧУДО-ЮДО. Ну ладно! *(Оглядывает всех с брезгливой гримасой.)* Да уж! Что и говорить! Та ещё тусовка ... Нет, этих мужиков давно пора истребить! В интерпланетарном масштабе! Поголовно и повсеместно.

ВАМПИР. Надеюсь, это шутка? Я всё-таки сайнтор космогнозии и почётный почёсыватель пятнадцатой пятки Его Невероятности! *(Снимает маску, остаётся в ещё более отталкивающем виде Агрессивного Пришельца.)*

ЧУДО-ЮДО. Да? А я – Координатор пятидесяти восьми Объединённых Систем и неофициальный Лидер группы Наблюдателей. Вы все мне так или иначе подчинены. *(Снимает маску, атрибуты, остаётся в очень простом костюме Загадочного Пришельца; лица не видно, только чёрный силуэт, однако женственность облика неуловимо сохраняется.)* Никто не знает, откуда я и где я появлюсь в следующий раз; возможно, тогда не будет не только людей, но и памяти о них, и даже понятия "люди"; Земля будет необитаемой, песок будет мокрым от морских волн, поглощающих воспоминания ... Никто не знает ни

моего лица, ни моего имени, и не узнает, да и незачем — я не здесь, даже когда я здесь ... Есть вопросы? Нет? Становись!

ЛЕШИЙ (*снимает маску, остаётся в маске Мрачного Пришельца, становится смирно.*) Ай эм в ваш распоряжений!

АГРЕССИВНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ (*наоборот, надевает все маски, становится смирно.*) Порядок, шеф!

НЕУЛОВИМЕЦ-ВЕСЁЛЫЙ ПРИШЕЛЕЦ (*ухитряется, не просыпаясь и путаясь в масках, переползти и занять место на левом фланге, бормоча сквозь сон.*)

Я космический пришелец,
на семнадцать рук умелец
против общего врага ...

Мальчик девочке слуга!

ЗАГАДОЧНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ. Вольно! (*Прохаживается вдоль строя.*) У меня такое впечатление, что некоторые забыли, зачем они, собственно, здесь находятся. Попрошу вкратце изложить сущность ваших заданий.

МРАЧНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ (*вновь натягивает маску Лешего, сверху маску Деда Мороза.*) Ай эм Санта Клаус ... это я уже говорить был ... ин другой

транслитераций Дедко Морозко, любимец человеческий чилдрен, популярный персонаж земной фольклор. Это есть неукоснительный традишн. Наш заветвлённый сивилайзэйшн не жалеть есть тьемпо, крафт, пенёнзы, дабы питать корни леженд унд миф этот странный планет. Это есть гебен им ощущений свой импортанс унд толкать их поступательный бевергунг. Натюрлихь, это не есть чистый филантропий. Мы безукоризненно подзаряжать здесь то, что в их терминологий хайст "биополе". Получаться есть ... (*Лихо.*) Баш на баш!

АГРЕССИВНЫЙ. Чиво?

МРАЧНЫЙ (*мрачнеет*). Это есть идиома!

АГРЕССИВНЫЙ. Оно и видно! Ну, а мы туфту не гоним! (*К зрителям.*)

Хроумопальская Пангалактическая Империя приглашает землян — предпочтительно молодых и здоровых! — посетить наши места не столь уж отдалённые с туристическим визитом! Само собой, всё это будет оформлено вроде бы как атлантический круиз с заходом в Бермудский треугольник! Если ты землянин и у тебя есть голова на плечах, то тебе грех не воспользоваться возможностью ...

ВЕСЁЛЫЙ ПРИШЕЛЕЦ (*просыпается*).

Кто за корыстью гонится,
сам тот под ветром склонится!

Только камни соберёт —
всё уже наоборот!

Пусть слова мои темны,
да намеренья ясны!

ЗАГАДОЧНЫЙ. Как и следовало ожидать, ваши знания о самих себе отрывочны и искажены. Вы даже не помните, что число идей конечно и, как обобщение высшего возможного порядка на данном витке, приводит, в виде скачка архисистемы, к полному превращению идей в материю — то есть к возникновению мира следующего уровня организации... Иными словами, мы здесь вовсе не просто сила, которая желает добра и приносит зло. Если мы не здесь, то мы нигде

– зарубите это себе кто на чём! Не люди существуют благодаря нам, а мы благодаря им! Эта часть вселенной, как вы могли бы знать, создана по ошибке, и наше предназначение состоит в том, чтобы всё разрастающиеся последствия этой ошибки нивелировать и уравновесить, и иных форм жизни нам не дано!

Следовательно, эгоцентризм этого дилетанта-рабовладельца чреват разрушением не только для него самого – это бы полбеда, – но и для всех нас. Альтернатива: убрать его немедленно. *(Вскидывает руку.)*

АГРЕССИВНЫЙ. Э-э, командир, мы так не догова!..

Молния. Затемнение. Свет. Агрессивный Пришелец исчез, валяются только маски.

ЗАГАДОЧНЫЙ. Боюсь, однако, это мало что изменит. Он наверняка уже успел вырастить здесь много квазиформ.

МРАЧНЫЙ. Это как есть?

ЗАГАДОЧНЫЙ. Смотрите.

Со стороны зрителей появляются три человека в костюмах разных эпох. Подбирают и надевают маски. Угрожающий танец. Загадочный Пришелец испепеляет их. Валяющихся масок уже шесть.

ВЕСЁЛЫЙ. Как это просто, как это мило:

мыло на шило, шило на мыло!

Выходят шесть человек. Та же игра.

1-й АГРЕССИВНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ. Если ты землянин и у тебя есть голова на плечах, то тебе грех не воспользоваться возможностью!..

2-й. Я почётный почёсыватель пятнадцатой пятки Его невероятности!...

3-й. Токо кровь! Или, на худой конец, спирт!..

4-й. Всё это будет оформлено как атлантический круиз с заходом в Бермудский треугольник!

5-й. Мы летаем не в пространстве, а во времени!!

6-й. Живые компьютеры, во!!!

Сатанинский хохот. Танцующая, угрожающе окружают пришельцев.

ЗАГАДОЧНЫЙ *(поднимает руку, но раздумывает)*. Бесполезно. И чем их больше, тем больше вероятность и нашей деструкции. Помощь против расчеловеченных человеков способен оказать только человек.

МРАЧНЫЙ *(к зрителям)*. Взрослый унд детёныш! Ай эм Санта... это я уже говорить был... я есть принести вам дары и подарки! Коммен цу мир и выбирайте! проше! но каренси!.. Терра вестра амирабле унд бьютифул эст, особенно если положений шрекликх, компликэйшн! Заген зи битте, уот кэн ай ду фо ю?! Любой разумный пожеланий, силь ву пле! Уно, цвай, трес! *(Вытаскивает из мешка разнообразные предметы, жонглирует ими.)* Берите, что желать, плиз, только помогите нам уничтожить есть этот взбесившийся морф, угрожающий нас и вас и даже не понимающий, что и себя тоже!!!

Агрессивные издевательски хохочут. Медленно, трусливо, но неуклонно сжимают кольцо.

ВЕСЁЛЫЙ. Да брось ты, слышь, дружбан, пускать слезу – сейчас я их элементарно загрызу!!!

(Кидается на Агрессивных. Драка. Отступает и тоже обращается к зрителям.)

Наступают холода,

угасают звёзды.

Человек, иди сюда –

ЗАВТРА БУДЕТ ПОЗДНО!

Наступают холода,

замерзает Цельсий.

Человек, иди сюда –

ЖДУТ ТЕБЯ ПРИШЕЛЬЦЫ!

Без тебя мы, как без рук!

И без ног мы тоже!

Помоги нам раньше, друг –

после МЫ поможем!!!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*выходит со стороны зрителей, на спине у него плакат: "ПРИШЕЛЕЦ ВАСЯ ЛЮБИТ НЮСЮ!"*). Спокуха, ребята, я тут! (*Агрессивным.*)

А ну, брысь отсюда! Чтоб духу вашего!..

АГРЕССИВНЫЕ. О-о-о, человечьим духом пахнет!.. (*Разбегаются.*)

Молодой Человек с достоинством кланяется, подвешивает свой плакат и, спохватившись, переворачивает его на другую сторону: "МЫ ОДНОЙ КРОВИ, ТЫ И Я!". Пришельцы, срочно экипируясь, аплодируют.

ВЕДЬМА (*элегантно отставив помело, воркует*). О, какой очаровательный юноша! И какой воспитанный!

ДЕД МОРОЗ (*расшаркиваясь и даже слегка веселя*). Могу предложить великолепный импортный коньки ...

ПЁС (*виляя хвостом*).

Ну, как я думал, так и получается:

всё хорошо, что хорошо кончается!

ВЕДЬМА. Позвольте пригласить вас на белый танец!

Танцуют. Пёс скачет вокруг.

ВЕДЬМА. Позвольте узнать ваше имя?

ДЕД МОРОЗ. И фамилий! Об этом надо сообщать пресса! Планет должен знать свой герой!

ПЁС. Человек – это

опора жизни,

центр Вселенной,

движитель прогресса.

Как ещё назвать человека?

Человек – остров

в человечьем море ...

С чем ещё сравнить человека?

Вот сейчас он

из дому выходит,

смотрит направо,

налево смотрит.

Ждут его

газета, сигарета,

пять начальников,

двое подчинённых.

Ждут его
горящая путёвка,
выговор в приказе,
детектив британский.

Ждут его
рыбалка в воскресенье,
Лох-Несская страшила,
женщины, дети.

Ждут его
великое открытие,
всемирная слава,
цепь реинкарнаций ...

Даже дьявол,
старый рогоносец,
тоже ждёт,
не отходя от кассы ...

Человек – чудо

собственной персоной!!!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*продолжая танцевать*). Ну, чего там, ребята, на моём месте так поступил бы каждый. Во всяком случае, каждый из нашей лаборатории. (*Ведьме.*) А зовут меня Фауст.

ВЕДЬМА. Доктор Фауст?!

ФАУСТ (*скромно*). Пока ещё только кандидат, но рассчитываю стать и доктором. Со временем. И с вашей помощью.

ВЕДЬМА. О, вот как? (*Останавливается.*) Впрочем ... нет, ну что же, конечно, мы ... (*Деду Морозу.*) Займитесь!

ДЕД МОРОЗ (*достаёт из мешка папку*). Битте, это есть ваш докторантский диссертаций! Вы есть защитить его ... вчера! (*Вписывает дату, замахивается печатью.*)

ФАУСТ. Благодарю, но вы меня не так поняли. Мне липы не надо ...

ДЕД МОРОЗ. Липы?

ПЁС. Идиома!

ДЕД МОРОЗ. А-а!

ФАУСТ. У меня есть своя тема ... я бы даже сказал, система тем. И вот в этой связи хочу задать два вопроса. Вы тут упомянули, что эта часть вселенной была создана по ошибке. Мне бы хотелось знать, что вы называете "этой частью вселенной" и в чём заключается эта ошибка ...

Пришельцы хохочут.

ВЕДЬМА. Ну что вам сказать? Ну, представьте, что ваша лаборатория работает над закрытой темой ...

ФАУСТ (*скромно*). Так оно и есть.

ВЕДЬМА. ...и вдруг, как-то миновав пропускную систему, является с улицы юный натуралист и просит у вас ваше детище на полчаса!

ФАУСТ. Ну, знаете!..

ВЕДЬМА. Во-первых, ни в коем случае ...

ФАУСТ. Почему?!

ВЕДЬМА. Потому что иди знай, как эта информация повлияет на вашу историю с географией... Во-вторых, вы же всё равно не поймёте...

ФАУСТ. "Во-вторых" нейтрализует "во-первых".

ВЕДЬМА. А в-третьих...

ФАУСТ. Но ведь можно...

ВЕДЬМА. Нет, нельзя!

ФАУСТ. Крайне сожалею, но я настаиваю! В конце концов... (*Деду Морозу.*) ...я же могу сам себе выбирать новогодний подарок? Имею право?

ДЕД МОРОЗ. Натюрлихь, абер не всё есть файн, что есть бон. Скажем, вы захотеть стать невидим, а потом стать ходить в синема без билет, ферштейн?

Пёс лает, Фауст и Ведьма хохочут.

ФАУСТ. Граждане пришельцы, да поймите, что в моём лице вы облагодетельствуете всё человечество!

ВЕДЬМА. Ваше человечество, увы, не едино. Эти, от которых вы нас так вовремя избавили, тоже его часть.

ФАУСТ. Ну, раз так, у меня есть другое желание: дайте мне молодость вечную, жизнь бесконечную!

ПЁС. Силён, бродяга!

ДЕД МОРОЗ. Бродяга?

ПЁС. Идиома!

ВЕДЬМА. Да, юноша, в сообразительности вам не откажешь. Ваше второе желание – просто модификация первого. Подумайте ещё, вам даётся третья попытка.

ПЁС. Есть на свете чудеса,

больше и меньше:

копчёная колбаса

и улыбки женщин,

и ночной разговор

с другом старинным,

и большой коридор

в старых картинах,

опьянение любви,

красота похмелья...

Эта вся селяви

не терпит безделья!

ФАУСТ. Ну, тогда... тогда... (*Ведьме.*) Разрешите? (*Приглашает её на танец.*

Танцуют.) Знаете что? Я... полюбил вас с первого взгляда. Будьте моей женой!

Вот!

ВЕДЬМА (*останавливается, как вкопанная*). Ну ни фиги себе пельмень!

ДЕД МОРОЗ. Пьельмень?!

ПЁС. Идиома!

ФАУСТ. Это моё окончательное желание, и другого не надо!

ВЕДЬМА. Это тоже – то же самое. Да, у вас в лаборатории не дураки...

ФАУСТ (*ухмыляясь*). Да уж!

ВЕДЬМА. Послушайте! Желание, повторенное в разных вариантах трижды, должно быть исполнено. Таков закон. Но ведь вы не отдаёте себе отчёт...

ФАУСТ. Отдаю!

ВЕДЬМА. Но вам же не разобраться без теоретической подготовки!

ФАУСТ. Как-нибудь!

ВЕДЬМА. Да вы вообще представляете себе, кто я? Вы хоть отдалённо можете себе вообразить, какие обязанности лягут на вас, когда вы станете моим мужем?!

ФАУСТ. Ничего, мы тоже не лыком шиты!..

ПЁС. ...и не дранкой биты!

ДЕД МОРОЗ. А?

ПЁС. Идиома!!

ВЕДЬМА. Ну что ж... будь по-вашему! У меня есть свидетели, я отговаривала вас, как могла... Ладно, ваше желание сбудется – как только часы пробьют двенадцать. Есть ещё время одуматься!

ФАУСТ. Не желаю!

ВЕДЬМА. Ну-ну... Получите и молодость вечную, и жизнь бесконечную, ещё надоест... Узнаете и про "ошибку"... Как, однако, вы, люди, собственным глазам не доверяете – да вы бы оглянулись повнимательнее: а что у вас тут, в вашей части вселенной, не по ошибке?!!

ФАУСТ. Ну уж это вы как-то...

ВЕДЬМА. Ничего-ничего, ещё приобщитесь. Узнаете Разгадку всех Загадок. Станете таким, как мы...

ФАУСТ. Каким?

ВЕДЬМА. Таким! *(Срывает маски, остаётся без лица и пр.)*.

ФАУСТ. Ну и что? А я, по-вашему, кто? Да неужели же вы до сих пор не поняли, что я – тоже пришелец? Что все мы тут – пришельцы?!

Сквозь кусты проламываются костюмированные персонажи, перечисленные в конце списка действующих лиц. Фауст срывает маску и тоже остаётся без лица. Они с Ведьмой стоят, обнявшись, и, как можно предположить, целуются. Вокруг них – буйный танец.

ПЁС. Тили-тили-тесто!

Жених и невеста!!

ДЕД МОРОЗ. Это идиома?

ПЁС. О, ещё и какая идиома!..

Часы бьют двенадцать раз.

ДЕД МОРОЗ. С Новый Год! С новым счастьем! Сейчас вы познать Разгадку всех Загадок. Но для это надо не забывать есть один простой идиома: эта часть вселенной есть место, где нельзя останавливаться!

ПЁС. Время ходит колесом,
каждый день – нескучный сон,
каждый день у нас дела,
каждый год земля бела,
каждый новый Новый Год
нам известен наперёд,
словно старый санный путь ...

Времени не обминуть!

В море прыгают дельфины,
наши братья и кузины,

а подъездный инвалид
на одной брови стоит.
Снег идёт, вода течёт,
воду в ступе год толчёт,
рыба плавает по дну...
Мы у Времени в плену.
Время по уши в снегах –
в неоплаченных долгах,
словно нищий император ...
Мы у Времени – театр!!!

Занавес, или что там есть у пришельцев.

ЗАМЫСЕЛ

Таверна. Кристофер Марло и Вильям Шекспир сидят за одним из столов. Оба пьяны, но это видно только из их слишком резких или иногда неуверенных движений и жестов. Они давно здесь, их разговор уже начинает возвращаться к своим истокам. Они пьяны и молоды. Кроме них, в таверне никого.

Марло. Виль, ты знаешь это состояние! Утро – ты вдруг видишь его стрыдливую улыбку в грязном окне! Утро, понимаешь? И всё становится

неважным. Всё: женщина, которая принадлежала тебе ночью, ночь, которая принадлежала тебе как женщина, какой-то приятель, которого вроде бы заколол вчера в переулке... Ночи нет больше! Ты, конечно, знаешь, что она снова будет, будут сон и гибель, но в тот миг ты не думаешь об этом. Утро!.. Я никогда не завидую живописцам, Виль. Я смеюсь над ними! Годами слепнут они над мольбертами, тяжкий, не легче сизифова, труд – их удел, и на холсте появляется битва при Гастингсе или Пуатье. Не вся битва – миг её, вырванный из бытия, приклеенный к холсту, мёртвый, как цветок в альбоме. А я могу изобразить все войны Тамерлана при помощи десятка мальчишек и сотни пылающих слов!..

Шекспир (задумчиво). Пылающих слов...

Марло. Нет, не завидую и рассмеюсь в лицо каждому, кто заподозрит во мне такое! Но утром... утром, в этом проклятом и благословенном

ликовании красок, я хочу – я не стыжусь признаться тебе в этом, Виль! – мазать кистью по холсту, картону, стене, рабски копировать, подражать Богу, потому что нет слов таких, Виль! Можно сравнить восход с молодым вином или брачной

кровью, языком дьявола и задницей ангела, можно ошеломить толпу глупцов, но сам-то ты знаешь: не то! Но – и вот это самое странное и прекрасное, Виль! – ты не чувствуешь себя униженным этим знанием! Ты стоишь голый, кожа в пупырышках, а тебе жарко, и должна бы быть слабость от похмелья и блуда, а ты чувствуешь себя молодым и голодным. Ты зовёшь слугу и требуешь сыру и чернил. (опрокидывает кубок, вино заливает стол, но он не обращает внимания.) Женщина, проснувшись, испуганно смотрит на тебя. Ты и её должен описать. Она будет у тебя не уличной девкой, а принцессой, жрицей или молодой ведьмой, тем, кем она, может быть хотела бы могла бы стать...

Шекспир. Крис, я завидую тебе! Нет, не славе, а вот этому... Ты написал «Фауста», «Тамерлана», ты воистину царишь, как в небесах

Ю питер, и ты не успокаиваешься, ты ищешь... Ты счастливый, Крис!

Марло. Я счастливый, Виль! (*Запнувшись.*) Нет, несчастный... Несчастные! Что заставляет нас?... Ты прав, что не завидуешь славе! Это прах!

Сегодня все знают меня и мало кто знает тебя, а завтра все забудут Кристофера Марло и окружают сладким восхищением Вильяма Шекспира. Но что заставляет нас?... Геро и Леандр – эти имена не просто красивы, они внутренне созвучны, они перекликаются, они звучат друг для друга. Если бы этого мифа не было, его стоило бы выдумать! Вот и мы – вечно плывём через Геллеспонт на чуть заметный огонёк... Твои стихи, Виль, – молодые волки. Они взгрызаются в мозг. Их забудут не так скоро, как мои. Прочти вот то... ты знаешь, о чём я...

Шекспир. В разлуке я с тобой ещё с апреля,
Плясавшего в смеющейся красе,
Да так, что с ним плясал под птичьи трели
И сам Сатурн, забывший о косе...

Марло. Стой! Дальше не надо. Вот эти слова: «...И сам Сатурн, забывший о косе...». Вот оно! То самое. (*Вдруг с каким-то детским испугом.*) Виль, а ведь сейчас апрель!

Шекспир. Ну и что же? Ведь это не мартовские иды! Да и апрель сегодня кончается...

Марло. Кончается, но не кончился!

Шекспир. Ты стал суеверным, Крис?

Марло. Нет, Виль, я, как прежде не верю ни в Бога, ни в чёрта, но впервые мне захотелось поберечь себя. Знал бы ты, какую вещь я задумал! Ты читал когда-нибудь саги?

В таверну вваливаются подвыпившие солдаты. Их трое, высокие, угрожающего вида.

Первый солдат. Вина! Эй, вина!

Марло (*морицась*). Тише там!

Первый. Мы здесь кому-то не нравимся, парни? Вроде бы вот тому, а?

Шекспир. Не ищи ссоры, приятель! Мы вас не трогаем!

Второй. Чего?! А тебя кто спрашивает, сопляк?

Первый. Проткнуть его, Дэн? (*Выхватывает рапиру.*)

Шекспир вскакивает, скреещивает клинки с Первым солдатом. Марло бросается на помощь другу, но Второй и Третий преграждают ему путь. Шекспиру везёт – первым же выпадом он поражает своего противника, схватывается с Третьим, ранит его, тот падает. Одновременно Второй убивает Марло.

Шекспир. Ты... ты убил его, исчадь ада ты!!

Второй (с безразличием профессионала). Хэ! И тебя тоже!

Делает ложный выпад, ранит Шекспира в правую руку. Шекспир роняет оружие. Второй медленно наступает на него, почти касаясь острием клинка. Шекспир пятится, упирается спиной в стол и внезапно кидается солдату под ноги, валит его. Короткая борьба. Шекспир пронзает противника его же рапирой. Встаёт, зажимает рану ладонью. Третий солдат стонет.

Шекспир. Кри-ис!!!

Молчание.

Шекспир. Твой замысле, Крис! Саги!.. (Опускается на пол, бурно рыдает, как ребёнок.

Через несколько минут успокаивается,

приподнимается. Лицо его в слезах, но мыслями он уже далеко. Стоит на коленях в задумчивости.) Саги... Что это значит?

Третий солдат снова стонет.

РАЗГОВОРЫ В ШАРАНТОНЕ

ДУХ. Кто звал меня?

Гёте, «Фауст»

Я позвал тебя. Думаешь, тот,
Персонаж философского действия?
На фантастику, брат, не надейся!
Я реален, как сток нечистот.

П. Антокольский

О, сад моих друзей, мазох моих врагов!..

А. Парицков

Темнота. Внезапно включаются звуки зрительного зала: покашливание, шипение тех, кому опоздавшие наступили на ноги, бульканье, разворачивание конфет, поцелуи...

ГОЛОС. Мы находимся в психиатрической лечебнице Шарантон, что в окрестностях Парижа.

Луч света выхватывает из темноты человека. Он молод, одет в подобие пижамы, на ногах – шлёпанцы. Он стоит, вытянувшись и глядя в зал невидящими глазами. Он красив.

ГОЛОС. Первый сумасшедший. Называет себя Фаустом.

Фауст поворачивается и уходит в глубину сцены. Его место занимает маленький старичок с огромными глазами. Пижаму и шлёпанцы он носит с небрежным изыщством.

ГОЛОС. Второй сумасшедший. Называет себя маркизом де Садом. И, насколько можно быть в чём-то уверенным в этом мире, действительно таковым является.

Маркиз де Сад, отвесив поклон, уходит за Фаустом. Его сменяет человек лет пятидесяти. Бросив в зал равнодушный взгляд, отворачивается.

ГОЛОС. Третий сумасшедший. Никак себя не называет.

Третий сумасшедший уходит. Появляется маленький человечек, похожий на большую крысу. Шныряет глазками, хихикает.

ГОЛОС. Четвёртый сумасшедший. Называет себя шефом тайной полиции Фуше.

На самом деле он просто мелкий сыщик, но страдающий манией величия.

Фуше, ещё раз хихикнув, исчезает. Луч смещается вправо. В кругу света оказывается обладатель голоса. Одет так же, как и все остальные. Возраст определить трудно. Черты лица словно стёрты, лишены индивидуальности. Слегка наклонив голову, представляется:

– Пятый сумасшедший. Называю себя Творцом.

Поворачивается и уходит. Свет гаснет. Тишина. В глубине сцены загорается слабый колеблющийся огонёк, освещает лицо Фауста, силуэты остальных.

ФАУСТ. Ты безобразен, бес! А ну, катись!..

(Пауза.)

Свет меркнет. Мне, конечно, это снится.

(Пауза.)

Остался непристойный моностих,

Где что ни слово, то – во всю страницу.

(Пауза. Постепенно повышает голос.)

Рассвет остался в ракурсе земном,

воды в стаканах тяжелей и резче,

гигантский моностих во всё окно –

и мой пергаментный безрукий росчерк!

Огонёк становится ярче.

МАРКИЗ ДЕ САД. Я всегда считал, что людей с повреждённой психикой недостаточно просто изолировать от общества. Следовало бы их кастрировать – для их же собственного спокойствия.

ТРЕТИЙ СУМАСШЕДШИЙ. Начнём с вас, маркиз?

Огонёк разгорается в полную силу. Это фонарь в глубине сцены. Теперь видно, что маркиз де Сад стоит у пюпитра и пишет. Остальные сидят или лежат на койках-раскладушках.

САД. Надо, знаете ли, отличать практические рекомендации от чисто теоретических изысков. К тому же я-то не сумасшедший.

ФАУСТ (*голос совершенно другой, резкий, металлический. Это мог бы быть голос Мефистофеля*).

Вы, поющие лишь в хоре!

Вы, безрукие каменья!

Здесь страна фантазмагорий,
окольцованная тенью!..

ФУШЕ (*Саду*). Простите, что вы сказали насчёт политического сыска?

ТРЕТИЙ (*Саду*). Вот с вашими изысками мы и сидим по уши в дерьме!

Фуше, хихикая, слюнявит огрызок карандаша, что-то записывает на клочке бумаги.

САД (*Третьему*). Вы ещё молоды. Я повидал гораздо больше вашего. Подумайте, я был даже секретарём секции Пик...

ФУШЕ (*хихикая*). Да вы якобинец, а, маркиз?

САД. Отнюдь нет. Я антиякобинец. Более того, я обожаю короля.

ТВОРЕЦ. Какого?

САД. Я хочу, чтобы дворянству возвратили его блеск, ибо утрата этого блеска дворянством ничему на пользу не служит. Я хочу, чтобы король был вождём нации...

ФАУСТ (*голос вновь изменился. Возможно, сейчас он – Вагнер*).

Сколько б грехов ни давило горой на грудь,
сколько б ни высветила ночь оком внимательным,
есть у меня мандрагоры корень и вечноживая ртуть,
и да смилуется Трисмегист над последним романтиком!

САД. Вообще же я за две палаты, как в Англии...

ФУШЕ (*записывает, бормоча*). Английский шпион!

САД. Я не преступник. Но я провёл за решёткой более тридцати лет.

ТВОРЕЦ. Новый Вийон!

САД. Я сидел в Нормандии и на Сардинии, в Марселе и в Париже. Я сидел в Венсеннском замке и в Бастилии. Я сидел при Людовике XV, при Людовике XVI, при жирондистах, при якобинцах, при Директории, а теперь сижу при корсиканце.
Фуше хихикает, записывает.

САД. В Марселе меня хотели гильотинировать, а тело сжечь, и пепел развеять по ветру. Кстати, о гильотинах – один мой знакомый, русский аристократ (людоед, между прочим), изобрёл аппарат, отрубающий головы дюжине человек зараз.

ФАУСТ (*первый голос*).

Шиповник, бледно-розовый фантом,
как письма в пальцах вырваться пытаюсь,
так я сказал душе, что я готов
сорваться, слиться в капельку металла.
Там – две рапиры на стене в тени,
там – время, разомкнувшее колени,
там – Маргарита и ещё огни...

(*Крик.*)

Я больше не скучаю ни мгновенья!!!

САД. Впрочем, скоро у нас снова будет король. Не корсиканский бандит, а настоящий король, от головы до пят.

ТВОРЕЦ. Откуда такая уверенность, маркиз?

САД. Насколько мне известно, наш маленький капрал увяз в русских снегах. Это начало его конца. Мой отец, профессиональный военный и дипломат, бывал в России в качестве посланника. Он как-то сказал мне: «Упаси нас бог оказаться втянутыми в войну с русскими. Россию невозможно завоевать, но если бы даже и удалось, то уж удержать в подчинении не удастся!». Отец знал, что говорил. Именно при нём у русских вспыхнула крестьянская война, самая настоящая Жакерия.

ТВОРЕЦ. Вы, маркиз, пророк задним числом. Вот что значит, периодическая печать доходит нерегулярно и с большим опозданием! Российская кампания была два года тому назад, а на сегодняшний день Бонапарт выдворен на какой-то остров – забыл его название, – Бурбоны вернулись, на троне король Людовик XVIII.

САД (*равнодушно*). В самом деле? Ну, значит, я сижу уже при Людовике XVIII.

Хрен редьки не слаще.

ФУШЕ (*хихикая*). Должен вам заметить, маркиз, что вы сейчас наговорили лет на пятнадцать строгого режима!

САД (*Третьему*). Терпеть не могу идиотов. Вам ближе, дайте ему по физиономии. *Третий бьёт Фуше, тот невыносимо тонко визжит.*

САД (*не переставая писать, лишь чуть повысив голос*). Господин наблюдатель! *Входит Надзиратель. Трудно определить по фигуре и голосу, мужчина это или женщина. Он бочкообразен, монотонен, нерешителен и жесток. Вероятно, хороший семьянин.*

НАДЗИРАТЕЛЬ. Кто?!

ФУШЕ (*тыча пальцем в Третьего*). Он, он, он!!!

Надзиратель даёт Третьему в зубы. Третий сплёвывает кровью. И все остальные, кроме Надзирателя, тоже плюют кровью.

НАДЗИРАТЕЛЬ. В следующий раз – убью! Понял?

Третий кивает и снова плюёт кровью. Остальные – тоже.

САД. Убийство есть последний предел сладострастия.

НАДЗИРАТЕЛЬ. А ты, бывший... Что ты там строчишь?

САД (*не переставая писать*). С вашего разрешения, пьесу, господин наблюдатель. Вы же знаете, романы я уже лет десять не пишу, только пьесы.

НАДЗИРАТЕЛЬ. А она – не того?..

САД. Что вы, как можно. Не первый день здесь, порядок знаю.

НАДЗИРАТЕЛЬ. То-то. А ежели замечу, что ты опять подстрекаешь...

САД. Подстрекать – моё основное занятие, господин наблюдатель. Находясь в Бастилии, я подстрекал уличную толпу к штурму, крича через окно, что в тюрьме уничтожают политических заключённых.

ТВОРЕЦ. Так это была неправда?

САД. В Бастилии вообще не было политзаключённых. Кроме меня, там находилось пять человек, обвинённых в подлогах, и никто их, насколько мне известно, не собирался уничтожать... Меня тут же перевели в другую тюрьму, на следующий день народ взял Бастилию, а я просидел ещё год.

ФАУСТ (*голос Мефистофеля*).

Посмотрите, вот потеха –
как они судьбу пытаются

и, уверовавши в эхо,

головню в огне катают!

НАДЗИРАТЕЛЬ (*лениво*). Заткнись, прибацанный! (*Саду.*) Слышь, бывший, а верно, что ты знаешь две тыщи... ну, этих... извращеньев?

САД. Нет, господин наблюдатель, это абсурд.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Чего?

САД. Абсурд, с вашего позволения.

НАДЗИРАТЕЛЬ. А-а... (*Вдруг свирепеет.*) Ты мне арапа не заправляй! Я тебя про чего спрашиваю?!

САД. Так ведь я же и говорю, что это аб... абсолютно невозможно. Какой мозг в состоянии вместить столько? Лично мне известно не более шестисот вариантов; впрочем, почти все они лежат вне европейской традиции.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*успокаивается, услышав знакомое слово*). Лежат, говоришь?

САД. Вы можете ознакомиться с ними, прочитав мои ранние книги. Например, «Сто двадцать дней Содома»...

НАДЗИРАТЕЛЬ. Сожгли твои книги, бывший! На площади! Твой же сын, говорят, подпалил костёр!!

САД. Что ж, напишу новые. Кстати, у меня никогда не было сына, только дочь.

Правда, она всегда любила переодеваться в мужское платье.

ТВОРЕЦ. А вы, маркиз, попробовали все шестьсот вариантов?

САД. Невозможно было бы осуществить всё то, что я постиг. Да, я был распутником, но не преступником.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Рассказывай!

САД. Впрочем, я полагаю, что ежели Творец Вселенной разделит человечество на два пола и взрастит на виноградной лозе гроздь, то будьте премного уверенны, что он сделал это ради нашего наслаждения.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Мели, Емеля!

ТРЕТИЙ. А вы, что ли, в Бога верите, маркиз?

САД. Хм... А вы?

ТРЕТИЙ (*неохотно*). Я думаю, что Он есть, но верить в Него не стоит.

ТВОРЕЦ. Это почему же?

ТРЕТИЙ. Если Его всё же нет, то верить в Него глупо. А если есть, то Ему наплевать – верят в Него, не верят. Его не убудет.

САД (*в первый раз настолько заинтересовывается разговором, что откладывает перо*). Любопытная точка зрения! Почти совпадающая с моей! Единственная ошибка, которую я не склонен простить человеку – это идея Бога! Что может быть отвратительнее, глупее, преступнее этой химеры?! Вы правы, друг мой: есть Бог или нет, не столь важно! Но не верить в Него – необходимо! Он – помеха на пути! Природе – вот кому стоит поклоняться, ибо она достаточно мудра и последовательна, чтобы не создать даже возможности отклонений, ей не угодных.

ТВОРЕЦ. Так, может быть, Природа и есть Бог?

САД. Но как же быть в таком случае со старой доброй традицией – по образу и подобию? Кстати, если учесть, что первые люди жрали сырое мясо, при ходьбе помогали себе руками – да что там, передними лапами! – и с головы до ног были в шерсти, то хорош же с виду ваш Боженька!

ТВОРЕЦ. Существует также мнение, что Природа – Мать, а Бог – Отец. И Мать

была пуста и бесплодна, пока Бог не вошёл в неё.

САД. О-ля-ля! Этаким добрый папенька!

ФАУСТ (*голос Вагнера*).

Скрючен подвал, череп налит огнём,

тигель, хрупкий мой след, раскалён ещё...

Там рождается он, там, за прозрачной бронёй!..

Только бы в этот момент не допустить просчёт!

САД. Нет уж! Бог, если он есть, – абсолютное зло! Позвольте вам напомнить хотя бы следующее место из Писания: «Дорогою на ночлег случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взявши каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего ...». Вдумайтесь! Бог, бродящий ночью по большой дороге, как бандит, и покушающийся на предательское убийство! Да не кого-нибудь, а пророка, которому Он сам только что поручил вывести избранный свой народ в землю обетованную! И чем же Его можно умиловить? Только кусочком окровавленной, ещё тёплой детской плоти! А?! Чем же этот так называемый истинный Бог лучше Молоха или Кибелы? (*Спокойнее.*) Говорят, моё имя стало нарицательным. Так скажите по чести, не заслуживает ли этот свирепый Бог звания «Садист номер один»? Я представляю себе, как на Страшном суде этот неумолимый Бог обращается к праведникам: «Когда вы увидели, что на Земле всё порочно и преступно, почему вы упорствовали на стезе добродетели? Постоянные несчастья, которые Я обрушивал на мир, разве вас не убедили, что Я люблю только беспорядок? Разве Я не давал каждый день пример разрушения – что же вы не подражали Мне, глупцы, почему вы не разрушали?!».

ТВОРЕЦ. Но если, повторяю, Бог – это Природа...

САД. Тогда я хотел бы нарушить Её планы, противодействовать Её развитию, остановить движение звёзд, разрушить планеты, плывущие в пространстве, уничтожить то, что Ей служит, создать то, что Ей вредит, – одним словом, оскорблять Её во всех Её творениях, срывать все Её великие начинания!

ТВОРЕЦ. Вы противоречите себе, маркиз!

САД. Натурально, противоречу, а как же иначе! Потому что я спорю, потому что я мыслю! Противоречу – стало быть, существую. Не противоречат себе только такие, как наш бедный друг. (*Кивок в сторону Фауста.*) Да и то – кто ведает, какие вопросы задаются, какие бури кипят в их скрытом от нас мире? Да ещё не противоречат себе те, кому головной мозг – излишняя обуза. (*Лёгкий кивок в сторону Фуше и Надзирателя.*) Они и спинным прекрасно обходятся. Любопытно было бы проделать с ними небольшой эксперимент – удалить полушария!

Убеждён, что они бы даже не заметили... Кстати, господин наблюдатель, не сочтите за назойливость – мне кажется, наступает время обеда.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*всё это время смутно страдавший из-за непонимания разговора и невозможности придаться*). Ишь чего! Жрать захотели, а? А вот не принесу!

Посидите сегодня с пустым брюхом! Что, съели?

Общий ропот.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Молчать!!!

Ропот стихает.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*растрогавшись от собственной доброты*). Ладно, сволочи, так и быть! Без меня б вам труба! (*Выходит.*)

САД (*продолжая писать*). Что ж, кажется, можно поставить точку. (*Ставит точку.*) Пьеса вчерне закончена.

ТВОРЕЦ. О чём она, если не секрет?

ФАУСТ (*голос Мефистофеля*).

В этом мире маленьких предметов
и забавных плюшевых лосей
подмалёвком проступает лето,
и зима ложится кистью всей.

В длинном мире брошенных предметов
круглым небом выжжена печать,
и отшелушившаяся ретушь
перхотью щекочет по плечам.

Столкновение выпуклых предметов
поглощает линию с лихвой.

И оставят живопись поэты.

Крест.

Осина.

Дым над головой...

САД. Пьеса называется «Робеспьер в аду». Впрочем, пожалуй, я назову её как-нибудь поскромнее. Скажем, «Сны перед казнью». Содержание таково: Робеспьер спит и видит сны в свою последнюю ночь. Ему снится, что он уже казнён и пребывает на том свете, где ему приходится держать ответ за всё, содеянное им при жизни.

ТВОРЕЦ. Мы могли бы её поставить?

САД. Да... думаю, что да. Актёров нужно немного, но в пьесе, кроме людей, участвуют куклы. Так что один из актёров должен быть опытным кукловодом.

ТВОРЕЦ. Что ж, мне случалось заниматься и этим.

САД. Великолечно. Вот ваш текст. (*Отделяет часть листков.*) Куклы найдутся.

Робеспьера попробую сыграть я сам!

НАДЗИРАТЕЛЬ (*входит с подносом*). Сегодня вам жратва сухим пайком – на кухне плита не работает. Ничего, перебьётесь. (*Раздаёт хлеб и сыр.*)

САД. Кончается пьеса тем, что распаивается дверь и на пороге появляются жандармы, пришедшие конвоировать его к месту казни. Но Робеспьер не просыпается. Он умер во сне.

ТВОРЕЦ. М-да...

Тем временем все едят: Фуше – давясь и брызгая слюной, Третий – медленно и угрюмо, Фауст отщипывает маленькие кусочки, положив хлеб и сыр рядом с собой. Творец и Сад тоже берут свои порции. Творец ест рассеянно, но с явным аппетитом. Сад моментально всё проглатывает, тянется к хлебу Фауста. Фауст не реагирует.

ТРЕТИЙ. А ну, маркиз, бросьте!

САД (*отломив кусок, невинно*). Что именно?

ТРЕТИЙ. Положи на место, ну!

САД (*сунув кусок в рот*). Чем это место хуже любого другого? (*Жуёт.*)

ТРЕТИЙ (*сжав кулаки*). Ах ты!..

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ну? Ты опять?!

САД (как ни в чём не бывало). Господин наблюдатель, не хотите ли сыграть жандармов? Их, правда, двое, но вы, я уверен, смогли бы и целый взвод...

ТВОРЕЦ. И вам не стыдно, маркиз?

САД. Вы о чём? А... Нет, не стыдно. Я голоден, а он, судя по всему, в еде почти не нуждается. И вообще, как говаривал Гельвеций, угрызения совести начинаются там, где кончается безнаказанность.

ТРЕТИЙ. Гадина!

САД. Так как, господин наблюдатель?

НАДЗИРАТЕЛЬ. А чего ж... Только у меня память плохая.

САД. Вам нужно будет произнести всего два слова: «Именем народа!». Запомните? Впрочем, извольте, я вам запишу. *(Пишет, отдаёт листок Надзирателю.*

Смотрит на Фуше.) Вы, пожалуй, тоже пригодитесь. *(Третьему.)* А вы кого бы хотели сыграть в этой пьесе?

ТРЕТИЙ. Плевал я на твою пьесу!!

САД. Отлично! Будете публикой!

Фонарь гаснет. Фауст, Надзиратель, Третий спускаются со сцены и садятся в первом ряду. Некоторое время ничего не происходит, кроме приглушённой возни, как обычно при перемене декораций. Затем вспыхивает луч света. В кругу света лежит человек. Лицо его почти целиком закрыто повязкой. Вспыхивают ещё три луча. Они хаотично мечутся, выхватывая из тьмы лица трёх Эринний.

ЭРИННИИ. Робеспьер, Робеспьер, Робеспьер!!!

ПЕРВАЯ ЭРИННИЯ. Робеспьер, пришло время расплаты!

ВТОРАЯ ЭРИННИЯ. Встань, очнись!

ТРЕТЬЯ ЭРИННИЯ. Кровожадный убийца, тиран, узурпатор, злое чудовище,

твоя вина не нуждается в доказательствах!

Отныне ты наш!

ПЕРВАЯ ЭРИННИЯ. Ты уже осуждён!

ВТОРАЯ ЭРИННИЯ. Встань, очнись!

ЭРИННИИ. Робеспьер, Робеспьер, Робеспьер!

Робеспьер, ворочается, стонет.

ЭРИННИИ. Ты наш, ты наш, ты наш!

ПЕРВАЯ. Мы будем преследовать тебя до скончания вечности.

ВТОРАЯ. Взмолишься о пощаде – мы напомним тебе о твоей беспощадности!

ТРЕТЬЯ. Упадёшь – крикнем:

«Вставай!».

ПЕРВАЯ. Ты осуждён, Робеспьер,
во веки веков

в бесконечном времени

бежать по безразмерному колесу пыток!

ТРЕТЬЯ. Кровь, кровь!

Липкая кровь!

Земля покрыта коркой ссохшейся крови!

ВТОРАЯ. Так хотел ты, Робеспьер!

ТРЕТЬЯ. Что же ты молчишь? Говори,
если можешь.

РОБЕСПЬЕР. Кто?.. Зачем?..

Эриннии хохочут.

ВТОРАЯ. Он не понимает!!

ПЕРВАЯ. Ты мёртв, Робеспьер,
и мы – твои обвинители!

ВТОРАЯ. Твои преследователи!

ТРЕТЬЯ. За гробом!!

РОБЕСПЬЕР (*хватаясь за горло*). Я... казнён? Как же я... говорю?

ПЕРВАЯ. Казнено твоё тело.

Душа же осталась нам.

ВТОРАЯ. Навечно!!!

РОБЕСПЬЕР (*прикасаясь к повязке*). Но... я чувствую боль от раны...

ПЕРВАЯ. Точно так же, как глаз

ещё долго ощущает соринку,

хоть она давно вынута,

так и душа

после смерти

ещё долго хранит ощущения тела,

помнит боль,

страдает от жажды и голода.

Человек очень телесен!

ВТОРАЯ. Тем слаще терзать его!!

РОБЕСПЬЕР (*сухо*). Когда я был гильотинирован?

ПЕРВАЯ. Девятого термидора,

в шесть часов вечера,

десять часов назад, без суда.

Труп брошен на свалку.

ТРЕТЬЯ. Вместе с тобой казнены

Сен-Жюст и Кутон.

ПЕРВАЯ. Сегодня взойдут на эшафот

семьдесят твоих сторонников!

РОБЕСПЬЕР. Так. А вы...

ЭРИННИИ. Мы будем преследовать тебя сквозь Вселенную!!!

РОБЕСПЬЕР (*усмехнувшись*). Достаточно, мне всё ясно. Не вам судить меня, если
вы и существуете. Лично я склонен думать, что вы снитесь мне. И сейчас я
намерен проснуться. Сгиньте, призраки!

*Эриннии бессильно повисают на чёрной ширме, которая только теперь
становится видна. Ширма падает вместе с куклами, и перед Робеспьером
оказываются Эак, Минос и Радамант. Лица судей недвижно-белы, как гипсовые
маски. Вокруг по-прежнему тьма. Робеспьеру кажется, что Эак похож на
Дантона, Минос – на Сен-Жюста, а Радамант – на него самого.*

Нарушает молчание

ЭАК. Подсудимый, встаньте. Вы находитесь перед Верховным Трибуналом

Республики Мёртвых. Отвечайте на вопросы точно и исчерпывающе. Ваше имя?

РОБЕСПЬЕР. Робеспьер.

ЭАК. Полностью!

РОБЕСПЬЕР. Максимилиан Мари Исидор Робеспьер.

ЭАК. Признаёте ли вы себя виновным?

РОБЕСПЬЕР. В чём?

ЭАК. У вас плохая память, подсудимый?

РОБЕСПЬЕР. Моя память меня ещё ни разу не подводила.

ЭАК. Ответ, как всегда, излишне самоуверенный. Что ж, ваша память вам сейчас пригодится.

МИНОС. Вы выдвинули тезис: народ всегда прав.

РОБЕСПЬЕР. Да.

МИНОС. В 1790 году вы утверждали, что народ не только не жесток, но, напротив, проявляет непостижимую терпимость: после стольких веков рабства и пыток ограничивается тем, что сжигает несколько замков и вешает нескольких аристократов. Вы не отрекаетесь от своих слов?

РОБЕСПЬЕР. Нет.

МИНОС. Но ещё в сентябре 1789 года народ ворвался в тюрьмы и стал истреблять арестованных аристократов. Вы одобряли и это?

РОБЕСПЬЕР. Нет.

МИНОС. Как прикажете увязать одно с другим?

РОБЕСПЬЕР. Народ может ошибаться в частностях. Но в целом – народ всегда прав. Да, сентябрьские убийства были бесчеловечны, но это была естественная реакция масс в условиях окружающего предательства. Интервенты были уже у ворот Парижа, и роялисты готовились освободить заключённых и ударить в спину. Поэтому вполне понятен стихийный взрыв народного гнева ...

ЭАК. Стихийный?

РОБЕСПЬЕР. Несомненно.

ЭАК. Ваша партия не приложила к этому руку?

РОБЕСПЬЕР. Ложь.

ЭАК. Но ведь Марат оправдывал сентябрьские убийства?

РОБЕСПЬЕР. Марат – другое дело...

ЭАК. То есть?

РОБЕСПЬЕР. Марат всегда требовал крайних мер. Лучше сейчас уничтожить сто тысяч, говорил он, чем потом погибнут миллионы. Я никогда не соглашался с ним, но...

РАДАМАНТ. Так-так, продолжайте, пожалуйста, господин Робеспьер!

РОБЕСПЬЕР. Но время всегда доказывало его правоту. Пусть ошибочны были его принципы – выводы из них оставались единственно верными.

МИНОС. Может ли так быть?

РОБЕСПЬЕР. Видимо, да. Он был единственный, кто верно улавливал стадии, проходимые революцией, и каждый новый оборот подтверждал его предсказания. Он был прав, требуя установления республики, диктатуры левой партии, террора – всего того, против чего я в своё время выступал.

РАДАМАНТ. Попутный вопрос, гражданин Робеспьер: как вы лично относились к Марату?

РОБЕСПЬЕР (*после паузы*). Я никогда не любил его. Слишком разными мы были,

слишком по-разному смотрели на всё.

РАДАМАНТ. Он тоже не любил вас.

РОБЕСПЬЕР. Знаю.

РАДАМАНТ. Он считал, что вам недостаёт дальновидности и отваги.

РОБЕСПЬЕР. Возможно. Зато народ любил меня не меньше, чем его.

МИНОС. Мы ещё вернёмся к этой пресловутой народной любви. Не будем забегать вперёд.

ЭАК. Вас называли триумвиратом: Марат-Друг народа, Робеспьер-Неподкупный и Дантон-Циклоп. Вы помните, что крикнул Дантон, когда его везли мимо вас на гильотину?

РОБЕСПЬЕР (*сжавшись*). Да.

ЭАК. Повторите. Ведь у вас хорошая память.

РОБЕСПЬЕР. Он... он крикнул: «Робеспьер, я жду тебя. Ты последуешь за мной!».

ЭАК. Что ещё он сказал перед казнью?

РОБЕСПЬЕР. «Предпочитаю быть гильотинированным, чем гильотинировать других!». Но это красивая фраза, не более того. Если бы его фракция победила, он даже помимо желания вынужден был бы...

МИНОС. Возможно. Итак, революция – это борьба за власть?

РОБЕСПЬЕР. Нет! Так считал Дантон! Это для него революция была лишь средством к обогащению! Он не скрывал, что выше всего ценит хорошую еду, тонкие вина, красивых женщин. Он был рупором денежных мешков, грязных душонок, спекулянтов, округлявших капитал в неразберихе террора...

РАДАМАНТ. Спокойнее, гражданин Робеспьер. Вы не в Конвенте и не в Якобинском клубе.

ЭАК. Богатство – понятие относительное. Дантон, положим, обитал в роскошном особняке, а вы – в камерке. Но вы ходили во фраке, а, к примеру, Марат – в лохмотьях. И ели вы каждый день, верно? А Марат голодал в прямом смысле этого слова...

МИНОС. Ближе к делу.

ЭАК. Власть – разве это только богатство? А не пьянящее ощущение себя не одной из бесчисленных слагаемых вектора, но рукой, которая этот вектор проводит? Пастырем, а не одним из баранов в стаде?

МИНОС. Повторяю, ближе к делу.

ЭАК. Вы полны гордыни, подсудимый, а ведь гордиться вам нечем.

РАДАМАНТ. Мы знаем, гражданин Робеспьер, что у вас были благородные намерения и чистые помыслы. Увы, остаются не помыслы, а дела. Мы знаем, что вы – вы лично и ваша партия – предложили самую гуманную конституцию, провозгласили всеобщее избирательное право, право на труд, свободу личности...

ЭАК. Свободу слова.

МИНОС. Свободу печати.

РАДАМАНТ. Свободу собраний.

ЭАК. Свободу мнений.

МИНОС. Свободу партий.

РАДАМАНТ. Свободу вероисповеданий.

ЭАК. Отмену смертной казни и всеобщее благоденствие!.

РОБЕСПЬЕР. Хватит!! Да, террор перечеркнул демократию! Да, ограничил

свободу каждого! Да, открыл дорогу для произвола мерзавцам, всплывшим на волне революции! Да, да, да! И всё это я предвидел... предвидел...

ЭАК. А как же быть с вашими словами: «В революции заходят далеко тогда, когда не знают, куда идут»?

РОБЕСПЬЕР. Террор был вынужденной, ответной мерой!

ЭАК. Это нам известно. Приняв личину законности, вы делали то же самое, что делал народ в сентябрьские дни в порыве паники и отчаяния.

РОБЕСПЬЕР. Да, страна стала огромным военным лагерем, а жизнь в лагерях не способствует демократическому воспитанию граждан. Но когда идёт смертельная схватка на внешнем и внутреннем фронтах, тут уж не до демократии!

РАДАМАНТ. Это нам тоже известно.

РОБЕСПЬЕР. Закон против аристократов и эмигрантов был вызван этими же причинами! Революцию надо было спасать!

МИНОС. И это нам известно.

РОБЕСПЬЕР. Чего же вы от меня хотите?

ЭАК. Подсудимый, вспомните: «Тот, кто потеряет доверие народа, будет смят и уничтожен, как бы его ни звали: Людовик или Робеспьер!». Это ваши слова.

РАДАМАНТ. Было время, гражданин Робеспьер, когда вы были самым последовательным защитником интересов народа. Мозгом и совестью революции ...

ЭАК. И вы отождествили себя с революцией.

РАДАМАНТ. Ваша болезненная подозрительность, именуемая бдительностью, была возведена в ранг закона.

МИНОС. И вы уничтожили тех, кто лучше понимал народ, чем вы. Вы разгромили фракции «бешеных», «ультрареволюционеров», левых якобинцев – всех, кто помог вам когда-то справиться с жирондистами. И вы же, вы лично, повинны в гибели Марата.

РОБЕСПЬЕР. Это ложь!!!

МИНОС. Разве вам не было известно, что на него готовится покушение? Вы что-нибудь предприняли? Дали ему хотя бы охрану? И разве не обязаны вы были это сделать, даже если бы вам ничего не было известно? Молчите? Вас устраивало, чтобы он вовремя умер.

РОБЕСПЬЕР (*обессиленно*). Ложь...

МИНОС. А за ним вы убили Ру и Варле. Вы убили Эбера. Вы убили Клоотса – за космополитизм. Вы убили Шометта...

ЭАК (*в нём словно бы появляется что-то человеческое*). Ну, его-то за что? Он признал все свои ошибки – реальные и мнимые. Он поддерживал тебя. Только потому, что опасно оставлять на высоком посту и вообще в живых человека, чьи единомышленники казнены? В этом ты весь, Робеспьер!

МИНОС. Они говорили от имени тех, кто отдал революции всё и не получил взамен ничего, – а для вас они были анархистами и демагогами. Их усилия подвинуть революцию дальше для вас были нападками на правительство, к которому вы принадлежали.

РАДАМАНТ. Вы хорошо начали, гражданин Робеспьер, но вы плохо кончили.

МИНОС. Мудрено ли, что революция окоченела, и мало кто пожелал вас защищать, когда пришла ваша очередь.

Э А К (к нему вновь возвращается прежнее бесстрашие). С вами сбылось по вашему же слову. Народная любовь фанатична – было время, на вас молились, – но не беспредельна. Да и кому теперь мог верить народ, если и Ру, и Шометт, и Леклерк, и Дантон оказались изменниками?

МИНОС. Хотите знать будущее, Робеспьер? Через несколько лет власть захватит артиллерийский офицерик, бывший подчинённый вашего брата, ухаживавший с ним за одной женщиной. И в одном только Бородинском сражении он погубит в десятки раз больше людей, чем погибло за весь период террора...

РОБЕСПЬЕР. Проклятие!! Да кончится ли этот сон?!!

Тотчас куклы падают вместе с ширмой, и перед Робеспьером – огромный крест, с которого к нему обращается

РАСПЯТЫЙ. Здравствуй, Робеспьер!

РОБЕСПЬЕР. Я не верю в тебя.

РАСПЯТЫЙ. Ты можешь меня коснуться.

Робеспьер молчит.

РАСПЯТЫЙ. Робеспьер, это правда, что тебя считали Мессией?

РОБЕСПЬЕР. Тебе лучше знать.

РАСПЯТЫЙ. Ты не считаешь себя христианином, Робеспьер?

РОБЕСПЬЕР. Нет!!! Ты не Бог, ты лишь один из его пророков! Ты был казнён за людей? Я тоже, и даже в том же возрасте. И, как ты, не мир принёс я, но меч. Твоё учение было кинжалом против прогнившей Римской империи. У каждой революции – своя религия, свои пророки и свои мученики. И сама идея революции предначертана свыше справедливым Верховным Существом.

РАСПЯТЫЙ. Я могу превращать воду в вино, а ты?

РОБЕСПЬЕР. Я не шарлатан!

РАСПЯТЫЙ. Разве? Люди просили у тебя хлеба, а ты подсовывал им Верховное Существо.

РОБЕСПЬЕР. Кто захочет умирать за кусок хлеба? А за веру люди идут на смерть, на костёр. Человеку необходима вера, человека создаёт вера. Вот почему я боролся с атеизмом и считал его страшнее голода.

РАСПЯТЫЙ. Если у человека нет ни единого куска хлеба, то очень скоро некому становится и верить.

РОБЕСПЬЕР. Да ты уж не атеист ли?!

РАСПЯТЫЙ. А почему бы и нет? Ты же сам всегда обвинял атеистов в аристократизме. А какой аристократ аристократичней Бога? Только Бог может себе позволить не верить в Бога.

РОБЕСПЬЕР (*бормочет*). Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, сорок лет... Чтобы вымерло поколение, хранившее растлевающие воспоминания прошлого. У меня не было ни сорока лет, ни пустыни...

РАСПЯТЫЙ. У тебя была всего лишь гильотина.

РОБЕСПЬЕР. Всё, что было мною сделано, делалось ради грядущего царства добра и справедливости. Эта цель стоила чёрной крови врагов и святой крови патриотов. И не зря к нам пришли лучшие люди – физик Лаплас, химик Бертолле, биолог Ламарк, художник Давид...

РАСПЯТЫЙ. Кстати, о художнике – хочу рассказать тебе притчу...

В глубине сцены освещается экран. Фильм чёрно-белый.

1. Комната в мансарде. Множество картин, чистых холстов, эскизов, всевозможных предметов – обычный хаос мастерской художника. Художник – молодой, в обтрёпанной одежде – у мольберта. Напряжённно смотрит на картину, которая не видна зрителям. Улыбается.

Свет на первый ряд в зрительном зале.

ТРЕТИЙ (вскочив). Прекратите! Эй, прекратите!

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ты опять?! Ну, держись, падла, я те шас покажу, как спектакль срывать! (Бьёт его правой рукой в подбородок, одновременно левой в висок.

Третий, взмахнув руками, падает в оркестровую яму.)

ХУДОЖНИК (улыбаясь). Кажется, получилось...

2. В ту же секунду стены мансарды куда-то исчезают. Толпа людей окружает художника. Вдали контуры городских зданий – откровенно условные.

ХУДОЖНИК. Что это?

ГОВОР В ТОЛПЕ. ...Он не понимает... ...ничего удивительного...

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИН. Не волнуйтесь.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИН. С вашими картинами ничего не случится.

ДЕВУШКА. Мы спасём вас.

ХУДОЖНИК. От чего?! Кто вы? Где я?!!

ДЕВУШКА. Наше правительство исправляет прошлое...

ХУДОЖНИК. Ничего не понимаю!

ДЕВУШКА. С тех пор, как был открыт способ перемещения во времени, правительство нашей страны пристально следит за прошлым. Как только где бы то ни было обнаруживается мыслитель, художник или учёный, чьи работы могут быть опасны для нас, его выдёргивают из его времени вместе с его произведениями и доставляют сюда. Здесь его работы уничтожаются, а сам он подвергается перестройке психики...

Шум в толпе, восклицания: «Идёт! Внимание!».

Появляется полицейский. Это женщина, небольшого роста, любезная, улыбчивая.

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Попрошу художника выйти. (Расстёгивает кобуру.)

Художник делает движение. Его тотчас хватают несколько рук.

Крупный план – девушка.

ДЕВУШКА (шепчет). Не шевелитесь! Всё будет хорошо...

Из толпы выходит гражданин. Вокруг него постепенно образуется пустое пространство. Наконец, в кадре остаются только он и женщина-полицейский.

Женщина поднимает пистолет.

ГРАЖДАНИН. Стреляйте двойным зарядом. Я не хочу жить.

ЖЕНЩИНА. Вы и не будете жить. Ваша психика будет переделана полностью. Вы не будете помнить себя предыдущего. Разве это не то же самое?

ГРАЖДАНИН. И то верно.

Женщина стреляет – выстрел похож на негромкий звонок. Гражданин падает.

ЖЕНЩИНА. Прошу всех разойтись. В противном случае квартал будет оцеплен. Толпа разбегается. Многие несут картины.

ДЕВУШКА (*на секунду прижавшись к художнику*). Запомните мой адрес: улица Гарпунёров, дом 15. (*Убегает.*)

ХУДОЖНИК. Постойте!..

ДЕВУШКА (*за кадром*). О картинах не беспокойтесь. Их принесут ко мне...

3. Стена. Номер «15». Дверь.

Дверь распахивается.

ДЕВУШКА (*в комнате*). Входите.

Художник входит.

В комнате, куда он попадает, стоят, висят и лежат его картины.

У стен – какие-то люди. Видны смутно.

ДЕВУШКА. Не обращайтесь внимания. Это моя мать... и ещё...

ХУДОЖНИК. Теперь, я надеюсь, вы мне всё объясните...

ДЕВУШКА. Что ж тут объяснять... Мы – как бы стихийное Сопротивление.

Обычно один из нас жертвует собой... да вы ведь видели... Скажите лучше: э т о и есть ваши картины?

ХУДОЖНИК. Да... Почему вы спрашиваете?

ДЕВУШКА. Мало ли... Перемещение во времени, знаете ли... Бывает, захватят работы не того человека...

Пауза.

ДЕВУШКА. Послушайте, я хочу вам сказать: произошла ошибка. Ваши картины ... не опасны. Они очень красивы и всё такое... но они не заслуживают ни преследований, ни спасаний.

ХУДОЖНИК. Как? Но ведь ваше правительство...

ДЕВУШКА. О, правительство! Мы понимаем под этим не совсем то, что вы. Я, например, тоже в этом правительстве.

ХУДОЖНИК. Что?!

ДЕВУШКА. Вот видите, вы не понимаете. Слишком многое различно... и только язык искусства мог бы служить мостом. Но ваши картины... не искусство. Вы могли бы спокойно оставаться в своём времени...

4. Снова толпа на площади. Художник в толпе.

Нечто вроде смерча возникает в центре кадра, и посреди толпы возникает человек.

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*появляясь*). Попрошу философа выйти.

Художник, расталкивая окружающих, выходит. Женщина поднимает пистолет.

ХУДОЖНИК. Стреляйте двойным. Я не хочу жить.

ЖЕНЩИНА. Вы и не будете жить...

Крупный план – лицо художника и ствол пистолета.

В лице отчётливо проступают черты Третьего Сумасшедшего.

Крупный план – лицо девушки. Жестокая усмешка.

Экран гаснет.

РАСПЯТЫЙ. Ты понял, Робеспьер?

РОБЕСПЬЕР (*мечется*). Проснуться, проснуться...

Исчезает крест, и перед Робеспьером – бесформенное Нечто.

НЕЧТО. Робеспьер, здравствуй! Я – Верховное Существо. Что бы ты мне хотел сказать?

Робеспьер падает. Лежит неподвижно.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*встаёт*). Никак теперь мой выход. (*Напяливает треугольную шляпу, поднимается на сцену. Заглядывает в бумажку.*) Именем наррода...

Гррражданин Ррробеспьеррр, следуйте за мной!

Робеспьер не шевелится.

На сцене – полный свет. Нечто оказывается просто людьми, завернувшимися в простыню. С одного конца выползает Фуше, хихикает.

ТВОРЕЦ (*выпутываясь с другого конца, склоняется над лежащим*). Маркиз...

ФАУСТ (*поднимается на сцену, по-прежнему отрешённый. Говорить может всеми голосами сразу*).

Струится через время вброд

костёр, пока не околеет.

К моей сожжённой Аквилее

ночь подползла наоборот.

С собачьей мордой голова

созвездья слизывает рядом.

Земля пузырится от яда.

В окне – чугунная кровать.

Забыт под камнем диалог:

«Я вас... любить ещё...» – «Быть может...».

Волк-великан лежит и гложет

Луну, упавшую орлом.

И станет день, и круг-приказ,

как гипс, зальёт подвал и площадь.

В пустотах остаются мощи:

там черновик...

а там рука...

ТВОРЕЦ (*выпрямляясь*). Он умер...

НАДЗИРАТЕЛЬ (*обмахиваясь шляпой*). Здорово сыграл!

ТВОРЕЦ. Он действительно умер! (*Выходит на авансцену и произносит буднично.*)

Сегодня, 2 декабря 1814 года, в царствование христианнейшего короля Людовика XVIII, на семьдесят пятом году жизни скончался известный французский писатель Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де Сад.

З а н а в е с .

ЭДИП-98

(в соавторстве с С.Левчиным, под редакцией Э.Зельцман)

ЭДИП (*входит*).

Я – Эдип, и ты – Эдип,
На Парнасе бог не спит.
Тут, с Парнаса знак – огонь,
Разгадаешь – выйди вон.

Я, как раненный, бегу,
Ноги клонятся в дугу.
Киферон – отец и мать,
Я, пожалуй, погулять.

Фивы где-то впереди,
Но зачем туда ходить?
Там Тиресий, он слепой.
У него притом запой.

Был бы я не древний грек,
А обычный человек,
Не спешил бы стать царём,
А остался б при своём.

Пас бы коз, варил кисель ...

ГОЛОС (*за сценой*).

В отдалении – лютни трель ...

ЭДИП

То идёт приятель мой –
С финкс с девичьей головой.

Входит СФИНКС, приплясывая и припевая.

СФИНКС (*тоненьким голоском*).

Эй, Эдип, дружище старый,
Отчего ты без гитары?
Отчего ты на ходу
Держишь голову в пруду?

Отчего молчит капуста?
Отчего поёт морковь?

Оттого, что дубль-пусто
Озаряет нашу кровь!

(Басом.)

Ты как будто мне внимаешь,
Но почти не понимаешь.
Ты достал меня, и в том
Я клянусь своим хвостом!

ЭДИП

Вот не думал, не гадал,
Что кого-то там достал.
У Эдипа жизнь проста –
Не имеет он хвоста.

Не кроши, дружок, батон
На меня со всех сторон!

Часовым с фиванских башен
Ты, должно быть, очень страшен.
Ну, а мне ты лучший друг –
Не бери же на испуг!

СФИНКС *(обычным голосом).*

В небе ходят облака,
Под холмом течёт река,
По лесам ползут трамваи.
Птицы пёстрые зевают.
Солнце жёлтое поёт.
Не пора ли нам в полёт?

ЭДИП *(передразнивает).*

Бы-бы-бы да бу-бу-бу!
Помню я свою судьбу.
Знаю всё со всех сторон.
Разгадаю – выйду вон.

СФИНКС

Ну так вот тебе, гадай!
Кто, скажи-ка ...

ЭДИП

Ай! Ай! Ай!

СФИНКС

Ты не айкай! Ну-ка, кто
Ходит утром без пальто,
Соображает на троих?..

ЭДИП
Это, может быть, жених?..

СФИНКС
Кто, игривый, как козёл,
Сунул голову в рассол
И, как броуновский луч,
Не глядит, что день летуч?

Кто, в пижаме голубой,
Держит книгу пред собой,
Но не может букв понять? ...

ГОЛОС
Эй, Эдип, пора линять!

СФИНКС
Кто решил, что он умён
И в питательный бульон
Ложку мыла покрошил?..

ЭДИП
Может, это крокодил?...

СФИНКС
Ошибаешься, дружбан!
Это старый хулиган,
Кто в дрянное дело влип,
И зовут его...

ГОЛОС
Эдип!!!

Сфинкс падает, машет хвостом и крыльями, воеет.

ЭДИП
Я бегу к семи вратам –
Ноги лезут в чемодан.
Где-то доктор есть слепой,
Он расскажет, что со мной.

Он не знает те слова,

Койми полна голова:
«Но, иначе, потому» –
Не знакомы те ему.

Только через двадцать лет
Я пойму его совет.
(*Убегает.*)

С Ф И Н К С
Ты пришли его сюда!..

П А Р Н А С (*входит*).
Добрый вечер. Гутен Таг.

Головухин Сан Петрович,
ЦРУ и Секрет Сёрвис,
Я ношу в урочный час
Кличку скромную «Парнас».

За хорошую работу
Вас представили к отчёту.
А костюм ваш очень моден,
Получить извольте орден.

Впрочем, некогда дышать.
Надо в Фивы поспешать,
Чтоб без шуму и без липы
Выбрали в цари Эдипа.

Как солёный огурец,
Человек – всему венец.
Нам не надо лишних слов.
Зайт гезунд!

С Ф И Н К С
Всегда готов!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАТУЙ

Сценарий Рафаэля Левчина, Сергея Левчина.

Стихи Рафаэля Левчина.

Тексты писем Ирины Дзюбы (Коломбины).

На экране кадры: полоса пены за кормой катера, замок Мирамаре, ангельские младенцы на воротах пражского замка, статуи...

Звучит музыка: La Entrée, from Nyman's La Traverse de Paris

Голос комментатора за кадром:

...Родина гигантов, колыбель цивилизаций, акрополь вселенной. Эти берега дали отдых божественному Энею, плывшему из горящей Трои, и таинственным асам на их пути из Азии в Скандинавию. Здесь прошли киммерийские отряды, греко-македонские фаланги, римские когорты, гуннские орды, татарские тумены, казачьи курени... Здесь гиганты растерзали плоть Диониса-Загрея... Здесь стоял некогда Храм Мира. Когда он будет восстановлен, в мире прекратятся все войны...

Она мне пишет: «Мне повезло – я была на берегу одна. Удивительная вещь, здесь нет чаек (нет, вру: однажды видала, только крупнее, белее), и вода обычно не пахнет водорослями... А вот вчера – к дождю, вероятно – ядреный крымский запах щекотал ноздри, и так пахло домом (...если, конечно, “дом” – это не только то место, где пьешь чай и смотришь в окно... то Крым – тоже “дом”)...».

В кадре появляется комментатор, типичный профессор крупного университета.

Комментатор:

Сегодня жизнь выдающегося поэта Рудольфа Доливера, чье имя иногда пишется как «де Оливейра», изучена досконально. Биографии и творчеству поэта посвящены многочисленные статьи и монографии. Полное собрание сочинений, изданное в Пантикаппи, штат Индиана, группой исследователей под руководством легендарного Ганса Габлера, разослано по всем крупным библиотекам Старого и Нового света.

Родина гигантов, колыбель цивилизаций...

Кто станет теперь сомневаться, что эти громкие эпитеты подразумевают именно Крым, родину поэта? Тем не менее, сомневающихся хватает и среди сведущих. Приведем лишь несколько фактов: хорошо известно,...

*На экране уже виденные нами кадры: белая пена за кормой катера.
Звучит невнятный разговор, чтение стихов.*

Голос комментатора за кадром:

...что в конце мая 1913-го года Доливер отправляется в большое турнэ с чтениями по Крыму. Сегодня подвергать это сомнению решаются лишь немногие ученые: Беата Дрейзен, Джон Боллард... Мы же полагаем, что в начале июня того же года поэт беседует в одном из пышных садов Евпатории с молодым Максимилианом Волошиным...

*На экране черно-белые кадры: двое молодых людей беседуют на скамейке.
Звучит чуть громче невнятный разговор.*

Голос комментатора за кадром:

...о возможной публикации своего седьмого сборника *Театр для Мануэлы*.

В кадре **комментатор**:

Публикация, как мы знаем, состоялось лишь тридцать лет спустя в связи с событиями Большого Террора. *(Пауза/разрыв в записи.)*

Голос комментатора за кадром:

Утверждения, что поэт будто бы похоронен на караимском кладбище в Чуфут-кале, можно считать совершенно безосновательными.

На экране кладбище в предместьях Венеции: мавзолей, могилы.

Голос комментатора за кадром:

По некоторым данным, поклонники поэта в действительности устроили здесь кенотаф своему кумиру, о чем, собственно, свидетельствуют строки поэта из цикла «Пилоты», не вошедшего в сборник:

На экране надземные склепы; камера наезжает на размытую фотографию на одной из гробниц.

Голос за кадром читает:

это ничего что мы не приписаны
ни к одной из стихий ни к месту где выстроят
из наших обломков храм

мы летим все ниже ниже и ниже
все меньше света крылья поддерживает
все больше глаз упирается в нас

мы делаем круг над грядой камней
и видим что всё это кенотафы...

В кадре **комментатор:**

Первая остановка поэта в Крыму – Симферополь. Здесь он посещает памятник Богам, жертвам Гигантского Восстания. Здесь же Доливер получает первое письмо от любимой, с которой намеревается встретиться в конце путешествия.

На экране вид на Прагу с монумента Яна Жижки. Ноги, пересекающие площадь монумента. На барьере стоит человек и смотрит на город. Камера наезжает крупным планом на один из домов внизу.

Голос комментатора за кадром:

Эти письма сохранились в архиве друга поэта, известного под инициалами М. А.

В кадре **комментатор:**

Впрочем, об этом персонаже известно крайне мало, а инициалами М. А. его обозначили лишь условно; скорее всего, прозвище «М. А.» есть выдумка эксцентричного Акимцу Танака, главного биографа Доливера. В письмах Доливер часто именуется адресата Марком Аврелием и в шутку называет его «римским другом».

На экране вновь появляются двое молодых людей, беседующих на скамейке. Звучит невнятный разговор, чтение стихов.

Голос комментатора за кадром:

Так или иначе, эти кадры запечатлели, конечно же, не Волошина, который к тому времени был намного старше. Скорее всего, это и есть так называемый М. А., он же «римский друг» поэта. (Пауза.) Впрочем, Саломея Эндель утверждает, что М. А. – женщина, именно невеста Доливера...

На экране статуя Девы Марии, затем другая статуя, с оливковой ветвью в руке.

Голос комментатора за кадром:

...и что письма – документы за номерами 17, 19, 23 и 26 – принадлежат ее руке. Таким образом нам предлагается принять, что письма так и остались среди бумаг М. А., т.е. не были отосланы и, естественно, не были получены поэтом.

В кадре **комментатор:**

На наш взгляд, эта версия – крайности модного в последнее время феминизма. Большинство серьезных исследователей согласны, что, так или иначе, первое

письмо настигает поэта именно в Симферополе, марта 25-го числа по старому стилю, т.е. в день Тавромахии (праздник Митры, хранителя Пределов). А неугомонный Акимизу Танака даже снаряжает съемочную группу и едет в Крым по местам поэта, четко следуя маршруту поэта.

На экране японская съемочная группа, и вид на Прагу. Камера снова наезжает на дом под склоном.

Голос комментатора за кадром:

Она пишет мне: «Вдруг захотелось, чтобы опять мир стал огромным, по-детски восторженным, заполненным светом и замыслами ...

Несмотря на обещанную грозу, вымыла окна – огромные, чуть ли не в два мои роста и три объятья; отворила балконные двери, воздухом-облаками заполнила многочисленные углы, освобожденные шкафы, накопившиеся рисунки и горшки ...

*На экране ангельские младенцы над воротами пражского замка, окна в соборе св. Вита, окна в Вене, одни, другие...
Звучит музыка.*

Голос комментатора за кадром:

...наполнила пространство белесых стен обрывками тумана, прилежным спокойствием глядящей в окна лагуны, еще раз восхитилась старомодными занавесками небес, к лету выгорающими, к зиме – приобретающими цвет и рисунок ...

Оказалось, очень полезно проветривать собственный мир ...

Отзвуки грозы, песчаная буря (о ней в следующий раз) выводят из оцепенения, нарушают идиллию бесконечного лета ... поднимают настроение, дают вдохновение двигаться вперед, не застаиваться ... если открыть глаза, присмотреться, прислушаться, можно удивиться не один раз за день ... »

В кадре **комментатор:**

Естественно, что нам не могут быть известны ни дата, ни место рождения поэта, так как творчество Доливера было в первую очередь направленно на искажение и мифологизацию собственной биографии. По одной из запущенных им в мир легенд, он родился в местечке Кукул в карпатских горах и являлся прямым потомком легендарного лидера хасидизма Баал-Шем-Това... или, по другой версии, знаменитого разбойника Олексы Довбуша, местного Робин Гуда.

На экране вид с Виллы д'Эсте в Тоскании.

Голос комментатора за кадром:

В одном из писем (не сохранившемся и известном только благодаря цитате в письме друга, документ номер 334) он утверждает, что является потомком португальских евреев, бежавших от инквизиции в XV веке (отсюда и родовое имя «де Оливейра»);

На экране гребец в лодке и гондолы в венецианском Гран-Канале.

Голос комментатора за кадром:

Мануэла Аллоберг настаивает на версии, что Доливер произошёл на свет в австрийском Сецессионе, где его мать разрешилась перед одним чрезвычайно скандальным полотном...

На экране фонтан со статуями в венском парке.

Голос комментатора за кадром:

Это, видимо, плохо понятая шутка...

В кадре **комментатор**:

Дело в том, что сам поэт в разные периоды жизни называл местом своего рождения разные места, и крайне трудно установить, в каком случае его следует понимать буквально, а в каком – метафорически (известно, например, что под «рождением» он иногда подразумевал день, когда написал первое в своей жизни стихотворение). Однако в другом письме (дошедшем до нас, документ номер 69), а также в нескольких стихотворениях он – и это, несомненно, более реалистическая версия – называет себя потомком караимов.

Эта версия, впрочем, оказывается и более романтической, так как караимы, считающие себя потомками утерянных десяти колен израилевых (в действительности же отделившиеся от евреев в VIII веке), появились в Крыму в XIII веке в качестве беженцев из захваченной крестоносцами Византии; позднее вместе с крымскими татарами были частично выведены в Литву князем Миндовгасом, где и составили его личную гвардию... словом, как легенд, так и еще более невероятных исторических фактов вполне достаточно, чтобы в них совершенно запутаться.

Именно затем, чтобы узнать что-то о своих корнях, поэт якобы и предпринимает путешествие по Крыму с 1927 по 1929 год. Эта гипотеза выдвинута Алексисом Погорельских и, увы, не содержит ни капли истины. Несомненно, Доливеру было глубоко безразлично, какой клочок земли считать своей забытой прародиной и как именно писалась и произносилась столетия назад его фамилия. Даже поверхностный взгляд на его творчество с легкостью позволяет понять, что в Крыму поэт искал иные корни. Крым представлялся ему как бы обломком погибшей Атлантиды, и здесь он намеревался отыскать место происхождения статуи...

На экране железные ворота виллы в предместье Венеции.

Голос комментатора за кадром:

В Керчи – она же Пантикапей – поэт посещает знаменитую статую Гомера на Вилле Бартини и читает изваянию свои стихи. Здесь же он получает очередное письмо.

На экране медленно надвигающаяся голова статуи «Гомера».

Голос за кадром читает:

никогда не заденет ночь
щит героя
на нём весь мир и даже больше того
а вокруг
ничего

троя

Голос комментатора за кадром:

«...Она пишет мне: “ты совершенно прав – мир удивительно мал и видимо умещается на одном щите, как в Илиаде. Ночью же мир становится еще меньше, остаются лишь островки света – щитки. Ночью мы передвигаемся с островка на островок, из Крыма в Крым. Читаю дальше:

клонит в сон и счастливые сновиденья
керамический переулок...

На экране залитые солнцем пустынные улицы в предместье Венеции.

Голос комментатора за кадром:

Эти строки, для меня, квинтэссенция всего. Потрясающе, как ты, еще ни разу не бывав у нас, сумел увидеть самое главное: невыносимо жаркий день, в полдень сон беспощадно сжимает веки, в узком переулке торгуют осколками мрамора...”»

В кадре **комментатор**:

Кстати, некоторые украинские исследователи (например, Мыкола Луговик и Тарас Прохасько) утверждают, что данные строки – лишь русский перевод украинских оригиналов, естественно, не дошедших до нас. Мы не отклоняем такое мнение, но и не разделяем его полностью. Достоверно известно, что Доливер, подобно великому русскому писателю Набокову, был трилингвой, то есть с детства свободно владел тремя языками – русским, украинским и хох-дойч – так что оригиналы могли быть написаны на любом из этих трех. Тем не менее, наши украинские коллеги настаивают на украинском первоисточнике, а в доказательство приводят работы двух молодых аспирантов Колумбийского университета в Нью-Йорке: Ярослава Балана и Джона Содомы, – будто бы и выполнивших переводы в январе 1944 г.

*На экране снова двое молодых людей на скамейке в парке.
Звучит невнятный разговор, чтение стихов.*

В кадре **комментатор**:

В истории Крыма множество периодов, наслаивающихся друг на друга: скифское царство со столицей Неаполь-Скифский (современный Симферополь), греческие

колонии вдоль всего побережья...

На экране треснувшая плита с латинской надписью.

Голос комментатора за кадром:

...Пантикапей-Керчь, Ольвия, Херсонес (ныне Севастополь), Евпатория, в которых впоследствии стояли римские гарнизоны – до самого нашествия гуннов; хазарский каганат, готское княжество Феодоро и Чуфут-кале (Иудейская крепость) в средние века; Крымское ханство с его вечной борьбой против Московского княжества и Запорожской Сечи...

В кадре **комментатор**:

В своих поисках следов статуй поэт объезжает все памятные места Крыма и с горечью видит, как никнет и разрушается наследие гигантов. В голове у него созревает грандиозный план создания музея-заповедника, включающего в себя весь Крымский полуостров. Он едет в Петербург, чтобы попытаться претворить свою идею в жизнь. Но по дороге его настигает очередное письмо.

На экране фонтан в Вене, и проезжающий мимо велосипедист.

Голос за кадром читает:

В тёплой улице музей.

Тень.

Лица львов и бронза змей.

Зелень меди и колец.

Презабавные скульптуры;

вместо бёдер, вместо лиц,

вместо плеч и постаментов —

только маски без ресниц.

Шмель пластмассы полосатой

прилетел, остановился

и в зените зазвенел:

– Раззные!.. раззные.!.

Взззз! Ндзззз.!!!..

И улетел.

А Марина говорит:

– Это время расписное,

золотое, наливное,

кружевное к нам летит...

Мрамор всё коричневееет.

На окраинах болот

золотой кустарник прееет,

малярией не болеет.

Не живёт.

Это Время.

Это время.

Взззз!

Бззз!

На экране вид из окна движущегося трамвая.

Голос комментатора за кадром:

«Она пишет мне: "...пожааалуйста, оставайся **ПОЭТОМ!** Не уходи ни в кого ... Ты и так едва уловим ... Да и то: ну, уйдешь ты, к примеру, в моряки – станется одним пиратом больше!.. А **ПОЭТ** всегда один-единственный ... даже если вокруг стаи других поэтов...

На экране толпа, идущая с Карлова моста.

Голос комментатора за кадром:

Самой большой нелепостью показалось где-то прочитанное "мир и поэты ..." ... ПОЭТ и миры – это я понимаю! над монастырскими цветущими садами, по небу, отражающему все воды, все земли, за облаками, вне окровавленных рингов, во всех религиях, рожденных Словом ..."»

На экране вилла д'Эсте в Тоскании; к концу стихов пленка обрывается, и поэт читает уже перед пустым экраном.

Голос комментатора за кадром:

Доливер возвращается в родовое имение в Джанкое, видимо, навсегда. (*Пауза.*) По крайней мере, там, насколько известно, он завершает свой последний цикл «Пилоты»:

Голос за кадром читает:

под крылом самолёта горы и облака
и расчерченные районы жилья шахматная доска
вот вспомни мы среди скал и деревьев на берегу обнялись и что ж
не говори что этого не было не было наших кож
словно снятых с владельцев и брошенных в солнечный спор
с темнотой саламандрой горами и до сих пор
кожи наши что значит день знали получше нас знают толк
в сущности то же самое что и долг
мы обнимались и излучали свет уходивший вглубь деревьев и скал
и на этот свет сползались твари и пряный пир расцветал
впрочем нет лучше построить этот ливень как водопад
свет размазан повсюду и в нём облака кипят
что же дальше-то улыбающийся невпопад

ищущий зла везде но его и так необъят
ное лето завершено почти
некому пробормотать привычное травести
имя цветка напрочь оторвано от цветка
и уже по крайней мере понятно река или грань штыка
к которому помнится приравняли перо
хоть и короче оно и не так остро
и не позволит лениться тому чего у тебя и нет
и демон очередной в твой чёрный отлил пистолет
и малые демоны как полк знамённый тебя окружают со всех сторон
раз уж такая засада не надо считать ворон
сколько подумай тропов ты пустил на поток
впрочем об этом потом
если будет это
потом

К О Н Е Ц

ОТЦЫ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

(в соавторстве с Андреем КУРКОВЫМ)

Полузасыпанный вход в подземелье. Он зарос травой и завален всяким мусором. В отверстие с трудом может протиснуться человек не очень большого роста. Два старичка в мешковатых костюмах тёмного цвета не сразу различимы среди прочего хлама. Первый сидит у самого входа в кресле-качалке, второй – рядом, на ящичке с надписью «НЕ КАНТОВАТЬ!».

ПЕРВЫЙ. А помнишь...

ВТОРОЙ. Лично я больше любил с лучком.

ПЕРВЫЙ. С лучком хорошо. У нас это называлось -- облучённый бифштекс...

ВТОРОЙ. Пересяду-ка я, а то из этого подземелья дует.

П. Вот сюда садись, на мотоцикл.

В. Да ну, ещё поедет!

П. Не поедет, он без колёс.

В. Мало ли, наша техника и без колёс... (*С опаской усаживается на ржавый мотоцикл без колёс, руля и прочего.*) Тебе-то хорошо, ты в кресле сидишь.

П (*веско*). Мне положено.

В. Или вот, бывало...

П. Бывало. Но редко.

В. То есть как это редко? Как это редко? Почему редко?! (*Разволновавшись.*)
Наоборот -- очень даже нередко! Нет, ну как это так -- редко?!!

П. Редко, да метко, я хотел сказать. Шутка. Народная.

В. А-а. Это другое дело. Ха. Ха. Ха. Так вот, бывало ... бывало ... что-то бывало ...

П. Бывало бывое.

В. Я и говорю. Бывое. И думы. Ещё писатель такой был.

П. Ага, Белов. Или даже Чернов. Про Петербург написал. Про блокаду, в общем. Или нет – про десант. Вообще про интервенцию.

В. Ну да, да. Я всегда одобрял такую литературу. У меня было четыре референта и тридцать три писателя...

П. Наверное, наоборот?

В. Наверное, наверное. Шпрот – в рот, а идиот – наоборот. Это один из моих писателей написал.

П. Наверное, не писателей, а поэтов.

В. Наверное, наверное... А какая разница?

П. Писатель пишет, поэт дразнится.

В. О?!

П. Шутка.

В. Народная?

П. Естественно.

В. А-а. Это хорошо. Нам близки чаяния и устремления. В том числе. Я как раз и говорю, что литература...

П. Народная. Но в то же время...

В. Вот со временем сложнее... Говорят, есть время «Ф»...

П. А ещё есть время маразма... и фурункулёза...

В. Так вот, один мой знакомый писатель... ну, который «Записки подпольщика» написал...

П. Толстоевчин?

В. Он самый.

П. А подпольщик – это который под полом?

В. Вообще под землёй... О!

Обоих озаряет одна и та же мысль.

П. Подземный ход...

В (*подхватывает*). Под землю ведёт!

П. А что там?

В. А там – что-то!

П. Что именно?

В. Что бы то ни было!

П. Но ведь зачем-то мы его строили?!

В. «Зачем-то» – это неправильное определение! Это даже неверная в корне формулировка!! Не «зачем-то», а «затем-то»! (*Скандирует.*) Мы знаем всё, что где растёт и дышит...

П. ...а вместо лёгких – синхро ... фа... (*Запинается.*) ...ну, трон!

В. Так что всё учтено...

П. И сочтено...

ОБА (*вместе*). Давным-давно, давным-давно, давным-давно!!!

П. Давай, значит, полезем туда, посмотрим-поглядим — на наши достижения ...

В. И постижения ...

П. Лезем?

В. Лезем!

П. Тем более, что мы узнаем, что там!

В. Время «Ф»!

Ангельская музыка. Слышны чьи-то шаги.

П (с давно забытой интонацией). Шухер!!!

На заднем плане на несколько секунд появляются три девушки. Старички их не замечают. Девушки исчезают. Музыка стихает.

В. Ложная тревога.

П. Слушай мою команду!

В. Почему не мою?

П. Потому что мою! Возразить нечего!

В. Есть чего!

П. Возражай!

В. К шампанскому ни в коем случае не полагается употреблять красную икру, а вилку надо держать в той же руке, которой гладишь коленку соседки слева...

П. Но рука при этом должна быть правая ...

В. Естественно!

П. Чтобы не догадались ...

В. Писатели ...

П. Интеллигенты недокрамсаные ...

В. Космодеревенщики!

П. Порочили наши высокие ... ходы!..

В. А сами-то фузеры для хереса путали с мисочками для полоскания пальцев!!!

П. Ужас какой! (*Смеётся.*) Да чего же от них и ждать-то, от этих рокеров обкуренных, этих сексуальных пацифистов!

Шаги. Старички замирают. Появляется пионер с панк-причёской, в разноцветном галстуке.

П. Эй! Эй, мальчик!

В. Пионер! Э ... будь готов!

П. Время «Ф»!

ПИОНЕР. Ни фиги себе лабуда!

П. Достойно встретим тысячелетие крещения Казани! Молодым везде у нас киршвассер! Нет таких трудностей, которых не сделали бы наши пионеры и школьники!!

В (с завистью). Э ... э ... будь готов!

П. Уступил ли ты место девочке в бомбоубежище? Пионер своё дело делает быстро и безошибочно! Наша смена -- в наших мартенах! Нашей молодёжи не нужны тёплые уборные!

В (обрадованно). Нашей молодёжи вообще не нужны уборные!!

Ангельская музыка. Опять проход девушек. Старички и пионер не обращают внимания.

ПИОНЕР. Кому не нужны, а кому ... дайте-ка я туда ... на минутку ...

П. Эй, ты куда это намылился? Ишь какой, из молодых, да ушлый! Впереди

паровоза бежать хочешь?

В. В коммуне остановка!..

П. А что ты сделал для своего отечества, чтобы туда?..

ПИОНЕР. Но если мне надо ...

В. Да ты что, не молодёжь, что ли? В тебе сейчас все наши чаяния сосредоточены абсолютно и незабвенно ...

П. Рано тебе ещё туда! Что ты видел в жизни? На баррикаде стоял? Целину пахал?

БАМ бомбил? Под танк ложился?

В. С абстракционистами боролся?

П. Продовольственную программу выполнял?

ПИОНЕР. Во трахнутые ...

П. Для вас нет ничего святого! Как жить станете? Где ваши идеалы? Где ваши ареалы?! Где ваши комплоты?!!

ПИОНЕР (*уже совершенно ничего не соображая*). Какие компоты?

В. Вот! Не готовы вы ещё! К серьёзным испытаниям! А ещё галстук нацепил! ... (*Рассматривает галстук внимательнее.*) Какой-то он у тебя странный ... один конец красный, другой голубой, третий жёлтый ... четвёртый ...

ПИОНЕР. Так ведь время «Ф»!

П. А ты металлолом сдавал? Ты приблизил час грядущего торжества... э ... грядущего торжества?! Ты вообще знаешь?..

Пионер поворачивается и уходит.

П. Эй! Куда же ты, кляйне юнге шмерц?!

ПИОНЕР (*за сценой*). Ща вернусь!!

В. Да-а ... есть в нём что-то такое ...

П. Что-то троцкистско-маркузианское ...

В. у ... (*Смотрит на Первого с огромным уважением.*)

Снова, ближе, проходят девушки. Теперь видно, как они хороши и нежны. Звучит речитатив:

Как две луны взошли – её колени,
за облаками бёдер тут же скрывшись;
и отступили тени стройных икр,
и напряглись прозрачные стопы,
и ожили суставы, как гортани
у пьющих ...¹

Старички на сей раз замечают девушек.

П. У-тю-тю-тю-тю! Какие симпампушечки!

В. Ва-ах! Дэвочки! Живые!!

П (*разнеженно*). Как в лучшие времена ... Помнишь, бывало ...

В. Но редко.

П. Дурыла ты! Совсем даже не редко! А часто!! Садись, бывало, в бронетранспортёр и, значит, едешь. Едешь и едешь себе. А сам всё смотришь в смотровую щель ...

В. В какую щель?

П. В смотровую, понял?! Смотришь, нет ли где ... этих ... туловищ ... то есть

¹ Из стихотворения Р.М.Рильке «Рождение Венеры».

симпатюлечек наших дорогих! Переезжаешь реки, перевалы, рощи, иной раз парочку зазевавшуюся задавишь или там октябрёнка какого подколотого, – а сам всё высматриваешь. И вот только это приедешь в людное место, сейчас же пулемёты направишь на киоск «Союзпечати», мэра с префектом прикажешь пороть для острастки, декуриона с алькальдом гильотинировать, – давно заслужили!!! – а уж девочек ...

В. Дёвочэк ...

П. ...девочек ... я лично очень любил блондинок ... и очень ещё брюнеток ... и ещё лысенких ... хотя эти встречались реже ...

В. Но ненамного ...

П. Да, хорошие тогда были времена.

В. Это ещё до времени «Ф» ...

П. И погода стояла, как на грех, хорошая ... И вообще стояло ... хорошо ...

(Утирает слюни.)

В. Заведёшь, бывало, в такой вот переходик ... (Кивает на вход в подземелье.)

П. Эврика!

В. Кого?

П. Да не кого, а зачем! Затем, наверное, мы их и строили ... чтобы девочек было куда приводить!..

В. Не, навряд ли. Я чаще всё ж таки никуда не приводил. Да там и бассейна не было ... утопить то есть потом чтобы ...

П. А ты что, топил потом?

В. Хиба хочешь? Мусишь! Бо ж традиция!.. А один раз ... мы её ... съели ... ещё тепленькую ... ух ...

П. Тогда вообще теплее было. И дождей почти не было, ни кислотных, ни этих ... цезиевых ...

В. Да, наше поколение умело устраиваться ...

П. А один раз поломался мой вездеход, я и поехал домой с народом в автобусе, как какой-нибудь простой Радек.

В (смотрит с восхищением). Ого!

П. Помню, прямо в глаз мне какой-то гражданин локтем ткнул – газету он, видите ли, читает. С некрологом на всю полосу. Читает, читает – остановок пять проехали. Соседи к нему и так уже, и этак заглядывают ... а он, наконец, оторвался и им: «Да нет, это Фурцева ...»

Девушки уходят, так и не обратив внимания на старичков. Больше они не появятся.

П. Ладно, чтой-то мы отвлеклись. Полезай внутрь, посмотри, не опасно ли, я за тобой. Или нет, лучше я первый ...

В. Почему?

П. Потому! Вдруг там что ценное ... проволока там какая медная ... или даже пуговица, к примеру ... ты ж в момент подхватишь, знаю я тебя!

В. Если я правильно расслышал, здесь прозвучала инсинуа ... нуа ... ация!

П. Да ладно, не становись в позу ... уж лезь первым, так тому и быть ...

В. Ни, хай йому бис, ото полезай сам! Якщо нэмае довір'я ... то й нэ трэба!

Входят пионер и неформал-мистик.

ПИОНЕР. Во, братан, гля, они ещё тут ...

НЕ ФОРМАЛ-МИСТИК. Ну, чё, олдермены? Будем киси-миси или будем так себе?
А?

Старички осознают, что этот человек может быть опасен. Прячутся: один за качалку, другой под мотоцикл.

НЕ ФОРМАЛ. Да вы, я гляжу, крутые и без понтов. (*Неожиданно.*) Стихи знаете?
А?!

П. Э ... э ... э ...

В. У ...

НЕ ФОРМАЛ (*с выражением*).

Наплевать хотел на закон и сплетни я:

ты подарена для блаженства!

Ну какая же ты несовершеннолетняя,
если ты – само совершенство!

Старички хихикают.

НЕ ФОРМАЛ.

Ты непьющий.

Тащишься по центру

и плюёшь на винный магазин.

Удалось в аптеке без рецепта

раздобыть заветный эфедрин!

Пионер хохочет.

НЕ ФОРМАЛ.

А то ещё такая тематика ... (*Более интимно.*)

Повёлся поц на шапку «Найка»

и вот болеет спидом, зайка ...²

П. Молодой человек, где у вас ... святое? Вспомните хотя бы: «Там чудеса, там
леший бродит ...»

НЕ ФОРМАЛ. Русалка на игле сидит!

Пионер заливается.

В.

Та гей, волеы! Чого ж вы стали?

Чи затупылось чэрэсло?!

ПИОНЕР. Не, я ваче тащусь!

НЕ ФОРМАЛ. Так, а ну, отвечайте: чьим воплощением является великий Нистантин
Ядров? Даю натырку: Че Гевара – сорок седьмое воплощение Арджуны, Игорь
Тюленин – двадцать второе воплощение Иосафата, Пращников – тринадцатое
воплощение Лучникова... (*Переводит дух.*) Словом, ясно. Ну?

П. Ивана IV?

В. Петра I?

ПИОНЕР. Братан, да они точно на всю голову звезданутые! Крыша ровно
съехавшая ... Или даже время «Ф» ...

П. Не стой под стрелой! Береги лесонасаждения нашей необъятной ... э ...
необъятной ... (*Темп ускоряется с каждой фразой.*)

В. И глядит садовник мудрый на работу рук своих!

П. Не висни на трамвайной подножке!

² Стихи Т.Липольца

В. Нигде кроме, как в космодроме!

П. Враг подслушивает!!

В. Добьём зверя в его логове!!

П. Формализм не пройдёт!!

В. Мама всякие нужны!!

П. И на Марсе будут яблони цвести!!

В. Не ослепляй встречный транспорт!!!

П. Под которым плавал враг!!!

В. Покажем кузькину мать!!!

П. Нет – звёздным войнам!!!

ПИОНЕР. Братан, может, валим отсюда, а? Ну их ...

НЕФОРМАЛ. Да, тяжёлый случай ... Конечно, жира в них ещё много, но ведь отравиться можно ...

ПИОНЕР. Ну, я ж об чём и шепчу ...

НЕФОРМАЛ. Ладно, олдермены, до следующей аватары ...

Уходят.

П. О! Наша взяла!

В. Да, старые кадры ... решают всё ...

П. Травленный волк ... борозды не портит ...

В. Но всё-таки зачем же мы его строили??!

Появляется человек в пышной средневековой одежде.

П. Эй! Это ещё чего такое?

ЧЕЛОВЕК. Бонжур! Я – крымский бельгиец. Скажите, вы случайно не знаете ли, этот ход ведёт в Крым?

В. А как же! Натурально, ведёт!

П. После перестройки только наши ходы ведут в Крым!

В. Да, как сейчас помню, я приказал построить подземную железную дорогу Кабул-Ялта ...

БЕЛЬГИЕЦ. Так я могу?.. *(Указывает на вход в ход.)*

П. Могёшь, могёшь! Прося! *(Делает широкий жест.)*

БЕЛЬГИЕЦ. Грамерси! *(Идёт ко входу в ход.)*

Второй старичок, оказавшись у него за спиной, хватает валяющийся лом.

П. Фас!!!

Второй ударяет бельгийца ломом по затылку, тот падает. Вдвоём старички добивают упавшего и заталкивают тело в подземный ход. Останавливаются перевести дух. Они явно взбодрились, как будто сбросили десяток лет.

П. Эх! Давненько молодых не убивали!

В. Да ... что ни говори ... колоссальная ответственность ...

П. За наше будущее ...

В. Но всё-таки ж пора и нам туда!

П. Да! Это нужно не мёртвым, это нужно живым! *(Лезет.)*

В. Вперёд, заре навстречу! *(Лезет. Оба скрываются в отверстии.)*

ГОЛОС ПЕРВОГО. Дальше не пройти!

ГОЛОС ВТОРОГО. Пройти, пройти! Вперёд!

ГОЛОС ПЕРВОГО. Застряли ...

ГОЛОС ВТОРОГО. У ... у ... у ...

Неразборчивый вой. Он становится всё глуше, но будет продолжаться вечно.

к о н е ц

ВЗЛЁТНАЯ ПОЛОСА

(в соавторстве с Андреем Курковым)

Акт 1.

Звучит песня «Взлётная полоса» из радиоприемника, стоящего на столе. Стол застелен географической картой. Кроме стола, в комнате стул, скамья и двое мужчин. Первый чистит картошку, второй читает пухлую книгу.

ПЕРВЫЙ. Давай, ознакомься с делом. Пришёл твой черёд. Будешь тут таким хозяином. Я свои десять лет отхозяйничал...

ВТОРОЙ (*отрываясь от чтения*). Странная инструкция какая-то... Что, вот так всё и надо делать, как здесь написано?

ПЕРВЫЙ. Дело твоё, хошь – делай, не хошь – не делай. Всё одно проверять никто не будет. За мои десять лет ни одного проверяющего не было. Я первую пару месяцев так и делал, как написано, а потом плюнул...

ВТОРОЙ (*выглядывает в окно*). Слушай, а чего это ты там нагородил? Это же строжайше запрещено!

ПЕРВЫЙ. Кем, собственно, запрещено?

ВТОРОЙ (*потрясая книгой*). Инструкцией!

ПЕРВЫЙ. Инструкция – не человек, она только советы давать может, а не приказывать. И никому эти бочки не мешают. Кстати, в них ещё бензин остался, так что если починишь мотоцикл, то можешь кататься.

ВТОРОЙ. Мотоцикл? Это что, та грудка металлолома, что за сараем валяется?

ПЕРВЫЙ. А чего? Я его когда-то из разбившегося самолёта собрал и лет пять на нём ездил, собственно...

ВТОРОЙ. Куда ездил?

ПЕРВЫЙ. Не куда, а где. По полосе катался.

ВТОРОЙ. Да, а с питанием здесь как?

ПЕРВЫЙ. Вот там два ружья, внизу в ящике триста патронов, порох ещё отдельно есть, толовые шашки – рыбу глушить...

ВТОРОЙ. Ясно...

Дверь распахивается, и в комнату вваливается женщина, кажущаяся огромной из-за ватника и ватных штанов. Мужчины в изумлении глядят на неё.

ЖЕНЩИНА (*отдышавшись*). Родные мои! Спасители! Наконец-то до людей добралась!! Мы железку строили, бригада, спецпоезд такой. Рельсы кладем, а потом по ним же дальше и едем. Так вот сзади целый состав с рельсами был. Два месяца их укладывали. А нам обещали новый подогнать. Ждём-ждём, а никого нету. А нас четверо. Стали назад двигаться, проехали километров десять, а рельсов и там нету! Куда они подевались, один бог знает! Уже недели две брожу по тайге, людей ищу. Те трое сбежали, меня бросили. Ночью сбежали. Конечно, на што

мужикам баба в таком деле... Самим бы выбратся!

ПЕРВЫЙ. А откуда вы строить начинали?

ЖЕНЩИНА. От Твердохатки!

ПЕРВЫЙ (*водит пальцем по карте*). Так... Во! Нашёл! Наконец-то хоть приблизительно выяснилось, где мы, собственно, находимся!

ВТОРОЙ. Где?

ПЕРВЫЙ (*Женицине*). А в какую сторону от Твердохатки вы двигались?

ЖЕНЩИНА. А я почём знаю? Я чё, начальник?

ПЕРВЫЙ (*Второму*). Во всяком случае, мы где-то здесь! (*Показывает.*)

ВТОРОЙ (*Женицине*). Есть будете?

ЖЕНЩИНА. А то нет! У меня брюхо пустое уже с неделю!

ВТОРОЙ. Тогда помогайте картошку чистить!

Женицина заменяет Первого за столом и чистит картошку.

ВТОРОЙ. Хорошо всё-таки, что самолеты придумали!.. Хотя, конечно, от них и вред есть – чем быстрее самолет летает, тем больше он кислорода пожирает, один озон остается. А озоном не надышишься, это уж точно. Озон, он не для дыхания, он для самовозгорания.. Но зато скорость у самолетов... да и маневренность... Поездом отсюда не доехать... да и сюда... поезд, он только из пункта пункт Б может, да и то с остановками. А тут пункт А неизвестно где, пункта Б вообще нету, да и непонятно, будет ли, прокладывая рельсы, не прокладывая, опять же и рельсов нету... Нет, это хорошо, что самолеты придумали, можно и людей перевозить, и вещи...

ПЕРВЫЙ. Ага, как же – самолеты! Ты их видал, самолеты эти? За десять лет только один и был, да и тот, собственно, разбился. За обелиск зацепился – и хана!

ВТОРОЙ. За какой обелиск?

ПЕРВЫЙ. За обыкновенный. Вон стоит. (*Кивает в сторону окна.*)

ВТОРОЙ. Откуда?!

ПЕРВЫЙ. А я знаю? Приехали какие-то, поставили, митинг провели, песни спели и уехали. А он стоит. Громадный, зараза. Метров триста. Не, даже больше...

(*Заглядывает в инструкцию.*) Во, триста тридцать три! Сначала сигнальный огонь наверху горел, потом погас чего-то... аккумуляторы сели, наверное. Вот самолет и зацепился, когда на посадку шёл... а может, и не на посадку, ночь была, а утром, как вышел я посмотреть, – одни обломки, собственно, и увидел, да ящики ещё... с этими... как их... ну, без которых нам никак нельзя по инструкции!..

ВТОРОЙ. С противогазами?

ПЕРВЫЙ. О! Точно, с ними, родненькими! Так из обломков я, собственно, тот мотоцикл и свинтил, а противогазы то ли звери растащили, то ли спёр кто... хрен их знает... но только как этот... Блуждающий Товарняк пролетит – так и валяются они, родненькие, то там, тот сям...

ВТОРОЙ. Противогазы?!

ПЕРВЫЙ. А что тебя, собственно, удивляет? Ни хрена удивительного тут нету, поживёшь с мое здесь, пообвыкнешь, так и вообще, собственно, удивляться разучишься... (*Обращает внимание на Женицину, которая ест сырую картошку.*)

Ты гля! Красотка-то наша, а!

ЖЕНЩИНА (*Жуя*). Чё глядеть, бабы голодной не видали? Побродили с месяцок по тайге, я б на вас посмотрела...

ПЕРВЫЙ. Ты ж вроде про две недели говорила!

ЖЕНЩИНА. Да, был у меня календарь с часами, можно подумать! Я, может, и не один месяц блукала...

ПЕРВЫЙ. Да, жрёт так, что, собственно, можно поверить и в год!

ВТОРОЙ. Слушайте... а давайте... это...

ПЕРВЫЙ. Чего это?

ВТОРОЙ. Ну, это... у меня бутылка есть!

ПЕРВЫЙ. Бутылка чего?

ВТОРОЙ. Да не знаю точно, этикетка отклеилась, но что-то неплохое. На прощание подарили!

Первый кивает в сторону Женщины: мол, брать или нет?

ВТОРОЙ. А чего? Давайте все вместе выпьем!

Выходят втроем.

Звучит

ФОНОГРАММА. «...пункт номер шестьсот сорок девять бэ, параграф первый: в летнее, осеннее, зимнее и весеннее время, а также в межсезонье и во время заполярной ночи, если таковая наступит, а также в моменты, когда определить время года не представляется возможным, лицам, подчиняющимся данной инструкции, категорически не рекомендуется при каких бы то ни было обстоятельствах употреблять в организм следующие жидкости и напитки: этиловый спирт, метиловый спирт, поливиниловый спирт, хлорбутандиензамещенный спирт, водку «Столичную», «Московскую», «Российскую», «Старокиевскую», «Новослободскую», «Посольскую», «Стрелецкую», «Экстрасенсовую», «Лимонную», «Мандаринную», «Заводную-Апельсинную», «Зверобой», «Соколиный Глаз», «Кожаный Чулок», «Лимонадный Джо», коньяки «Камю», «Сартр», «Маркузе», «Плиску», «Солнечный берег», «Лунную долину», «Наполеон», «Бонапарт», вина «Солнцедар», «Солнце в бокале», «Солнце в пустыне», «Свадебное», «Именинное», «Арбатское», «Дерибасовское», «Пляспигальское», «Ркацители», «Мукузани», «Киндзмараули», «Напареули», «Вазисубани», «Эрети», «Лыхны», «Джугашвили», «Изабелла», «Марго», «Декамерон», мускат белый, мускат красный, мускат розовый, портвейн фиолетовый, мускат прасковейский, духи «Шанель», «Пиковая Дама», «Повести Белкина», «Быть может», «Не может быть», «Сигнатор», «Хэппи энд», «Пинк Флойд», «Рамфоринх», самогон хлебный, самогон буряковый, чачу, политуру, тормозную жидкость, бензин авиационный высокооктановый...».

Актеры возвращаются. Крякают, утирают рты и т.д.

ПЕРВЫЙ. Чё-то ты такое непонятное привез! Собственно, это вроде и не бухло...

ЖЕНЩИНА. Не-не, берёт, ей-пра, берёт! Хитрая штука! Сам делал?

ВТОРОЙ. Нет, в магазине брали...

ЖЕНЩИНА (*возмущенно*). У нэпманов?!

ПЕРВЫЙ. Каких нэпманов? Ты чё, подруга, по фазе сдвинулась? Или перебрала с отвычки?.. (*Глянув в окно.*) Ты ба! Бочка с полосы скатывается! Пойди, слышь, на место её вставь!

Второй, ещё раз крякнув, выходит.

ПЕРВЫЙ (*Женщине*). Ладный у тебя ватнишок! Дай померять!

ЖЕНЩИНА. Ишь ты, ватнишок ему зандобился, ха! Ну, на, милоч! На, коли уж

так приспичило! *(Снимает ватник, остается в другом ватнике, подпоясанном ремнем с кобурой. Внезапно суровеет.)* А вообще-то я ещё знать должная, кому свои ватники доверяю! *(Поправляет кобуру.)* Документ у тебя есть?

ПЕРВЫЙ *(торопливо)*. Есть, а как же! Отменный! На, глянь! Я – наш человек! *(Вынимает сверток бумаг, дает.)*

ЖЕНЩИНА *(разворачивает, читает)*. А прописка где тут?

ПЕРВЫЙ *(указывает пальцем)*. Во...

ЖЕНЩИНА. Чё?! Какой такой пункт? На пятьдесят четвертой градусе тридцать седьмой минуте и двадцать второй секунде широты?!

ПЕРВЫЙ. Эт ты ещё не всю прописку прочла! Там ещё и долгота указана! Всё точненько – секунда в секунду!

ЖЕНЩИНА. Чё это за пункт такой?!

ПЕРВЫЙ. Дура-баба! А сейчас ты где, собственно?

ЖЕНЩИНА *(хватаясь за кобуру)*. Я те шас за дуру!..

ПЕРВЫЙ. Ну и с кем останешься? С этим брюквой, который за пять минут бочку с авиабензином на место вставить не может?

ЖЕНЩИНА. Ладна... А со здоровьем у тебя... не того?

ПЕРВЫЙ *(гордо)*. В инструкции указано, пункт номер четыреста пятьдесят шесть насчет здоровья! Его всю жизнь сполняю!

ЖЕНЩИНА *(листает)*. Так... А какой ты национальности?

ПЕРВЫЙ. Там же сказано: местной.

ЖЕНЩИНА. Чё это за «местная» такая?

ПЕРВЫЙ. Чё, чё... Ну как же ты не дура?! Местной – значит, местной. У каждого места должна быть своя национальность!..

Возвращается запыхавшийся Второй.

ПЕРВЫЙ. Ну как?

ВТОРОЙ. Порядок!

ПЕРВЫЙ. Стрелять умеешь? Охотился когда?

ВТОРОЙ. Да было дело в юности...

ПЕРВЫЙ. Ну так бери ружьё, вспоминай юность – тебе здесь теперь долго охотиться придётся!

ВТОРОЙ. Я б отдохнул...

ПЕРВЫЙ. А что ты, собственно, сделал, чтоб отдыхать? Бочку с места на место переставил?

ЖЕНЩИНА. Эх, мясца б шас!

ПЕРВЫЙ. Во, слышь, женщина мяса хочет!

ВТОРОЙ. Я тоже хочу...

ПЕРВЫЙ. А... хрен с тобой! Сам пойду! *(Берёт ружьё, выходит.)*

Второй садится и снова принимается изучать инструкцию. Женищина садится с ним рядом, потом вскакивает, обходит его, поедая взглядом. Он не обращает внимания.

ЖЕНЩИНА. Жарища у вас тут! *(Снимает ремень с кобурой и бросает на стол; из растянувшейся кобуры вываливаются мыльница и зубная щетка. Снимает второй ватник, под которым оказывается гимнастерка с орденскими колодками.)* *Второй, подняв глаза, удивленно глядит на колодки.*

ЖЕНЩИНА. Чё дивишься? Эт я до прошлого года ишшо боевитой была, а опосля

ранения меня дембельнули. Снайперила тут недалеко...

ВТОРОЙ. Какие-нибудь учения?

ЖЕНЩИНА. Каки таки учения, паря? Война! Знашь песню... *(Неожиданно начинает петь.)*

Ой, да собирался козак на войну-у,

О-ой, да оставил он дома жану-у-у,

О-о-ой, да оставил детушек,

Самых то есть малолетушек...

ВТОРОЙ *(перебивает)*. Какая война? С кем?

ЖЕНЩИНА *(снисходительно)*. С врагами война. Война, брат, с друзьями не бывает!

ВТОРОЙ. Большая?

ЖЕНЩИНА *(раздумчиво)*. Для кого как! Вообще-то местная... местного значения по всем фронтам...

ВТОРОЙ. Что-то вы не то рассказываете! Да нет сейчас никакой войны! И в газетах ничего не писали...

ЖЕНЩИНА. А чё писать, ежели победы еще не было. Вот будет победа, тады и сообщат всё, как есть!

ВТОРОЙ. Когда ж она будет?

ЖЕНЩИНА. Как мир наступит, тады и победа.

ВТОРОЙ. А наступит когда?

ЖЕНЩИНА. Необразованный ты, видать! Как с врагами покончим, так он и наступит. Сичас всё одно мы побеждаем, а всё потому, что ихне вражеское радиво слушаем – они сами нас призывают их победить поскорее! Тоже, видать, по миру наскучали!

Фонограмма: шум поезда. Женищина в удивлении выскакивает наружу.

Возвращается, стоит в растерянности.

ФОНОГРАММА. «...сборка противогаза производится следующим образом: в левую руку берут шлем-маску и правой рукой присоединяют к ней ввинтной гайкой гофрированную трубку. Затем в правую руку берут коробку (гофрированная трубка с опущенной вниз шлем-маской остается в левой руке) и закручивают ее до отказа в накидную гайку гофрированной трубки.

Неисправным противогазом пользоваться категорически запрещается...».

(Пауза.) «А теперь прослушайте то же самое на языке нашего противника.

Сборка противогаза производится следующим образом: в левую руку берут шлем-маску...».

ПЕРВЫЙ *(входит, неся сапог сорок пятого размера, вываливает из него на карту кусок сырого мяса)*. Здорового подстрелил! По частям носить будем. Всё одно холодильника нету, собственно.

ВТОРОЙ. А волки?

ПЕРВЫЙ. Какие волки? Вон Блуждающий пролетел, теперь недели две ни одна тварь не высунется!

ВТОРОЙ. А кто это – Блуждающий?

ПЕРВЫЙ. Ну, Блуждающий Товарняк, я ж говорил... собственно, легенда местная... я бы даже сказал, две легенды... но вот какой верить – хрен их разберет! По одной, этот товарняк трупы убитых на войне по домам развозит. Так вроде похоже на правду – находил я трупы с огнестрелами. А по другой – так там вроде новенькие

противогазы... и противогазы я тоже находил... Может, там в одних вагонах трупы, а в других противогазы? Собственно...

ЖЕНЩИНА. Вот говорят: война, мол, дерьмо – а я так скажу: неча сопли разводить! Она, конечно, которых послабше истребляет, что так, то так...

ПЕРВЫЙ (*надевает сапог и пробует в нем попрыгать*). Великоват, собственно!

ВТОРОЙ (*склонясь над картой, водит по ней пальцем*). Нет, вы только посмотрите: оказывается, Лена и Лета впадают в Стикс!..

ЖЕНЩИНА. ...но они же жи в мирное-то время первыми подышают, так ведь?..

Фонограмма: поезд.

Открывается дверь. Входит красноармеец в шинели, буденновке, с винтовкой за плечами и чайником в руках.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Кипяточку бы... (*Обводит всех взглядом.*) Именем революции, вы... (*Указывает чайником на Женщину.*) ...арестованы!

Женщина безропотно выходит, Красноармеец за ней.

ВТОРОЙ. Что с мясом делать будем?

ПЕРВЫЙ. Кинь в морозильник!

ВТОРОЙ. Куда?

ПЕРВЫЙ (*открывает окно, выбрасывает мясо*). Потом разморозим, собственно!

ЖЕНЩИНА (*возвращается, раскрасневшаяся, неправильно застегнутая*).

Слушайте, а давайте парнишу к себе возьмём, мировой мужик!

ПЕРВЫЙ (*ревниво*). Мировые по тайге не шныряют!

ЖЕНЩИНА. Не, ну правда! Хороший же человек-то! Надо ж для хорошего человека чё хорошее сделать!

ПЕРВЫЙ. Хорошее? (*Осматривает комнату.*) Ага! Вон, стул ему отнеси, всё одно пустует!

Женщина выносит стул, возвращается.

ВТОРОЙ (*глядя в окно*). Уселся!

ПЕРВЫЙ. Кто?

ВТОРОЙ. Этот... юноша с чайником...

ПЕРВЫЙ. Где?

ВТОРОЙ. На полосе... у бочек с подветренной стороны... закуривает... Пойти прикурить, что ли... (*Выходит.*)

ПЕРВЫЙ (*декламирует с хрипотцой*).

Разве можно с чистою душой

Целоваться на четвертый вечер

И в любви признаться на восьмой?!

ЖЕНЩИНА (*мечтательно*). Да-а, год назад я как раз офицерику шлёпнула, тоже в любви признавался. Не на восьмой, правда... Какое сейчас число?

ПЕРВЫЙ. А какого года? (*Достает перекидной календарь, рассыпает по столу, роется в листках, выбирает один и показывает.*) Это?

ЖЕНЩИНА (*почесывая в затылке*). Зима?..

ВТОРОЙ (*вбегает с воплем*). Он снижается... идёт на посадку!!.

ПЕРВЫЙ. Кто?!

ВТОРОЙ. Товарняк!..

ПЕРВЫЙ. Там же бочки!!! (*Выбегает.*)

Второй и Женщина смотрят в окно.

Взрыв. Они отшатываются.

Пауза. Она смотрит на него, он — в пол.

ЖЕНЩИНА (*шевелит губами, потом нежно выговаривает*). Мяса принеси!

Второй молча выходит.

ЖЕНЩИНА (*глядя в окно*). Куда ж это он? (*Пауза.*) Куда ты?! (*Садится за стол, обхватив голову руками.*)

ФОНОГРАММА. «...пункт номер шестьсот восемьдесят семь бэ, параграф третий. В случае неожиданной смерти...»

Ж (*начинает повторять*). ...в случае неожиданной смерти...

Ф. «...данная взлётная полоса...»

Ж. ...взлётная полоса...

Ф. «...становится закрытой для всех видов воздушного транспорта...»

Ж. ...воздушного транспорта...

Ф. «...и вступает в действие...»

Ж. ...вступает в действие...

Ф. «...пункт номер шестьсот восемьдесят восемь...»

Ж. ...номер шестьсот восемьдесят восемь...

Ф. «...предусматривающий данную ситуацию...»

Ж. ...данную ситуацию...

Ф. «...и рекомендуемый конкретные действия...»

Ж. ...конкретные действия...

Акт 2.

Декорация та же. Интерьер без изменений, только на вешалке видит парадный ватник, а Женщина ретиво начищает его щёткой, стараясь не задевать орденские колодки.

ЖЕНЩИНА. Скоро ты у меня заблестишь... эх, погладить тебя нечем...

ФОНОГРАММА (*включается, как всегда, неожиданно*). «...В случае приближения военных праздников лицам, подчиняющимся данной инструкции, категорически рекомендуется перейти на сугубо-парадно-праздничную форму одежды. Убедительно разрешается отдаленно живущим лицам использовать неуставные украшения и знаки различия...». (*Так же внезапно смолкает.*)

ЖЕНЩИНА. И чё эт заладили — по три раза на дню об одном и том же! Хотя, конечно, военный праздник — эт дело святое... тьфу!... почётное!.. Чё-то снега давно не было, пойду-ка могилки полью! (*Выходит.*)

ФОНОГРАММА. «...передаём включение Среднесибирского информбюро....» (*Звук включения. Голос диктора.*) «Уважаемые радиослушатели, находящиеся в пределах нашей слышимости! Передаём поздравления советским народам в связи с заключением очередного договора между СССР, США и королевством Лесото об обмене ракетами средней дальности и наземного базирования. Сделан ещё один шаг к установлению военного договора между странами разнообразных ориентаций. А теперь прослушайте метеосводку: в результате непредвиденного извержения вулкана Эль-Чичон в Мексике... (*Короткая пауза. Неуверенно.*) ...или не в Мексике,.. но именно в результате извержения

озонная дыра в стратосфере резко увеличилась в своих и без того уже немалых размерах и достигла одной седьмой части стратосферы, и так называемый парниковый эффект уже принёс свои результаты. В областях Нижнетуринской, Алапаевской, Среднезабайкальской и Дериспиновской вызрел третий за этот год урожай огурцов небывалой длины, чего ранее в этих краях искони не случалось. В связи с уборкой урожая огурцов занятия в школах и военных училищах временно прекращены...».

На последней фразе возвращается Женицина – грустная, полная воспоминаний. Дослушав, садится на лавку, подпирает подбородок ладонями и заунывно поет: «Ой, да собирался козак на войну-у...».

Допев, плачет. Затем встает и начинает ходить по комнате, рассуждая сама с собой.

Ж Е Н Щ И Н А. Отчего ж тоска такая? А?! Неужто из-за того, што мужиков нема?! А на хрена они, мужики эти!.. вот кабы самой рожать научиться!.. А чё – пальцем ковырнуть, и получай через девять-то месяцев! Первой девку родить, а потом мальцов обойму, а девка штоб их доглядать помогала. Вот тогда б и жизнь пошла, за какую воевали – собрали б по тайге полезных диких кореньев, под домом бы высадили, женьшеней там разных... потом бы грибницы завели, а там, глядишь, малинником всё обнести заместо забора – вот те и ягоды всё лето... А если б ещё животинку какую словить... кабанчика... Мы ж рождены, штоб сказку сделать былью... Полосу бы энту самую сообча расчистили – куда мне одной все эти поломанные вагоны в кучу собрать!.. Была же когда-то, сказывают, страна, где бабы без мужиков родить могли... правда, опять же одних только девок... *(Берёт в руки кобуру, укачивает, словно ребенка, напевая колыбельную песенку.)*

Шум вертолета.

От испуга и неожиданности Женицина роняет кобуру и тут же охает, словно и вправду уронила ребёнка, склоняется над ней. Потом подбегает к окну.

Ж Е Н Щ И Н А. Неужто военный парад?!

Начинает метаться по комнате, наводит впопыхах порядок, облачается в парадный ватник, поверх него надевает ремень с кобурой.

Стук в дверь.

Женицина открывает. Входят три человека. Первый – широкоплечий, высокий и хромой, второй мелкого роста и телосложения, третий средней наружности в рабочем комбинезоне.

Ш И Р О К О П Л Е Ч И Й. Здравствуйте, товарищ! Ну, как тут у вас в глубинке?

Ж Е Н Щ И Н А. Да ничё так... спасибо... стараемся...

Ш И Р О К О П Л Е Ч И Й. Моё фамилие – прораб Гор-Дунайский. Это... *(Указывает на мелкого).* ...зампоид Ехремеев, а там дальше – представитель рабочего класса...

Зампоид протягивает Женицине руку для рукопожатия.

П Р О Р А Б *(бьёт его по руке).* погоди здороваться, не время!

Ж Е Н Щ И Н А. А чё это – зампоид?

П Р О Р А Б. Это заместитель меня по идеологии. *(С иронией.)* Умный, значит.

Ж Е Н Щ И Н А. А вы чё, на парад?

З А М П О И Д. Нет, это вертолет гудел. Последняя модель – любую тонну поднять может. Вверх.

П Р О Р А Б. В общем, работать будем. *(Обращаясь к рабочему.)* Верно, Корней?

КОРНЕЙ. Ну, как скажете... Ежели наряд хорошо закрыт, то отчего ж не поработать!

ЖЕНЩИНА. Так это вас прислали полосу расчищать?

ПРОРАБ. Да не... полосу любой циклон прибрать может.

ЖЕНЩИНА. А чё, обратно железку строить?!

ПРОРАБ. Не, не то! Ты, товарищ, в прошлое смотришь – это тогда все кричали: наш паровоз, вперёд лети!.. Сейчас-то на паровозы надёжи мало, да и рельсы от старости рассыпаются... В общем, главное сейчас – оставить по себе добрую память!

ЗАМПОИД (*потирая руки*). Будем обелиск перестраивать! Будущему старые обелиски не нужны! Верно, Корней?

КОРНЕЙ (*деловито*). А чего ж, ежели наряд хорошо закрыт, так эт дело плёвое. Не каналу рыть...

ЖЕНЩИНА. Ой, да чё ж эт я вас в дверях держу! Заходите, на лавку сидайте, вокруг стола... Счас чайку заварим из листьев крапивки...

ПРОРАБ. Это, что ли, лечебный какой?

ЖЕНЩИНА. Да нет, другого нетути...

ПРОРАБ (*Корнею*). Корней, сбегай к замменя по пище, пусть отсыпет чаю и чего ещё там... мармелада какого...

Корней выбегает.

ФОНОГРАММА (*сквозь шипение*). «...а вот к сердцу нашей Родины приближается колонна бронетранспортёров, участвовавших в международном пробеге мира...» (*Гул моторов, после чего снова наступает молчание.*)

ПРОРАБ. Да, надо и нам здесь спорт устроить, шоб мышцы не заржавели. Ты, зампойд, выработай комплекс идейно выдержанных упражнений, и шоб физзарядку проводить каждое утро перед политпросвещением...

Зампойд записывает задание в тетрадку. Возвращается Корней с мешком, опускает его на пол. Женщина тем временем возится с примусом, поставив на него чайник. Корней мнётся у стола, желая присесть, но не имея на это распоряжения начальства.

ПРОРАБ. Корнюша, вытруси пищу. Поглядим.

Корней вытаскивает бумажный кулёк чая, пару консервных банок и мешочек крупы.

ПРОРАБ. Ну, хозяйка, держи чай!

ЖЕНЩИНА (*подойдя к столу и взяв кулёк в руки*). Ишь ты, фунта три завесит.

Благодарствуем!

ПРОРАБ. Ты вот что... ты с нами садись. Чай сделай и садись. Суетиться не надо – мы не баре какие... А ты, Корней, сходи проследи, шоб палатку правильно разбили, и определи места для костров.

Корней выходит.

ЗАМПОИД (*проводив Корнея взглядом*). Главное – не доводить рабочий класс до возмущения, а возмущается он, ясное дело, когда работы нет...

Стук в дверь.

ПРОРАБ. Кого там ещё?!

Дверь медленно приоткрывается. Бочком входит нищенка в монашеских одеждах. Взглядом ищет образа, чтобы на них перекреститься, но не находит и крестится

на Прораба.

ПРОРАБ. Тебе чего, нечистая сила?!

НИЩЕНКА. Подайте, Христа ради!

Женица, выпучив глаза от удивления, смотрит на Нищенку.

ПРОРАБ (деловито). Зампойд, у нас счас ради Христа подают?

ЗАМПОИД (размышляя). Вроде разрешили бога не запрещать, но подавать...

ПРОРАБ (Нищенке). В общем, не Христа, а Седьмого Интернационала ради можно было б шо-нибудь подать. Но сперва скажи: отчего не работаешь?! Отчего честным трудом не живёшь?!!

НИЩЕНКА. Голубчики, нугде ж в тайге честным трудом жить? Я вон и к вам стучать боялась – вдруг вы убивцы какие?! Честные ж, они вон в Москве живут...

аль в Житомире... а тут всё больше христиане, каторжники, да хунхузы ещё...

ЖЕНЩИНА (неожиданно). Я б этих хунхузов в Польшу выселила! Паскудный народ, сплошные предатели! Они у нас как-то три тонны шпал спёрли и по реке китайцам сплывили! А потом ещё стреляли из-за углов!...

НИЩЕНКА. Да что вы! Упаси Господь! Они ж такие набожные! Мне вот давеча три кармана рису насыпали и слова плохого не сказали – всё на своем лепетали, на хунхузском...

ЗАМПОИД. А ты вот хотела б честно трудиться?

НИЩЕНКА. А кто ж не хочет, чтоб честно!

ЗАМПОИД. Тогда иди к нам кухаркой!

НИЩЕНКА (с подозрением). А к кому это к вам?

ЗАМПОИД. А в ордена украинского трудового знамения монтажно-реконструктивную бригаду имени Долорес Ибаррури! (К концу фразы голос его звучит крайне торжественно.) Это ж представь себе – каких орлов кормить будешь! Сплошь ударники!

НИЩЕНКА. Ну, если есть из чего варить, то можно...

ПРОРАБ. Значит, пойд и найди замменя по пище – он такой высокий и горбатый... и без левого... или без правого... глаза... пускай оформит тебя стряпухой, и чтоб никаких хунхузов, кроме нашей бригады, не кормить!

НИЩЕНКА (крестится на Прораба). Спаси вас Господь и Его Три Брата! (Выходит.)

За окном грохот, скрежет металла. Женица вскакивает, кидается к окну.

ПРОРАБ (привстав, выглядывает в окно; успокаивающе). Это полевая кухня с вертолета выпала! Когда уж народ научится госимущество беречь?

ЗАМПОИД (открывает тетрадку, записывает). Митинг, посвященный госимуществу, планируем на...

ПРОРАБ (перебивает). Спровоцируешь, когда у рабочего класса время свободное будет!

ФОНОГРАММА. «...Лицам, подчиняющимся данной инструкции, категорически не рекомендуется вступать в любые формы контактов с лицами, не подчиняющимися данной инструкции или подчиняющимися другой инструкции, находящейся в противоречии с Конституцией Чаушеску и его семьи...».

ПРОРАБ. Слышно как хорошо! (В умилении смахивает слезу.) А ж прослезился!... Зампойд, который час?

ЗАМПОИД (*посмотрев на часы*). Пора!..

Тем временем Женина, снова севшая к столу, сосредоточенно ест.

Зампоид достает из-под ватника грелку, разливает из неё нечто по кружкам.

ПРОРАБ. Не нагрелась излишне?

ЗАМПОИД (*обмакивает палец в жидкость, облизывает, кривится*). В самый раз!

ПРОРАБ (*Женине*). Товарищ, сугрев нужен?

ЖЕНЩИНА. Ой, да я не пью как-то...

ЗАМПОИД. А за будущее обелиска?!

ПРОРАБ. За это не выпить нельзя!

ЖЕНЩИНА. Ну, капельку... полстаканчика...

Зампоид наливает ей; чокаются, пьют и занюхивают по очереди консервной банкой.

КОРНЕЙ (*входит с амперметром в руках*). А это... для проверки высотомера... куда втыкать?

ЗАМПОИД. В отверстие...

Корней кивает и выходит.

ПРОРАБ. Надо песню петь. Зампоид, начинай!

ЗАМПОИД (*поёт*).

Пули мглою небо кроют...

ПРОРАБ (*подхватывает*).

Вихри нервные крутя...

ОБА (*поют вместе*).

То как враг они завоюют,

То заплачут... как дитя!..

Прораб утирает скупую мужскую слезу. Женина вдруг начинает рыдать.

ЗАМПОИД. Что с вами, товарищ?

ЖЕНЩИНА (*плача*). Врага вспомнила... Какие у нас раньше враги были!!

ПРОРАБ. Да-а... Не те нынче враги! Шушера всё!

ЖЕНЩИНА (*утирая слезы*). Ещё раз спойте!

(*Поют втроем*).

Пули мглою небо кроют,

Вихри нервные крутя,

То как враг они завоюют,

То заплачут, как дитя!..

Входит Корней с амперметром.

КОРНЕЙ. Я того... там два отверстия... и чем тыкать?

ПРОРАБ. Головой! Головой думать надо, а не мозгами куриными!!

ЗАМПОИД. Штырём в левое отверстие.

КОРНЕЙ. Так бы сразу и пояснили... (*Уходит*.)

ПРОРАБ. Ты, зампоид, поди-ка разгрузку и сборку проверь!

Зампоид выходит.

ПРОРАБ (*Женине*). А хорош у тебя ватнишок...

ЖЕНЩИНА. И чё вам этот ватнишок сдался?! (*Снимает ватник и протягивает Прорабу*).

ПРОРАБ (*внимательно рассматривает ватник, щупает ткань, нюхает и вздыхает*). Эх, вся жизнь в ватнике... Слушай... а у тебя огнетушитель есть?

ЖЕНЩИНА. Чего? Не, тушителя нету...

ПРОРАБ. А огурцы?

ЖЕНЩИНА. Не-а...

ПРОРАБ. Тогда давай я тебя по-братски поцелую! *(Притягивает её к себе, целует.)*

КОРНЕЙ *(всовываясь в дверь)*. А там два левых отверстия... и штырь не проходит...

ПРОРАБ *(не ослабляя объятия, прерывает поцелуй и раздраженно сплёвывает)*.

Зампоида найди, пусть он тебе и вставит куда надо!!

Корней исчезает. Поцелуй возобновляется. Начинает звучать

ФОНОГРАММА. «...в случае неожиданной смерти лица, подчиняющегося данной инструкции, вышеупомянутому лицу временно разрешается на время смерти не выполнять пункты и подпункты данной инструкции...»

ПРОРАБ *(отпускает Женщину, сперва ослабив объятия, потом вообще отвалившись и сев; с одышкой)*. Фу-ух! Словно противогаз снял!!!

ЖЕНЩИНА *(берет в углу ружьё, прицеливается в сидящего Прораба)*. А ну!!

ПРОРАБ. Ты чего?!

ЖЕНЩИНА. Чего-чего!.. Давай женись быстро, а то я тебя... с закрытыми глазами!

Знашь, скоко у меня насечек на прикладе? Пятьдесят восемь!

ПРОРАБ. Счас-счас! Только зампоида позову! *(Выскакивает за дверь)*.

Женщина ставит ружьё обратно в угол, начинает причёсываться пальцами. Стук в дверь.

ЖЕНЩИНА. Добро... пожаловать...

Дверь открывается, входит Прораб, подталкивая впереди себя Зампоида.

ЗАМПОИД. Только учтите: я еще ни разу и не знаю как...

ПРОРАБ. Сможешь, сможешь! Стой тут! *(Отходит к Женщине, берет её за руку.*

Пауза.) Ну! *(Короткая пауза.)* Спрашивай давай!

ЗАМПОИД. Э... вы чего, жениться захотели?

ПРОРАБ. Да.

ЖЕНЩИНА. Хочу.

ЗАМПОИД. Так... С манифестом согласны?

ПРОРАБ. Угу...

ЖЕНЩИНА. С каким это?

ЗАМПОИД. Ну, с тем, где призрак бродит.

ЖЕНЩИНА *(оглядывается)*. Где бродит?!

ЗАМПОИД. Да по Европе...

ЖЕНЩИНА. А... Тогда согласная.

ЗАМПОИД. А в будущее совместно верите?

ЖЕНЩИНА, ПРОРАБ *(вместе)*. Верим.

ЗАМПОИД. Ну что ж, можно печать ставить... *(Вынимает из кармана печать, «фукает» на нее, смотрит по сторонам.)* А куда ж её ставить?... она на белом хорошо смотрится...

ПРОРАБ. Слушай, у меня ж фотопортрет есть!

ЗАМПОИД. Покажь!

Прораб достаёт из-за пазухи фотографию. Все рассматривают её.

ЗАМПОИД. Сойдёт! На обратную сторону прищёпнем! Станьте снова там!

Женщина и Прораб отходят и снова становятся в торжественную стойку.

ЗАМПОИД. Товарищи!! *(Шлепает печать на фотографию.)* Объявляю вас единой

ячейкой нашего общества! Любите, плодитесь и размножайтесь, заселяйте земли вокруг... (*Широкий жест.*) ...строителями, лесорубами, газопроводчиками шестого разряда... кооператорами... работниками культуры и животноводства!.. Горько!!
Распахивается дверь, и с дымящейся кастрюлей в руках, крича на ходу, вваливается

НИЩЕНКА. Горько!! Горько!!!

Молодые целуются.

ЗАМПОИД. Ну, поздравляю, желаю долгих и упорных лет жизни на пути к победе! Стройте семью...

КОРНЕЙ (*заглядывает*). А там не два – там три левых отверстия и одно правое...

ЗАМПОИД. Кончай, Корнюша! Скажи, чтоб всё обратно загружали!

ПРОРАБ (*удивленно*). Куда это?

ЗАМПОИД. В медовый месяц молодых не беспокоют. Мы на Большую Землю покамест слетаем, а потом вернёмся и тогда уж – за обелиск! (*Потирает руки.*)

ПРОРАБ. Гм... ну, добро, только пищу оставьте и привезите мне оттуда телевизор – хочу мир посмотреть!

Зампоид записывает указание в тетрадку, затем подходит к молодым, обнимает и целует их, выходит. За ним – Корней и Нищенка. За окном – грохот, металлический лязг. Крик: «Запускай!!!» -- и звук набирающих обороты лопастей вертолёт.

ПРОРАБ (*снимая крышку с кастрюли*). Садись, жена, пищу съедим!

Женщина достаёт откуда-то две миски, начинает искать ложки.

ПРОРАБ. Чё ищешь?

ЖЕНЩИНА. Да ложки куда-то задевались!

ПРОРАБ. Счас! (*Подходит к окну, но тут же останавливается; с сожалением.*)

Улетели!..

Садятся напротив мисок, смотрят на дымящуюся кашу.

ФОНОГРАММА. «...война в районе Байкало-Амурской магистрали закончилась полной победой обеих сторон. Подписаны при участии далай-ламы две безоговорочные капитуляции. С сегодняшнего дня начинается обмен пленными, который, по предварительной оценке специалистов, продлится тридцать семь лет. Просьба ко всем, кто ещё принимает участие в боевых действиях, сложить оружие недалеко от своего места жительства...».

За окном – праздничный салют. На глазах супругов – слёзы счастья.

ЖЕНЩИНА (*на выдохе*). Дождались!!!

ПРОРАБ. Да, теперь заживём!

ЖЕНЩИНА. Хорошо, что хоть хоть пища есть...

Акт 3

Интерьер тот же, но с лёгкими изменениями. Переставлена мебель. На полу – доски, гвозди, инструменты. Прораб и Женщина возятся с огромным деревянным ящиком.

ЖЕНЩИНА. Ровней, ровней бей, а то он ровно не станет!

ПРОРАБ. Чего ты меня учишь?! Ты где-нибудь землю ровную видала? Она ж круглая!

ЖЕНЩИНА. Где, может, и круглая, а здесь плоская! Полоса-то вон плоская, не круглая!

Прораб вздыхает и с новыми усилиями принимается за труд. Потом ставит ящик «на попа». Примеряется к нему. Задумчиво чешет в затылке.

ЖЕНЩИНА. Ну, чё? Выше ж не надо!

ПРОРАБ. Пойдёт... Осталось только дверцу прибить – и готов холодильник!

ЖЕНЩИНА (*радостно потирая мозолистые руки*). Да, теперь не хуже людей заживем... Потом сходишь на охоту, и туда мяса на зиму наскладируем!..

Прораб приколачивает дверцу.

ЖЕНЩИНА. Не туго закрывается?

ПРОРАБ. Порядок! (*Вбивает последний гвоздь и отходит полюбоваться своей работой.*) Хорош!

ЖЕНЩИНА. Пойдем, установим его, родненького.

Поднимают ящик, пытаются пронести его в дверь. Долго пытаются, и так, и этак, но ничего не получается.

ПРОРАБ. Опusti!

ЖЕНЩИНА. Да нет, выше, и выше, и выше!

ПРОРАБ. Ну и куда?

ЖЕНЩИНА. Да, не проходит...

ПРОРАБ. Отдохнуть надо.

Опускают ящик, садятся на него и отдыхают.

ПРОРАБ. Была б техника, кран строительный, можно было б... это... крышу поднять и через верх его вытащить...

ЖЕНЩИНА. Да, у нас на спецпоезде тоже кран рельсовый был... и тормоз Вестингаузена...

Фонограмма: поезд.

Оба задирают головы вверх.

ПРОРАБ. Ишь ты! Неужто летит?!

ЖЕНЩИНА (*прислушиваясь*). На восток пошёл!

ПРОРАБ. Всё ж таки до чего ж мы технику довели – уже и поезда летают! Так мы и социализм построим раньше положенного!

Стук в дверь прикладом.

ПРОРАБ. Кто там?

ГОЛОС. Мировая революция грядет!

ЖЕНЩИНА. Впусти!

Оба встают и отодвигают ящик от двери. На пороге появляется Красноармеец с обрезом в руке.

КРАСНОАРМЕЕЦ (*серьезно оглядев помещение и хозяев, после паузы*). Помощь нужна?

ЖЕНЩИНА (*радостно*). Конечно! Очень нужна!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Ну, я готов... (*Забрасывает обрез за плечо.*)

Втроем берутся за холодильник, но опять не получается.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Не пройдет!

ПРОРАБ. А что же делать?

КРАСНОАРМЕЕЦ. А разобрать придется и по частям выносить.

ЖЕНЩИНА. Да, это нужная идея.

Втроем поднимают холодильник на вытянутых руках над собой.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Один! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть!! (Короткая пауза.) и семь!!!

Все отскакивают, а ящик, упав, разваливается.

Женщина наклоняется к доскам.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Не надо! Я сам. (В два приёма вытаскивает доски из дома.)

ПРОРАБ. Надо ж инструменты собрать... Жаль, бригада бензопилу не оставила...

(Возится с ящиком для инструментов. Встаёт, подходит к окну.) Э! Жена,

погляди! Да он наш холодильник поджёг!

ЖЕНЩИНА *(подбегает к окну, смотрит)*. Видать, замёрз, бедолага! Позови его в дом!

ПРОРАБ. Товарищ! Заходите в дом!

КРАСНОАРМЕЕЦ *(за сценой)*. Счас, токо согреюсь хорошенько и зайду. А вы покамест кипяточку сообразите!

Женщина возится с чайником.

ПРОРАБ. Пищу на стол поставь!

ЖЕНЩИНА. Пищу?! Сначала холодильник мясом на зиму забей, а потом уж и угощать берись! От твоей пищи один только чай и остался!..

КРАСНОАРМЕЕЦ *(входя)*. Может, ещё чего помочь?

ПРОРАБ. Не-не, спасибо. Хватит. Кипяточек счас поспеет. Жаль, заварки нету...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Та ничего, я из кармана табачной крошки собираю и заварю. Может, и вам хватит...

ПРОРАБ. Спасибо. Не курю...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Так это ж не для курения, а питьевой табак. В Шанхае пленный хомендановец научил меня как-то, а сам помёр... Странная какая жизнь! Вот казалось бы: попал ты в нормальный плен – самое время жизнь начинать, а он помёр! Жалко. Ну и вождь с ним!

ЖЕНЩИНА *(разливая кипяток по кружкам)*. Угощайтесь!.. Воды в этом годе много...

Красноармеец достаёт из кармана шинели щепотку табачной крошки и засыпает в кипяток. Достает вторую и предлагает Прорабу.

ПРОРАБ *(отрицательно мотает головой)*. Я чистый кипяток люблю...

Красноармеец высыпает щепотку обратно в карман. Все пьют кипяток, громко чмокая и фукая.

ЖЕНЩИНА *(глядя на Красноармейца)*. А чё ж это у тебя орденов не видно?!

КРАСНОАРМЕЕЦ. А чтоб не уставать! У меня-то их много, фунта четыре. Как-то раз одел их на парад в Нижнем Горьком, так потом два дня спину ломило... Я ж всю жизнь воюю. И с Тухачевским воевал, и с Ворошиловым, и с Калединым, и с Петлюрой, с Рокоссовским пару месяцев... с Брусиловым довелось... с Черненко пробовал, но тот воевать отказался... А Махно обещал меня в генералы произвестъ, да не успел. А тут еще большевички надули, вместо генеральских петлиц прислали бронепоезд с листовками...

ЖЕНЩИНА *(горячо)*. Эт не большевики надули, а Троцкий с бандой! А ты, товарищ, против какой власти?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Ясное дело, против всякой, которая против меня! Я народ поддерживаю... хотя и властям помогаю. Вот недавно генеральского секретаря спас,

так он мне в благодарность обещал разрешить лично Берию расстрелять... А как до дела дошло, так левольвер масонам дали, то ли Мехлису, то ли Мейлаху...

ПРОРАБ (*осуждающе качая головой*). Секретарей спасать не надобно. Рабочий класс надо спасать, экономику, урожай... окружающую среду ещё...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Та шо ты несешь? Ты сам-то хоть раз был в окружении?! Да ты ведь...

Дверь тихонько открывается, и входит японец-турист.

ЯПОНЕЦ (*кланяясь*). Сицурей дес га, Фудзияма доко деска?

КРАСНОАРМЕЕЦ (*после короткого раздумывания*). Фудзияма ва асоко дес то омоимас...

ЖЕНЩИНА (*подозрительно и почти враждебно*). Эт вы чего?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Да это он спрашивает, как к Фудзияме пройти...

ЖЕНЩИНА. А! Эт там! (*Машет рукой.*)

КРАСНОАРМЕЕЦ. Не там, а там! (*Машет в другую сторону.*)

Японец смотрит поочередно в обе стороны.

ПРОРАБ. Вот если б уже перестройку закончили, то был бы в обелиске лифт и смотровая площадка, чтоб оттуда любую гору видеть...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Но все равно же по полосе сначала идти надо!

ЖЕНЩИНА. Да, а потом налево свернуть!

КРАСНОАРМЕЕЦ (*Японцу*). Пороса дэ иканакэрэба наримасен га ато хидаригава э итто кудасай!.. Понял?

ЯПОНЕЦ (*кивает*). Вакаримасьта, аригато годзаимас! Коно ва сувениру дас. Анато но тамэ ни! (*Кланяется, протягивает сложенный веер.*)

КРАСНОАРМЕЕЦ (*берет веер*). Спасибо, товарищ!

ЖЕНЩИНА. Спроси его, у них там революция есть?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Аната ва реворюция га аримаска?

ЯПОНЕЦ (*улыбаясь*). Ватаси но Фудзияма ни реворюция ва аримасен.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Нет, говорит, у него на Фудзияме революции нету.

ПРОРАБ (*удивленно*). А где ж она есть?

ЖЕНЩИНА. И тут нету...

Японец, еще раз поклонившись, уходит. Красноармеец, раскрыв веер, рассматривает его.

ЖЕНЩИНА. Чё это?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Да мух-комаров всяких отгонять от морды лица. Полезная штукovina. Умный народ, а ведь мух-то у них поменьше нашего.

ЖЕНЩИНА (*с вновь пробудившейся подозрительностью*). А ты почему знаешь? И по-ихнему откуда говоришь?

КРАСНОАРМЕЕЦ. От их и говорю. Я ж герой Цусимы. Из Порт-Артура на разведку в самую Японию плавал.

ПРОРАБ. На лодке?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Та не, под водой, чтоб не заметили... А потом шторма начались, цунами всякие. Пришлось остаться. А как жить, ежели языка не знаешь. Ну и выучил помаленьку, потом заработал немножко иен, японским школьникам о Чапае рассказывая, купил шхуну и – ночью через пролив! Так и вернулся...

ПРОРАБ. С такой биографией тебе б в вождях Седьмого Интернационала сидеть!..

КРАСНОАРМЕЕЦ. Не, сидеть не по мне, мы уж лучше поездим.

ЖЕНЩИНА. А знашь, был тута когда-то один красноармеец, на тебя похожий
оченно... Токо погиб он...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Хо, так то ж я и был. Тут-то я погиб, а там – живёхонек! Я там
теперь помощник комиссара тридцать шестого противогазового вагона!.. Да, а чего
ж это я пришел-то? Чё-то мне комиссар наказывал... *(Задумывается.)*

ЖЕНЩИНА. Може, за кипятчком, как в тот раз?

КРАСНОАРМЕЕЦ *(досадливо отмахивается)*. Та не... О! Вспомнил! У нас три
вагона ржаной муки есть! А нам бойцы на будущее нужны! *(Сурово смотрит на
Прораба.)*

ПРОРАБ *(испуганно)*. Не-не, я не пойду! Я уж своё отпахал в стройбате!!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Да не об нас речь, а об детях и внуках наших...

ПРОРАБ. А они у тебя есть, дети-то? Своих бы, небось, на войну не посылал!

КРАСНОАРМЕЕЦ *(махнув рукой)*. Ох, темнота! Об чём ведь и речь – вот пускай
она мне за муку и родит... *(Показывает на Женщину.)*

ПРОРАБ. Да ты что, очумел?! При живом-то муже?!!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Эт кто, ты, что ль, живой? Да у меня таких живых два вагона
лежит...

ЖЕНЩИНА. А муки скоко дашь?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Один ребяёнок – один вагон, двойня – два вагона. У нас без
обману.

ЖЕНЩИНА. А ежели дочка?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Сойдёт. Медсестрой будет.

ЖЕНЩИНА. Или снайпером...

ПРОРАБ. Жаль, зампоида нету, он бы всё толково рассудил...

КРАСНОАРМЕЕЦ. Ну чего, по рукам?

ЖЕНЩИНА *(Прорабу)*. Да ты не бойсь, я ж ему токо одного рожу, а остальных
тебе!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Заодно и прокормить будет чем.

ЖЕНЩИНА. Да, без муки не проживём.

КРАСНОАРМЕЕЦ *(снимает шинель, оказывающуюся неожиданно очень большой)*.

Счас мы занавесочку соорудим и за сыночка примемся!

Прораб помогает навесить шинель на верёвку, протянутую через всю комнату.

Женщина и Красноармеец в обнимку уходят за занавеску.

*Прораб берет ружьё, осматривает его, заряжает, щелкает затвором,
прицеливается в шинель. Потом опускает ружьё.*

Пауза.

ПРОРАБ. Эй, я на охоту пошел! *(Ждет ответа, но из-за занавески доносится
только лёгкий шорох; не дождавшись, выходит.)*

ФОНОГРАММА. «...по заявкам наших радиослушателей исполняется
старинный русский романс “Отвори потихоньку калитку!”...».

Звучит отрывок из романа.

Из-за занавески выходит взмокиший Красноармеец.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Шинелку я тут оставляю, ребеночка пеленать. А вагоны за
обелиском будут...

ЖЕНЩИНА *(из-за занавески)*. А как же ты без шинели? Зима ж грядет!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Та... сниму с кого-нибудь! Трудно, што ли? Ну, счастливо... а за

сыном я годков через пятнадцать зайду! (*Уходит, тихонько притворив за собой дверь.*)

Женщина выходит, причесывается пальцами.

Тишина.

Ж Е Н Щ И Н А (*выглядывает в окно*). Хоть бы не очень обиделся муженёк, а то немного он там настреляет!..

Ф О Н О Г Р А М М А. **«...сводный хор мальчиков, разоблачивших своих родителей, исполняет любимую песню третьего секретаря Забайкальского пограничного округа...».** (*Пауза. Хор.*)

...Он поднял эту пуговку и взял ее с собою,
И вдруг увидел буквы нерусские на ней!
К начальнику заставы ребята всей гурьбою
Бегут, свернув с дороги: скорей, скорей, скорей!

– Рассказывайте точно, – сказал начальник строгий
и карту пред собою зеленую раскрыл –
Вблизи какой деревни и у какой дороги
На пуговку Алешка ногою наступил?!

Четыре дня скакали бойцы по всем дорогам,
Четыре дня искали, забыв еду и сон,
Седого незнакомца в дороге отыскивали,
Сурово оглядели его со всех сторон.

А пуговки-то нету у заднего кармана,
И сшиты не по-русски широкие штаны!..
А в глубине кармана патроны от нагана
И карта укреплений советской стороны!!.

Ж Е Н Щ И Н А (*мечтательно*). Вот подрастет мальчуган – тоже в хор отдам. Петя научится!..

Дверь распахивается, и входит молодой мужчина с чемоданом, похожий на Второго из первого акта.

М У Ж Ч И Н А. Хозяин где?

Ж Е Н Щ И Н А. На охоту пошёл!

М У Ж Ч И Н А. А вы кем будете?

Ж Е Н Щ И Н А. Жена я ему.

М У Ж Ч И Н А. Значит, теперь вы моя жена.

Ж Е Н Щ И Н А. Почему это?

М У Ж Ч И Н А. Моя смена полосу охранять! Десять лет буду здесь хозяйничать...

Ж Е Н Щ И Н А (*подходит к нему и притрагивается рукой к его лицу*). Так ведь я тебя знаю.. Ты уже был здесь...

М У Ж Ч И Н А. Ошибаетесь. Я только что из Европейской части. В этих местах впервые. Красиво у вас тут... (*По-хозяйски ставит чемодан.*) А у меня с собой бутылка есть... правда, без этикетки... Может, выпьем?

Ж Е Н Щ И Н А . Давай! *(Достает кружки.)*

Мужчина открывает чемодан, вытаскивает бутылку. Откупоривает, разливает. Чокаются, пьют.

Ж Е Н Щ И Н А . А у нас сынок скоро будет... *(Подходит к Мужчине, обнимает его.)* И муки два вагона есть...

М У Ж Ч И Н А *(со знанием дела)*. Да, мука – это хорошо. В Европейской части она уже кончилась... *(Целует ее.)*

к о н е ц

ЗДЕСЬ ТАК ТЕМНО

Инсценировка по роману Станислава Лема «СОЛЯРИС».

I

Темнота. Зелёный огонёк. Отдалённый шум машин.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Готов, Кельвин?

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС. Готов.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Не беспокойся ни о чём. Станция тебя примет.

Счастливого пути!

Скрежет закрываемого люка. Вибрация.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС. Когда старт?

МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Уже летишь, Кельвин. Будь здоров!

Рёв. Открывается широкая щель, через которую видны звёзды.

Вибрация становится сильнее. Зелёный огонёк размазывается.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС. Станция Солярис, Станция Солярис, я Кельвин.

Кажется, я теряю стабилизацию ...

Звёзды сменяются ярким красно-жёлтым светом.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС. Станция Солярис, Станция Солярис, сделайте что-нибудь! Не для того же я летел в такую даль, чтобы погибнуть у самой цели...

ВТОРОЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Станция Солярис-IV – Кельвину, Станция Солярис-IV – Кельвину. Всё в порядке. Приготовиться к посадке в момент ноль. Внимание, начинаем. Пятьдесят, сорок девять, сорок восемь, сорок семь, сорок шесть...

Скрежет стали о сталь заглушает счёт.

ВТОРОЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Станция Солярис-IV. Ноль-ноль. Посадка окончена. Конец. Добро пожаловать на Станцию Солярис-IV.

Открывается люк.

Человек, освещённый из люка, выходит в полутёмное сценическое пространство.

Идёт в полутьме, довольно долго.

Оказывается в комнате, похожей на заброшенное кафе: несколько металлических столиков, между ними сдутые надувные кресла. Одно надуто, и в нём кто-то сидит, глядя в огромное окно на Океан, в красно-жёлтом свете которого всё видно хорошо, хотя и странновато – как в фотолаборатории.

ВОШЕДШИЙ (делает шаг к сидящему). Снаут?

СНАУТ (повернувшись, роняет чашку, из которой только что пил; произносит скороговоркой, со страхом и омерзением). Не знаю тебя, не знаю тебя, чего ты хочешь от меня?!

ВОШЕДШИЙ. Что с тобой?

СНАУТ (спокойнее). Ага. Будешь заботиться обо мне, да? Но почему обо мне? Я же тебя не знаю.

ВОШЕДШИЙ. Где Гибарян?

СНАУТ. Г-гибарян?! Нет!! (*Сотрясается в беззвучном смехе.*) Так ты, значит, к Гибаряну? Что ты хочешь с ним делать?

ВОШЕДШИЙ. Что ты городишь? Где он?

СНАУТ (*изумлённо*). Ты... не знаешь?!

ВОШЕДШИЙ. Приди в себя! Откуда я могу это знать, если только что прилетел! Что с тобой, Снаут? Ты пьян?!

СНАУТ (*с трудом, но трезвея на глазах, выбирается из кресла*). Прилетел?

Откуда?

ВОШЕДШИЙ (*зло*). Вообще-то с Земли. Слышал о ней когда-нибудь? Похоже, что нет!

СНАУТ. С Зе... Великие небеса, чёрные и голубые!! Так ты – Кельвин?!

ВОШЕДШИЙ. Да.

СНАУТ. Крис Кельвин?

КРИС. Да! Что ты так смотришь? Что в этом удивительного?!

СНАУТ. Н-ничего. Ничего. Извини меня, Кельвин. Это так, знаешь, просто от внезапности. Не ожидал.

КРИС. Как это не ожидал? Вы получили сообщение несколько месяцев назад, а ещё раз сегодня...

СНАУТ. Да. Да... Конечно. Только, видишь ли... у нас здесь некоторый... беспорядок...

КРИС (*саркастически*). Да, я вижу. Трудно этого не заметить.

СНАУТ (*как бы невзначай трогает его; несколько раз откашливается*). А... может, хочешь принять ванну... с дороги? Вон там... (*Показывает.*)

КРИС. Спасибо. Я знаю планировку Станции.

СНАУТ. Может, ты есть хочешь?

КРИС. Нет. Где Гибарян?

СНАУТ. Кстати, как ты узнал меня?

КРИС. По фото. Где Гибарян?

СНАУТ (*словно не слыша вопроса, отворачивается к окну; тихо*). Слушай... Тебе придётся пока довольствоваться моим обществом. Пока. Можешь называть меня Хорёк. Меня все так называют...

КРИС. Где Гибарян?!

СНАУТ (*по-прежнему глядя в окно*). Извини, что я тебя так принял. Это... не только моя вина. Совсем забыл, тут столько произошло, знаешь...

КРИС. Всё в порядке, оставь это. Так где всё-таки Гибарян? Его что, нет на Станции?

СНАУТ (*как эхо*). Нет на Станции...

КРИС. Он куда-то улетел?

СНАУТ (*так же*). Нет. Он никуда не улетел. И никуда не улетит.

КРИС. Что? Что ты хочешь сказать? Где он?

СНАУТ (*повернувшись к собеседнику*). Ты уже знаешь.

КРИС. Но...

СНАУТ. Да.

КРИС. Несчастный случай?

СНАУТ. Можно сказать и так. (*Снова смотрит в окно.*)

КРИС. Когда?

СНАУТ. Сегодня утром.

КРИС. Как это случилось?

СНАУТ (*неохотно отрывается от окна*). Знаешь что, устраивайся, разбери вещи и возвращайся сюда... скажем, через полчаса...

КРИС (*мгновение колеблется*). Хорошо. (*Поворачивается, чтобы уйти*).

СНАУТ. Обожди. Нас было трое, и теперь, с тобой, снова трое. Ты знаешь Сарториуса?

КРИС. Как и тебя, по фотографии.

СНАУТ. Он в лаборатории, наверху, и... не думаю, что он выйдет оттуда до ночи, но... во всяком случае, его ты узнаешь. Если увидишь кого-нибудь другого, ну, понимаешь... не меня и не Сарториуса, понимаешь, то...

КРИС. То что?

СНАУТ. То... ничего. Не делай ничего, я хочу сказать.

КРИС. Кого я могу увидеть? Призрак?!

СНАУТ. Думаешь, я спятил. Нет. Ещё нет. Не могу тебе сказать пока по-другому...

В конце концов, может, ничего и не случится. Во всяком случае, помни. Я тебя

предупредил.

КРИС. О чём?!

СНАУТ. Держи себя в руках. Поступай так, как будто... В общем, будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты... попробуй. Это единственный выход.

Другого я не знаю.

КРИС. Но что я увижу?

СНАУТ. Не знаю. Это зависит от тебя.

КРИС. Галлюцинации?

СНАУТ. Нет. Это реально. Не... нападай. Помни.

КРИС. Что ты несёшь?!

СНАУТ (*вновь смотрит в окно; тихо*). Я тебя предупредил. Будь начеку!

КРИС. Что случилось с Гибаряном? Что делает Сарториус?

СНАУТ (*не оборачиваясь*). Приходи через полчаса.

Крис поворачивается, чтобы уходить; уже у двери ещё раз смотрит на Снаута. Тот не отрывается от окна, потом вдруг закрывает глаза рукой, и теперь видно, что рука красна, словно в крови.

Крис в коридоре. Вой ветра за стенами Станции.

Крис подходит к двери с криво висящей табличкой «Д-р Гибарян».

Покелебавишись немного, входит.

Окно на две трети задёрнуто занавеской в цветочках. В комнате чудовищный хаос, нет ни одного целого предмета, всё растерзано, сломано, смято, и над всем, на приколотом к стене листе ватмана надпись фломастером наискосок:

«Как можем мы понять Океан, если не в состоянии понять друг друга?»

Крис стоит, глядя на надпись. Пытается разобрать бумаги, сваленные в кучу.

Наконец, отбирает несколько листков и съёт их в карман. Подбирает с пола маленький видеоманитофон, вертит в руках. Тоже засовывает в карман и тем же путем возвращается к Снауту.

Снаут, сидя в том же кресле, ест прямо из консервной банки.

Крис несколько минут смотрит на него, затем берёт с полки тарелку, вилку, банку консервов, вскрывает, выкладывает содержимое на тарелку и тоже начинает есть – стоя, потому что сесть не на что.

Некоторое время молча едят, потом Снаут встаёт, наливает из термоса в чашки кофе и ставит термос на пол. Подает чашку Крису.

КРИС. Спасибо. (*Пьёт.*)

СНАУТ (*с полным ртом*). Угум... (*Прожевав.*) Видел Сарториуса?

КРИС. Нет ещё.

СНАУТ. С тобой что-нибудь случилось?

КРИС. Что со мной могло случиться?

СНАУТ. Ты весь мокрый.

КРИС (*вытирает рукой лоб*). Жарко у вас тут.

СНАУТ. Ты уверен, что это от жары?

Крис не отвечает.

СНАУТ. Что ты собираешься делать?

КРИС. Присоединюсь к вам. У вас есть какой-нибудь план исследований? Какой-то новый стимулятор... рентген... или что-то в этом роде. А?

СНАУТ. Рентген? Где ты об этом слышал?

КРИС. А что? Уже применяете?

СНАУТ. Я не знаю подробностей. Это была идея Гибаряна. Он начал это с Сарториусом... Но откуда ты можешь об этом знать?

КРИС. Не знаешь подробностей? Ты ведь должен был в этом участвовать, это входит в твои....

СНАУТ. ...обязанности, да? Обязанности учёного на Станции Солярис... Как же! *(Поворачивается, смотрит в окно.)* Сколько лет мы глазеем на Океан и тычем в него приборами, и обзываем его то «плазменной машиной», то «разумным желе», а недавно вот появился милый термин «гомеостатический океан» – как будто бывает не гомеостатический! У нас целые библиотеки о нём, но это кладбище фактов, и мы топчемся на том же месте, где начали их нагромождать. Труд всех этих лет оказался напрасным – Океан не отвечает нам. Гибарян пошутил как-то: может, он debil?

КРИС. Пошутил, значит? *(Вынимает из кармана смятые листки бумаги и бросает на стол.)* И поэтому он решил подвергнуть Океан действию жёсткого рентгеновского излучения? Даже несмотря на то, что это запрещено конвенцией ООН в связи с его вредным действием?

Пауза.

СНАУТ *(берёт один из листков)*. Так вот откуда... ты был в его комнате...

КРИС. Как можем мы понять Океан, если не в состоянии понять друг друга?

СНАУТ. Да... Гибарян часто повторял это... В комнате кто-нибудь был?

КРИС. Кто мог там быть?

СНАУТ. Что ты думаешь о... о том, что произошло?

КРИС. Ты знаешь об этом больше, чем я. Где он?

СНАУТ. В холодильнике. Мы перенесли его сразу же...

КРИС. Где вы его нашли?

СНАУТ. В шкафу.

КРИС. Он был уже мёртв?

СНАУТ. Сердце ещё билось, но это была агония.

КРИС. Пробовали его спасти?

СНАУТ. Нет. Он... сделал себе укол... смертельная доза...

КРИС. Самоубийство, значит... А причина?

СНАУТ. Нервное расстройство... депрессия... или как это ещё называется. Ты же психолог, ты разбираешься в этом лучше меня.

КРИС. Я разбираюсь в том, что вижу сам.

СНАУТ. Что ты хочешь сказать?

КРИС. Он ввёл себе яд и спрятался в шкаф. Так? Тогда это не депрессия, уж скорее острый психоз. Паранойя... Ему, наверное, казалось что-нибудь...

СНАУТ. Возможно.

КРИС. Снаут... На станции кто-то есть?

СНАУТ. А! Ты видел?

КРИС. Ты предостерегал меня. От чего?

СНАУТ. Что ты видел?

КРИС. Это человек, да? До него можно дотронуться. Можно ранить... Последний раз ты видел его сегодня...

СНАУТ. Откуда ты знаешь?!

КРИС. Перед тем как я прилетел? Совсем незадолго?..

СНАУТ. Ты!! Кто ТЫ такой?!!

Пауза.

КРИС. Кто это был?

Пауза.

СНАУТ (*спокойнее*). Если ты не знаешь....

КРИС. То что?

СНАУТ. Ничего.

КРИС. Снаут, давай в открытую. И так всё запутано.

СНАУТ. Чего ты хочешь?

КРИС. Чтобы ты сказал, кого ты видел. Не бойся, я не буду тебя считать сумасшедшим...

СНАУТ. Сумасшедшим! О господи! Но ведь ты же ничего, совсем ничего... Это было бы избавлением... Если бы он хоть на секунду поверил, что сошел с ума, он бы не сделал этого, он был бы жив...

КРИС. Значит, это не было нервное расстройство?

СНАУТ. Конечно, нет.

КРИС. А что же?

Снаут молчит.

КРИС. Не скажешь?

СНАУТ. Не могу.

КРИС. Как ты себе представляешь дальнейшую работу в таких условиях?

СНАУТ. Да какое это имеет значение?!

КРИС. Ах, так? И что ты намерен делать?

Снаут не отвечает. Отворачивается к окну.

КРИС. Ладно. (*Лезет вверх по металлической лесенке.*)

СНАУТ. Крис!

Крис останавливается, глядя на него сверху вниз.

СНАУТ (*измученно*). Я... не могу... прости...

Крис ждёт, не добавит ли Снаут ещё чего-нибудь, и, ничего не дождавшись, лезет дальше. Выходит на верхний уровень, останавливается перед металлической дверью с табличкой «Д-р Сарториус». В двери есть окно, чем-то закрытое изнутри, но неплотно, и сквозь щель пробивается грязно-жёлтый свет.

КРИС (*стучит в дверь*). Доктор Сарториус! Прошу вас, откройте! Это Кельвин! Я прилетел час назад! Доктор Сарториус! Тут никого нет, только я! Откройте! Молчание. Потом лязг металла, и внезапно — частый топот маленьких ножек.

КРИС. Доктор Сарториус! Вы откроете или нет?! Я не для того сюда летел, чтобы смотреть, как вы разыгрываете комедию! Считаю до десяти. Потом высажу дверь!! Занавеска отодвигается, затем распахивается окно в двери. Изнутри бьёт яркий жёлтый свет, и в нём — силуэт Сарториуса.

САРТОРИУС. Вы должны обещать, что не попытаетесь войти внутрь.

КРИС. Хорошо. Обещаю.

Свет становится слабее, и несколько лучше видно лицо Сарториуса. Почти половину лица закрывают чёрные очки.

Неловкая пауза. Вой ветра.

САРТОРИУС. Слушаю.

КРИС. Меня зовут Крис Кельвин... вы должны были обо мне слышать. Я работаю... то есть работал... с Гибаряном... Я узнал, что Гибарян... что его нет...

Пауза.

САРТОРИУС (*нетерпеливо*). Да?

КРИС. Он покончил с собой? Кто нашёл тело, вы или Снаут?

САРТОРИУС. Почему вы обращаетесь с этим ко мне? Разве доктор Снаут вам не рассказал?

КРИС. Я хочу услышать, что вы можете рассказать об этом...

САРТОРИУС. Доктор Кельвин, вы психолог?

КРИС. Да. А что?

САРТОРИУС. Учёный?

КРИС. Ну да. Но какая связь...

САРТОРИУС. А ведёте себя, как частный детектив! Вместо того, чтобы включиться в работу, ломитесь ко мне, да ещё допрашиваете меня, как будто я на подозрении!

КРИС. Вы на подозрении, Сарториус, и вы прекрасно об этом знаете!

САРТОРИУС. Доктор Кельвин! Если вы сейчас же не извинитесь, я подам на вас жалобу!

КРИС (*срывается на крик*). За что это я должен извиняться?! За что?! Вместо того, чтобы встретить меня, вместо того, чтобы честно рассказать, что здесь происходит, вы... один пьянствует!.. другой запирается в лаборатории!! Вы все тут с ума посходили, да?!

САРТОРИУС (*неожиданно жалобным голосом*). Уходите... Уходите... умоляю!

Идите, идите вниз, я приду потом, всё расскажу, сделаю всё, что хотите, только сейчас уходите!!! (*Захлопывает окно, занавеска возвращается на место; слышен звон бьющегося стекла и залихватистый смех маленького ребёнка.*)

КРИС (*растерянно смотрит на дверь, потом поворачивается к окну в стене – в окно виден Океан, но Крис видит его совершенно не таким, каким видит Снаут*). Что теперь? (*Спускается по лестнке на уровень Снаута.*)

СНАУТ (*сидит в кресле в той же позе и дремлет, но от шагов Криса вздрагивает и просыпается; хрипло*). Алло, Крис! Ну что? Узнал что-нибудь?

КРИС. Да... Он не один...

СНАУТ. Подумать только! Так, значит, у него гости, а?

КРИС (*устало*). Не понимаю, почему вы не хотите мне сказать, что это такое. Ведь я так или иначе, рано или поздно, всё узнаю. Зачем же эти тайны?

СНАУТ. Поймёшь, когда к тебе самому придут гости.

Крис поворачивается, чтобы уходить.

СНАУТ. Куда теперь?

КРИС (*смотрит на него через плечо, говорит скорее сам себе*). ...А может, это я сошёл с ума?... Океан подействовал на мой мозг, и теперь я вижу галлюцинацию за галлюцинацией... и если так, то незачем разгадывать несуществующие загадки, ведь ни тебя, ни Сарториуса в действительности вовсе и нет... вы лишь творения моей повреждённой психики...

СНАУТ (*рассматривает свои красные руки*). Может ли бред достигать такой степени реальности?

КРИС (*по-прежнему словно говоря с самим собой*). Да, может... уж в этом-то я

разбираюсь, это как-никак моя специальность... не ты говоришь со мной, а я сам... СНАУТ. Эх, Крис... если бы это был бред!.. (*Снова закрывает глаза.*)

II

Крис просыпается в своей комнате — меньшей, чем комната Гибаряна.

Полутемно. Напротив в кресле кто-то сидит.

Становится светлее..

КРИС (*сонно*). Хари?

Хари смотрит на него, чуть улыбаясь, — босая, в белом платье, освещённая сзади, словно в ореоле, на фоне багряно-лилового Океана.

КРИС (*бормочет*). Пришла навестить меня, да?.. тебе было бы сейчас тридцать лет... нет, почти тридцать три... но вы, мёртвые, всегда молоды... какой пластичный сон... вижу предметы, которых вчера не заметил... когда проснусь, надо будет проверить, вправду ли они есть... или созданы сном, как Хари... как она хороша... но всё-таки пора проснуться... (*Закрыв глаза, встряхивает головой.*)

Хари встаёт, подходит к нему, садится на кровать. Наклоняется над ним.

Они целуются.

КРИС. И это сон?.. (*Напрягается, чтобы сесть, — и садится.*)

Хари слегка отодвигается. Смотрит на него со спокойным интересом.

КРИС (*хрипло; ему страшно*). Чего ты хочешь?

Хари улыбается ему.

КРИС (*бормочет*). Принять душ?.. нет... душ, который снится, не сможет разбудить... Откуда ты взялась?

ХАРИ (*берёт его за руку и начинает её подбрасывать; рассеянно*). Не знаю. Это плохо?

КРИС. Тебя... кто-нибудь видел?

ХАРИ (*всё ещё играет его рукой, но лицо её меняется*). Не знаю... я просто пришла. Разве это важно, Крис?

КРИС. Хари...

ХАРИ. Что, милый?

КРИС. Откуда ты узнала, где я?

ХАРИ (*слегка озадаченно*). Понятия не имею. Смешно, да? Ты спал, когда я вошла. Я не стала тебя будить, потому что ты злюка. Злюка и зануда. (*Энергично подбрасывает его руку.*)

КРИС. Ты была... внизу?

ХАРИ. Была. Я убежала оттуда. Там холодно. (*Укладывается набок, щекой на его ладонь, и смотрит на него с нежной улыбкой.*)

КРИС. Но ведь... Хари... ведь... это невозможно...

ХАРИ. Перестань! (*Прикрывает глаза.*)

КРИС. Где мы, Хари?

ХАРИ (*как само собой разумеющееся*). У нас.

КРИС. Где это?

ХАРИ. Крис... мне хорошо!

Крис сидит над ней, не шевелясь, потом высвобождает руку и встаёт.

Хари садится и смотрит на него всё с той же улыбкой.

КРИС. Где твои вещи?

Х А Р И. Мои вещи?

К Р И С. Что, у тебя только это платье?

Х А Р И (*обводит комнату взглядом; беспомощно*). Не знаю. Может, в шкафу?

К Р И С. Нет, там только комбинезоны.

Х А Р И (*смотрит в окно; после паузы*). Крис, у меня такое чувство, будто что-то случилось... будто я что-то... очень многое... забыла... Знаю... помню только тебя... и... себя... и... больше ничего...

Крис молчит.

Х А Р И. Я была... больна?

К Р И С. Ну... это можно назвать и так. Да, некоторое время ты болела.

Х А Р И (*слегка повеселев*). Ага. Это, наверное, поэтому. (*Подходит к нему, по-детски упирается сжатыми кулаками ему в грудь.*) Как у нас с тобой? Хорошо или плохо?

К Р И С (*поспешно*). Как нельзя лучше!

Х А Р И (*слегка улыгнувшись*). Когда ты так говоришь, скорее плохо.

К Р И С. С чего ты это взяла?

Х А Р И. Раз уж ты так отпираешься, то наверняка. Ладно, как хочешь.

К Р И С (*поспешно.*) Хари, дорогая... я должен сейчас уйти. Подожди меня здесь, ладно? А может, ты голодна?

Х А Р И. Голодна? Нет. Подождать тебя? Долго?

К Р И С. Час... или полтора...

Х А Р И (*прерывает*). Пойду с тобой.

К Р И С. Малыш, это невозможно.

Хари неожиданно берёт его за руку, как ребёнка.

К Р И С (*мягко*). Хари, я серьёзно. Ты должна остаться здесь.

Х А Р И. Нет.

К Р И С. Почему?

Х А Р И. Н-не знаю... (*Тихо.*) Не могу...

К Р И С. Но почему?!

Х А Р И. Мне кажется... мне кажется, что я должна всё время тебя видеть! Ты сердишься?

К Р И С. Нет.

Х А Р И. Я веду себя как идиотка, да? Но ты тоже хорош: надутый, как Пелвис...

К Р И С. Как кто?!

Х А Р И. Как Пелвис... ну, ты знаешь, тот, толстый...

К Р И С. Хари... ты не знаешь Пелвиса!.. ты даже не слышала о нём от меня, потому что я тоже не был с ним знаком... когда ты была...

Х А Р И (*тихо*). Как ты смотришь...

К Р И С (*закрывает лицо руками, потом резко выпрямляется*). Мне пора идти, Хари, и если уж ты так хочешь, пойдём со мной.

Х А Р И. Хорошо.

К Р И С (*вынимает из шкафа два разноцветных комбинезона*). Почему ты босиком?

Х А Р И (*неуверенно*). Не знаю... наверное, куда-нибудь закинула туфли...

К Р И С. Угу. В платье ты не сможешь это надеть, придётся тебе его снять.

Х А Р И. Комбинезон? А зачем? (*Пытается стянуть с себя платье; смущённо.*)

Крис... помоги, пожалуйста...

Крис рассматривает платье, видит, что на нем нет ни застёжек, ни молнии, ни пуговиц. Ножницами надрезает платье сверху.

ХАРИ (снимает платье через голову, надевает комбинезон). Полетим? И ты тоже?

Крис кивает и тоже влезает в комбинезон.

Они проходят по коридору к люку, из которого Крис вышел в начале.

КРИС (показывает Хари на люк). Забирайся.

ХАРИ. А ты?

КРИС. Я за тобой. Мне нужно будет закрыть за нами люк.

Хари залезает в люк.

КРИС. Тебе удобно там?

ГОЛОС ХАРИ (глухо). Да...

Крис захлопывает крышку люка, затягивает крепления.

Грохот ударов изнутри. Усиливающаяся вибрация стенок.

КРИС (в ужасе). Как... как это может?! (Почти не соображая, что делает, нажимает кнопку.)

Вспышка и грохот старта.

ГОЛОС ХАРИ (переходящий в жуткий, нечеловеческий вой). Крис! Крис!! Кри-и-и-ис!!!

Крис некоторое время стоит, как парализованный, затем, с трудом двигаясь, возвращается в свою комнату.

В комнате кто-то сидит в кресле. Крис замирает на пороге, потом видит, что это Снаут, листающий какие-то бумаги.

Входит, не глядя на Снаута.

СНАУТ (рассматривает Криса поверх спущенных на кончик носа очков). У тебя всё лицо обожжено.

КРИС. Да что ты говоришь?!

СНАУТ. Мазь в аптечке.

Крис явно собирается выругаться, но сдерживается, достаёт из аптечки мазь, смазывает лоб и щеки. Снаут внимательно наблюдает за ним. Крис садится во второе кресло, сняв с него белое надрезанное платье Хари.

СНАУТ. Ну что, поговорим?

Крис не отвечает.

СНАУТ. Были гости, а?

Крис по-прежнему молчит.

СНАУТ. И тебе удалось избавиться? Ну что ж, для начала неплохо. (Прикасается к своему лицу, и Крис только теперь обращает внимание, что оно всё в пятнах заживающих ожогов.) Ну, а разные там наркотики, яды – пробовал, а?

КРИС (ЗЛО). Знаешь что... или не валяй дурака, или уходи.

СНАУТ. Иногда волей-неволей приходится валять дурака. Не будешь же ты меня уверять, что не попробовал веревку или молоток? А чернильницей не бросался, как Лютер? О, да ты парень что надо. Голову разбить вообще не пытался, в комнате порядок. Значит, раз-два, запихнул в ракету, нажал кнопку – и привет?

КРИС. Я не хотел... запускать её... я даже не собирался держать её там долго... Но когда она изнутри чуть не разнесла ракету вдребезги... Я ведь только хотел добыть пару часов свободы, чтобы обсудить всё с тобой – теперь уже на равных правах...

СНАУТ. Что ж, пара часов у нас теперь есть и равные права тоже. (Усмехается.)

Считаешь меня свиньёй, да?

КРИС. Законченной свиньёй!

СНАУТ. Ну да. А ты поверил бы мне, если бы я сказал? Поверил бы хоть одному слову?

Крис молчит.

СНАУТ. С Гибаряном это случилось с первым. Он закрылся в своей комнате и не выходил. Догадываешься, что мы решили? Ясное дело – что он спятил. Кое-что он нам рассказал через дверь, но не всё. Может быть, ты даже догадываешься, почему не всё? Да, ты уже знаешь: каждому своё. Но он был настоящий ученый. Он требовал, чтобы мы дали ему шанс.

КРИС. Какой шанс?

СНАУТ. Ну, он пробовал это как-то классифицировать, что-то решить...

КРИС. Как долго это тянулось?

СНАУТ. С неделю. Мы думали, у него галлюцинации. Я давал ему барбитураты. Он брал, но не для себя. Экспериментировал...

КРИС. А вы?..

СНАУТ. Мы? На третий день решили проникнуть к нему, выломав дверь, если иначе не удастся. Мы честно хотели его вылечить... И нашли его в шкафу...

КРИС. Погоди, как же так? Ведь вы должны были слышать два голоса, а не один...

СНАУТ. Нет. Только его голос, а если даже и были непонятные звуки, то сам понимаешь, что мы всё приписывали этому...

КРИС. Мог всё-таки меня предупредить...

СНАУТ. Я пытался. Пойми, я не знал, кто это будет. Этого никто не знает, это нельзя предвидеть...

КРИС. Снаут... ты знаешь это... уже некоторое время... Та... то... что с ней будет?

СНАУТ. Ты хочешь спросить, вернётся ли?

КРИС. Да.

СНАУТ. Вернётся и не вернётся.

КРИС. Что ты хочешь этим сказать?

СНАУТ. Вернётся такой же, как в начале... первого визита. Просто не будет ничего знать... точнее, будет вести себя так, будто ты никогда не делал ничего, чтобы от неё избавиться... Если её не вынудит к этому ситуация, не будет агрессивной...

КРИС. Снаут... мы не можем позволить себе роскошь таиться друг от друга...

СНАУТ (*сухо*). Это не роскошь, Крис. Мне кажется, ты всё ещё не понял, или...

Хорошо! Ты – можешь рассказать, кто это был?

Пауза.

КРИС (*опустив голову*). Женщина, которая... погибла. Сделала себе... укол...

СНАУТ. Самоубийство?

КРИС. Да.

СНАУТ. И это всё?

Крис не отвечает.

СНАУТ. Не может быть, чтобы это было всё...

КРИС. Откуда ты знаешь?

Снаут пожимает плечами.

КРИС. Ну... мы поссорились... я сказал ей... знаешь, со зла... Собрал вещи и ушёл. Она дала мне понять... не сказала прямо, но если живешь с человеком вместе, то

это и не нужно... она только спросила, очень спокойно: «Ты понимаешь, что это значит?»... Я сделал вид, что не понимаю... я был уверен, что она побойтса сделать это... На другой день вспомнил, что дома остались яды. Она знала о них. Они были нужны, я принёс их из лаборатории и объяснил ей тогда, как они действуют... Я испугался и хотел пойти к ней, но потом подумал, что это будет выглядеть, будто я принял её слова всерьёз, и... не пошёл... Только на третий день... это не давало мне покоя... и... нашёл её уже закованной... (*Дальше — словно самому себе.*) Это снилось мне годами, я просыпался с криком, скорчившись так, как лежала она... Как будто во сне я пытался сделать то же, что она, или выпросить прощение, или быть с ней вместе в те минуты, когда она уже почувствовала действие яда... Она всегда боялась даже царапины — и вот теперь сделала это, оставив мне пять слов на открытке. Открытка и сейчас со мной, затёртая... открытка... я всё время возвращаюсь к тому моменту, когда она её писала, к тому, что она тогда чувствовала...

СНАУТ. То есть ты улетел от самоубийства и прилетел к самоубийству?

КРИС (*словно вспомнив о существовании Снаута*). Нет! Я улетел от убийства и прилетел к убийству! Я убил её дважды...

СНАУТ. Ах ты, святая невинность!

КРИС. Почему ты так?..

СНАУТ. Потому что эта история трагична... Нет, погоди! Ты всё ещё ничего не понимаешь. Конечно, ты можешь мучиться, даже считать себя убийцей — но, поверь, это не самое страшное.

КРИС. Что ты говоришь!

СНАУТ. Да, представь себе. То, что случилось... да, страшно, но страшнее то, что... не случилось. Никогда.

КРИС. Не понимаю. Правда, ничего не понимаю.

СНАУТ. Нормальный человек... Что такое нормальный человек? Тот, кто никогда не сделал... и даже не подумал... ничего... ненормального? Но если в нём что-то мелькнуло десять... или тридцать... лет назад, и он защитился от этого, и забыл, и не боялся, зная, что никогда не совершал ничего такого. И вот представь себе, что вдруг, среди бела дня, среди других людей, встречаешь это «что-то» во плоти, прикованное к тебе, неистребимое... что это?

Крис молчит.

СНАУТ (*тихо*). Это Станция Солярис.

КРИС. Но... что это может быть? Ведь ни ты, ни Сарториус не убийцы...

СНАУТ (*нетерпеливо*). Но ты же психолог, Крис! Вот, у тебя это — женщина... Ну, а если в подсознании... даже не человек, а какое-то... мгновенное наваждение, которое потом отогнал? И вот теперь... каждую ночь, каждую минуту... оно рядом с тобой... Поэтому ты — можешь рассказать о твоём госте, как это ни тяжело. Я — не смогу никогда. Вот и всё.

КРИС. Вот и всё... Но... при чем здесь Станция?

СНАУТ (*сердито*). Ты что, притворяешься? Ведь я всё время говорю о Станции и ни о чём ином. Не моя вина, если это очень отличается от того, чего ты ожидал. Впрочем, все мы так. Мы-то думали, что готовы ко всему — к борьбе, страданиям, смерти, и виделись себе — о!.. великолепными. А на самом деле... вот вам, вы этого хотели: контакт с Иным Разумом! И он показал нам — нас. Наши мерзость и позор!

КРИС. То есть ты считаешь, что это – Океан? Но зачем? Это же примитивная демонология. Дьявол захватил планету и подсовывает экипажу Станции любовниц! Неужели ты веришь в это?

СНАУТ. Этот дьявол не так уж глуп... Не торопись. Пока что ты испытал это в самой безобидной форме!..

КРИС. А-а. Дьявол, стало быть, сжалился надо мной?

СНАУТ. Чего ты, собственно, хочешь? Чтобы я рассказал тебе, какие планы строит против нас Океан? Да, может, никаких! Я знаю наверняка одно: началось это через девять дней после эксперимента с рентгеном. Может быть, Океан ответил на излучение каким-то своим излучением... прозондировал им наши мозги и извлёк из них какие-то изолированные островки психики.

КРИС. Островки?

СНАУТ. Ну да, оторванные от всех остальных, замкнутые на себя... такие очажки памяти... Он, видимо, воспринял их как рецепт... план какой-то конструкции... Но для чего? (*Пожимает плечами.*) Уж точно не для того, чтобы нас уничтожить. Это он мог бы сделать гораздо проще. Ты ведь знаешь, почему полное название Станции – Солярис-IV?

КРИС. Я помню историю Станции. Три предыдущих погибли...

СНАУТ. Семьдесят девять человек вместе со Станцией рухнули в Океан с высоты пятисот километров и были поглощены в несколько секунд... Это был первый экипаж и первая катастрофа такого масштаба... Причина неизвестна.

КРИС. Была выведена на орбиту вторая Станция, но её вскоре нашли пустой и с открытыми люками – экипаж исчез.

СНАУТ. Считается, что они одновременно сошли с ума и выбросились в люки, оставив их открытыми. Внутри станции от ядовитой атмосферы Соляриса всё было корродировано.

КРИС. Тогда вывели третью... Их гибель была самой страшной...

СНАУТ. Да... У них вдруг, по непонятной причине, отказали все системы жизнеобеспечения... Официальная версия: смерть от обезвоживания. Но на самом деле... человек должен не только поглощать, но и выделять... они задохнулись в собственных экскрементах...

КРИС. И вот – четвертая...

СНАУТ. Почему-то вдруг все решили, что эпоха героической борьбы и ужасных смертей кончилась заодно с эпохой огромных дорогостоящих экипажей.

КРИС. Океан давно не проявляет агрессивных намерений...

СНАУТ. Не проявлял... А ведь он может, собственно говоря, всё. Скажем, он мог бы и нам внушить желание броситься в люки...

КРИС. Но, может, они, со второй, потому и бросились, что гости...

СНАУТ. Исключено. Вспомни, это произошло в первый же день, когда они высадились на Станции. Да и вообще, я же тебе сказал: гости стали появляться после эксперимента Гибаряна.

КРИС. То есть результат достигнут, но не тот, которого ждали?

СНАУТ. Как всегда!.. А еще он мог бы заменить нас нашими двойниками...

КРИС. А! Поэтому ты так испугался в первый...

СНАУТ. Да. А откуда ты знаешь, что я и вправду тот самый Хорек, который прилетел сюда два года назад... (*Смеётся.*) Да шучу я! И без того достаточно...

КРИС. Юмор у тебя...

СНАУТ. На самом деле проверить, не двойник ли, легко: нас можно убить.

КРИС. А их нет?

СНАУТ (*серьёзно*). Не советую пробовать. Жуткое зрелище!

КРИС. Ничем?

СНАУТ. Во всяком случае, ни ядом, ни ножом, ни веревкой...

КРИС. Лазером?

СНАУТ. Ты бы попробовал?

КРИС. Не знаю... Если бы быть уверенным, что это не люди...

СНАУТ. То есть ты... всё-таки... воспринимал её как человека?

КРИС. Я почти наверняка знал, что это не... Хари... и был почти уверен, что сама она об этом не знает. Ведь она считала себя Хари...

СНАУТ. В том-то и дело. Субъективно они люди. Они совершенно не отдают себе отчёта в своем... происхождении.

КРИС. Ну и... как это происходит?

СНАУТ. Регенерируют с необыкновенной скоростью. С невозможной скоростью, прямо на глазах, говорю тебе, и снова начинают поступать так... как...

КРИС. Как что?

СНАУТ. Как наше представление о них, те записи в памяти, по которым...

КРИС. А Гибарян знал всё это?

СНАУТ. Наверняка.

КРИС. А Сарториус?

СНАУТ. Сарториус... В такой ситуации каждый держится как может. Он старается быть нормальным — у него это значит быть официальным.

КРИС. Ну, знаешь!

СНАУТ. Это так. Я был однажды с ним в переплёте... нас было восемь человек на краю гибели... Один за другим бросали мы повседневные дела, под конец все ходили бородатые, немытые... Он один как ни в чём не бывало брился, чистил ботинки... такой уж это человек. Он и перед Страшным Судом побреется... И, конечно, то, что он сделает сейчас, будет фарсом или преступлением.

КРИС. Преступлением?

СНАУТ. Хорошо, не преступлением. Давай придумаем новый термин. Например, «ракетный развод». Лучше звучит?

КРИС. Очень смешно!

СНАУТ. А что, лучше плакать? Ладно, давай серьёзно. Ты знаешь теперь примерно столько же, сколько я. У тебя есть какой-нибудь план?

КРИС. План?! Я не знаю, что делать, когда она... снова появится. Ведь появится?

СНАУТ. Да. Они приходят, когда просыпаешься, а спать-то хоть изредка надо.

(*Встаёт.*)

КРИС (*тоже встаёт*). Послушай, Снаут... Речь идет о ликвидации Станции, так? Ты хочешь, чтобы это исходило от меня?

СНАУТ. Это не так просто. Конечно, мы можем послать сигнал бедствия. Решат, разумеется, что мы коллективно свихнулись... как второй экипаж. Отправят в какой-нибудь санаторий... (*Мечтательно.*) Не самый плохой выход. Сад, тишина, белые палаты, прогулки с санитарями...

КРИС. Значит, хочешь сбежать? Или ещё нет?

СНАУТ (*усмехнувшись*). Непреклонный покоритель... не распробовал ещё как следует, а то бы... Дело не в том, кто чего хочет, а в том, что возможно.

КРИС. И что же это?

СНАУТ. Хотел бы я это знать!

КРИС. Значит, остаёмся?

СНАУТ. Может, это окупится. (*Собирает свои бумаги.*) Мы о нём не узнаем, пожалуй, ничего, но, может, он о нас... (*Выходит.*)

Крис смотрит в окно на Океан. Достает из кармана магнитофон, вертит в руках, кладёт на стол.

Темнеет.

III

Шелест и слабый скрип открывающейся двери.

ГОЛОС ХАРИ (*тихо, почти шёпотом*). Крис... Ты здесь, Крис? Здесь так темно...

КРИС. Это ничего. Не бойся. Иди сюда...

ХАРИ. Ты спал? Видел плохой сон, да?

КРИС. Почему ты так думаешь?

ХАРИ. У тебя голос дрожит...

КРИС. Да... сон... будто что-то возносилось надо мной... всё выше... я становился всё меньше... закрыл руками лицо, но руки... прошли насквозь...

Светлеет. Лиловый Океан за окном.

ХАРИ (*приглушенно*). Почему ты так смотришь?

КРИС. Я...

ХАРИ. Разве уже утро?... Только что было темно...

КРИС. Здесь всегда так... малыш...

ХАРИ. А мы?

КРИС. Что мы?

ХАРИ. Долго здесь будем?

КРИС (*со смешком, больше похожим на всхлип*). Думаю, что долго. Ты против?

ХАРИ. Почему ты так смотришь?

КРИС. Ты очень красивая.

ХАРИ (*улыбается*). Правда? Ты смотришь, как будто... как будто...

КРИС. Что?

ХАРИ. Как будто чего-то ищешь.

КРИС. Не выдумывай.

ХАРИ. Нет, правда... как будто думаешь, что со мной что-то случилось... или я тебе чего-то не рассказала.

КРИС. Откуда ты это взяла?

ХАРИ. Раз уж ты так отпираешься, то наверняка. Ладно, как хочешь. Что будем делать?

КРИС. То, что делают утром: завтракать.

ХАРИ. Крис?

КРИС. Что?

ХАРИ. Нет, ничего... только знаешь...

КРИС. Да?

ХАРИ. Когда я (не) вижу тебя, мне (не) так... страшно...

*Крис, не отвечая, открывает консервы, наливает кофе в чашки.
Хари смотрит на него.*

КРИС. Завтрак готов! (*Ест.*) Почему ты не ешь?

ХАРИ. Не хочется.

КРИС. Выпей хотя бы кофе.

ХАРИ. Хорошо. (*Берёт чашку, подносит ко рту.*)

Стук в дверь.

КРИС (*приоткрывает дверь, видит Снаута*). А, это ты.

СНАУТ (*не входя, хрипло*). Да, это я. У тебя гость, а?

КРИС. Да.

СНАУТ. И ты занят?

КРИС. Завтракаю, с твоего разрешения. А что? Хочешь сыграть партию в шахматы?

СНАУТ. Перестань, Крис. Можно... войти?

КРИС. Можно. Входи.

СНАУТ (*входит, видит Хари, бросает быстрый взгляд на Криса*). Э... представь меня, Крис...

КРИС. Да-да... Хари, это доктор Снаут. Доктор Снаут, это... моя жена.

СНАУТ. Счастлив познакомиться. Я... малозаметный член экипажа и поэтому до сих пор... не имел случая...

Хари, усмехнувшись, подаёт ему руку, которую Снаут пожмимает, глядя на неё во все глаза. Крис берёт его за плечо и легонько встряхивает.

СНАУТ (*обращаясь к Хари*). Извините... я хотел бы поговорить с Крисом...

КРИС. Да, конечно. Хари, дорогая, не обращай на нас внимания. Нам надо обсудить наши скучные дела...

Они отходят в сторону. Хари садится в кресло, в котором до этого сидел Крис, но передвигает его так, чтобы видеть их.

КРИС (*тихо*). Ну что?..

СНАУТ (*так же*). Развёлся!

Крис хмыкает.

СНАУТ. А ты как?

КРИС. Сносно. А ты?

СНАУТ. Думаю, немного хуже, чем ты. Со вчерашнего дня я пережил пару лет, Крис... Сносно, значит?

КРИС. Значит. О чём ты хотел?..

СНАУТ. Крис, Сарториус хочет с нами увидеться.

КРИС. Вот это да! Он что, тоже... развёлся?

СНАУТ. Нет. Пока нет. Я неточно выразился. Он хочет поговорить с нами. Но не будет выходить... ты придешь ко мне, а он... сверху...

КРИС. Через окошко?

СНАУТ. Ну да. Мы будем прекрасно слышать друг друга.

КРИС. Хорошо. Мы придём через несколько минут.

СНАУТ. «Мы»? А, ну да, конечно. Значит, жду... вас. (*Кланяется Хари, выходит.*)

ХАРИ. Крис!

КРИС. Что, дорогая?

ХАРИ. Кто это был?

КРИС. Я же вас только что познакомил. Доктор Снаут, кибернетик.

ХАРИ. Что он за человек?

КРИС. Я... не очень хорошо его знаю. Почему ты спрашиваешь?

ХАРИ. Он так на меня смотрел...

КРИС. Наверное, ты ему понравилась.

ХАРИ. Нет. Это был не такой взгляд. Смотрел на меня так... как будто...

(Вздрагивает.)

КРИС. Ну, в любом случае, мне сейчас надо идти к нему. У нас что-то вроде совещания. Ты... составишь мне компанию?

ХАРИ. Ага.

Идут по коридору, мимо двери с табличкой «Д-р Гибарян».

ХАРИ. А здесь кто?

КРИС. Здесь... Гибарян... был... с ним случилось несчастье... он умер.

ХАРИ. О! Отчего?

КРИС. Потом расскажу... это... долгая история...

Входят в помещение, где Крис встретил Снаута. За окном по-прежнему красно-жёлтый Океан. Кресла на сей раз надуты все.

СНАУТ *(радушно)*. Располагайтесь, прошу вас.

Хари и Крис садятся. Снаут остаётся стоять. Вверху открывается окно в металлической двери, и показывается Сарториус – как в первый раз.

САРТОРИУС. Приветствую вас, коллеги!

КРИС. Моё почтение, доктор Сарториус.

СНАУТ. Привет.

САРТОРИУС. Мне хотелось обсудить с коллегами некоторые соображения, связанные с... э... фантомами...

СНАУТ. Назовём их существами F!

САРТОРИУС. А, превосходно. Итак, каждый из нас имел возможность наблюдать их и даже проводить разнообразные исследования. Предлагаю сначала обменяться нашими сведениями, а затем я мог бы сообщить то, что установил лично... Может быть, вы начнете, доктор Кельвин?

КРИС. Я?... Хорошо. Я, собственно, не так уж много увидел и понял, но... У меня сложилось впечатление, что всё... как будто в норме, но это... маска... в каком-то смысле воспроизведение более чёткое, чем оригинал...

Хари, подавшись вперед, напряжённо слушает.

САРТОРИУС. Одну минуту. Что вы хотите этим сказать?

КРИС. Я... убедился в сверхчеловеческой силе гостя...

СНАУТ. Крис!

КРИС. ...существа F... и доктор Снаут говорил мне о невероятно быстрой... регенерации, так? Поэтому я предполагаю, что внутренняя структура существ F иная, чем у... нас.

САРТОРИУС. Как вы это себе представляете?

КРИС. Не знаю. Возможно, действует какое-то силовое поле. Я не физик и не разбираюсь в этом... Во всяком случае, если всё так, как я говорю, то настоящий механизм, ответственный за функционирование гостя...

СНАУТ. Крис!

КРИС. ...скрыт в... существе F... где-то глубоко...

СНАУТ. Что-то в этом есть. Это хорошо объясняет их необыкновенную сопротивляемость. И темп регенерации...

САРТОРИУС. Коллеги, прошу слова!

КРИС (*негромко, Снауту*). Он что, думает, что он на заседании учёного совета?

СНАУТ (*так же*). Я тебе говорил. Уж такой он человек.

САРТОРИУС. Мне бы хотелось коснуться мотивировки появления существ F.

Зададимся вопросом: чем, собственно, они являются? Это не люди и даже не копии определённых людей, но скорее материализованные проекции того, что относительно данного человека содержит наш мозг.

КРИС. Это верно. Это объясняет, почему эти лю... существа такие, а не иные. Были выбраны самые прочные сгустки памяти... но ни один такой сгусток не может быть полностью обособлен, и в ходе его копирования захватывались другие, рядом.

Поэтому у пришельца больше знаний, чем у... того, чьей копией он должен быть...

САРТОРИУС. Да-да. Так вот, что касается мотивировки появления существ F. До определённой границы они ведут себя так, как вели бы себя... поступали бы... э-э...

СНАУТ. Оригиналы.

САРТОРИУС. Да, вот именно, оригиналы. Но когда ситуация превышает возможности среднего... э... оригинала, наступает как бы «выключение сознания» существа F... и проявляются иные действия, нечеловеческие...

КРИС. Это опять-таки верно – но мы просто составляем каталог их поведения. Это совершенно бесплодно.

САРТОРИУС. Не могу с вами согласиться, доктор Кельвин. Тут в игру входит вопрос индивидуальности. Океан полностью лишён такого понятия. Мне кажется, коллеги, что эта – для нас наиболее шокирующая – сторона эксперимента целиком ускользает от него, как находящаяся за границей его понимания.

КРИС. То есть, по-вашему, это не преднамеренно?

САРТОРИУС. Именно так. Я не верю ни в какое коварство, злорадство, желание уязвить наиболее чувствительным образом, как это делает коллега Снаут.

СНАУТ. Я вовсе не приписываю ему человеческих чувств. Но, может, ты скажешь, как объяснить эти постоянные возвращения?

САРТОРИУС. В нормальных условиях, коллеги, я считал бы, что делать даже предварительное сообщение преждевременно, но, учитывая специфическую ситуацию, сделаю исключение. У меня сложилось впечатление, что в предположении доктора Кельвина о конструкции существ F кроется истина. Здесь появляется определённый шанс, ибо уничтожение того силового поля, которое придаёт существу F устойчивость... (*Душераздирающий крик.*) Прочь! Про-о-очь!..

Окно захлопывается. Пауза.

СНАУТ. Ну что, на сегодня хватит с нас, а?

КРИС. Думаю, да.

СНАУТ. Слушай, если не возражаешь, я зайду к тебе завтра, ладно?

КРИС. Договорились. (*К Хари.*) Идём, дорогая!

Уходят. Снаут смотрит им вслед.

IV

Темнота. Внезапно вспыхивает свет.

Хари сидит, съёжившись, с лицом, закрытым волосами. Беззвучно плачет.

КРИС (*просыпаясь*). Хари! Что с тобой?.. Хари... (*Обнимает её.*)

Хари отталкивает его локтем.

КРИС. Любимая...

ХАРИ. Не говори так!

КРИС. Ну, Хари, что случилось? (*Берёт её за подбородок, поднимает ей лицо – мокрое, распухшее. Большие детские слёзы катятся по щекам.*)

ХАРИ. Ты не любишь меня.

КРИС. Что это тебе пришло в голову?

ХАРИ. Я слышала.

КРИС. Что?! Что слышала?! Ты не поняла, это был только...

ХАРИ. Нет, нет. Ты говорил, что это не я. Чтобы уходила, уходила. Ушла бы, но не могу. Я не знаю, что это. Хотела – и не могу!! Я такая... такая... мерзкая!

КРИС. Малыш!!! (*Прижимает её к себе, целует руки, вытирает слёзы.*) Прости, прости, малыш, это был просто сон, клянусь тебе, сон, дурацкий, отвратительный сон!!

ХАРИ. Нет, не говори так, не нужно. Ты теперь не такой...

КРИС (*со стоном*). Я не такой!!

ХАРИ. Да. Не... любишь меня. Я всё время чувствую это, всё время. Притворялась, что не замечаю. Думала, может, мне кажется... Нет. Ты ведёшь себя... иначе. Не принимаешь меня всерьёз... Это был сон, да, но снилась-то тебе я. Ты называл меня по имени. Я тебе противна. Почему?... почему?!

КРИС (*обнимает её*). Малыш...

ХАРИ. Не хочу, чтобы ты так говорил. Не хочу, слышишь?! Никакой я не малыш! Я... (*Снова плачет, отвернувшись от него.*)

КРИС. Хари, послушай. Я тебе что-то скажу. Скажу тебе правду...

ХАРИ (*смотрит на него*). Правду? Святое слово? (*Пауза.*) Ты помнишь? Это наша клятва...

КРИС. Святое слово... я помню... Хари... ты в самом деле... изменилась... мы все меняемся... но я не это хотел... Действительно, похоже, что ты не можешь... быть... без меня... а почему так – пока непонятно. Но это хорошо, ведь я тоже не могу без тебя...

ХАРИ. Крис! (*Гладит его по лицу.*) Нет. Ты не изменился. Это я. Что со мной? Что со мной происходит? Может, я... схожу с ума? У меня такие... странные мысли. Не знаю, откуда они берутся. Они... как бред...

КРИС. Например?

ХАРИ. Всё как-то так... словно не только во мне, но гораздо... дальше... не знаю, как сказать. Для этого нет слов...

КРИС. Это, наверное, сны. (*Пауза.*) Давай попробуем заснуть. Хорошо? (*Выключает свет.*)

ХАРИ. Крис, я не сплю, я, кажется, никогда не сплю. Я просто лежу и думаю, и, знаешь...

КРИС. Что?

ХАРИ. Люблю тебя.

V

Утро. Лиловый Океан за окном.

Крис, беспокойно ворочаясь, спит. Хари, сидя в кресле, неотрывно смотрит на него.

Стук в дверь.

КРИС (*вскакивает*). А? Кто?!

ГОЛОС СНАУТА. Это я. Можно?

КРИС. А... сейчас... (*Набрасывает халат.*) Входи!

СНАУТ (*входит, кланяется Хари, не отвечающей на его приветствие, подходит вплотную к Крису, негромко*). Крис, с Сарториусом сейчас нет связи, но... я пришел к тебе, потому что он, кажется, нашёл путь... вот. Он вчера не успел сказать, но я в общих чертах в курсе... Во-первых, то, что делал Гибарян, помнишь? Жёсткое рентгеновское излучение, мы всадили в океан всё, что имели, всю мощность...

КРИС. Я говорил тебе, это нарушение запрета ООН. У вас могут быть очень серьезные неприятности.

СНАУТ. Крис... не прикидывайся. Теперь-то какая разница? Гибаряна нет в живых.

КРИС. Ага. Сарториус хочет всё свалить на него?

СНАУТ. Не знаю. Не говорил с ним об этом. Это сейчас неважно.

КРИС. А что важно? Вы хотели разбудить Океан – вы его разбудили, так?

СНАУТ. Так! Но Сарториус считает, что теперь есть возможность следующего шага! Фантом появляется всегда в момент пробуждения – значит, Океан выуживает из нас рецепт во время сна. То есть для него самое важное наше состояние – сон, когда мы, с его точки зрения, наиболее правдивы... Так вот, Сарториус хочет передать ему наши мысли наяву, понимаешь?

КРИС. Каким образом? Почтой?

СНАУТ. Острий будешь потом. Мы снова попробуем излучение – но теперь промодулируем его биотоками мозга кого-то из нас.

КРИС. Ага. И этот кто-то – я. Так?

СНАУТ. Да. Как тебе эта идея?

КРИС. Благодарю за доверие, конечно...

Пауза. Снаут поворачивает голову, смотрит на неподвижно сидящую Хари и снова в упор на Крису.

КРИС. ...но эти лучевые проповеди о величии человека, как по мне, просто маразм. Ты же и сам так думаешь, верно?

СНАУТ (*улыбается*). Верно. Но есть ещё один проект. Аннигилятор. Сарториус уже сделал предварительные расчёты. Это реально. И даже не требует большой мощности...

КРИС. Подожди! Как ты себе это представляешь?

СНАУТ. Очень просто. Обычная материя остаётся без изменений. Уничтожению подвергаются только... существа F! Понимаешь? Итак, первый проект «Мысль» отбрасываем и берёмся за второй. Назовём его «Свобода».

КРИС (*медленно*). Я бы назвал его точнее – «Бойня»...

СНАУТ. Сам был мясником. Скажешь, нет? А теперь это будет нечто иное. Ни «гостей», ни «разводов». Уже в момент начала материализации начнётся распад...

КРИС. Ты не понял. Я говорю не о моральной щепетильности, а об инстинкте самосохранения. Извини, Снаут, но мне как-то пока не хочется умирать.

СНАУТ. Что?!

КРИС. Я тоже думал об этом, и я не верю, что это безопасно. Уж если Океан сделал

то, что сделал, то наверняка применил оптимальный метод. Чтобы фантом существовал стабильно, нужна колоссальная энергия. Так что если такая структура распадется и эта энергия высвободится, то это может быть... как взрыв небольшого ядерного заряда! Отличное завершение истории Станции, а? Очень в человеческом духе! Как ты там говорил? Мерзость и позор, так?

СНАУТ. Но как же?... ведь Сарториус должен был принять во внимание...

КРИС. Не обязательно. Ты вот подумал об этом? Нет. А уж он-то... ты сам говорил: то, что Сарториус сделает, будет преступлением.

СНАУТ. Я не то имел в виду!

КРИС. Неважно. Похоже, что ты был прав.

СНАУТ (*убито*). Надо сказать об этом Сарториусу.

КРИС. Как хочешь. Он тебе ответит, что я не физик, и это правда. Но это тема для дискуссии. Меня не устраивает дискуссия, в результате которой я могу испариться к вящей славе Сарториуса. Тебя я могу попробовать убедить, его – и пробовать не стану.

СНАУТ. И что же ты собираешься делать? Он работает над этим.

КРИС. То, что делает человек, которого хотят убить: защищаться.

СНАУТ. А может, он предусмотрел какие-нибудь меры предосторожности?

(*Пауза.*) Слушай, а если всё-таки... первый проект, а? Это хоть какой-то шанс.

КРИС. Ты в это веришь?

СНАУТ. Нет. Но... чему это повредит? Всё-таки это движение вперед, пусть даже мнимое. Иначе останется только позавидовать Гибаряну.

КРИС. Я подумаю.

СНАУТ. Ну, я пошёл... (*Выходит, не прощаясь с Хари.*)

VI

Темнота.

КРИС. Хари?... Где ты?...

Тяжёлые шаги. Становится смутно видно, что Крис сидит в кресле спиной к зрителю, так что видны только его руки и верхушка головы, а перед ним на экране – кадры из фильма «Солярис» с Гибаряном.

КРИС (*спокойно*). Гибарян?

ГИБАРЯН. Да, это я. Не зажигай свет. Так будет лучше для нас обоих.

КРИС. Но тебя же нет в живых?

ГИБАРЯН. Это ничего. Ты ведь узнаёшь меня?

КРИС. Да. Зачем ты это сделал?

ГИБАРЯН. Так надо было. Ты опоздал на день. Если бы прилетел раньше, может быть, это и не понадобилось бы. Но не упрекай себя. Мне не так уж плохо.

КРИС. Ты правда здесь?

ГИБАРЯН. А, думаешь, я снюсь тебе, как думал о Хари?

КРИС. Где она?

ГИБАРЯН. Предположим, я здесь вместо неё.

КРИС. Но я хочу, чтобы она тоже была.

ГИБАРЯН. Это невозможно.

КРИС. Почему? Слушай, ты ведь знаешь, что на самом деле это не ты, это только я.

ГИБАРЯН. Нет. Это действительно я. Можно сказать иначе: это ещё один я. Но не

будем тратить слов.

КРИС. Ты уйдёшь?

ГИБАРЯН. Да.

КРИС. И тогда она вернется?

ГИБАРЯН. Ты этого хочешь? Кто она для тебя?

КРИС. Это моё дело.

ГИБАРЯН. Ты ведь её боишься...

КРИС. Нет.

ГИБАРЯН. Да. И тебе противно...

КРИС. Чего ты хочешь от меня?

ГИБАРЯН. Ты должен жалеть себя, а не её. Ей всегда будет двадцать лет. Не притворяйся, что не знаешь этого!

КРИС. Чего ты хочешь?

ГИБАРЯН. Сарториус убедил Снаута, что ты его обманул. Теперь они обманут тебя. Под видом монтажа рентгеновского излучателя они собирают аннигилятор.

КРИС. Где она?

ГИБАРЯН. Ты что, не слышал, что я тебе сказал? Я предупредил тебя!

КРИС. Где она?!

ГИБАРЯН. Не знаю. Запомни: тебе понадобится оружие. Ты ни на кого не можешь рассчитывать.

КРИС. Могу рассчитывать на Хари.

ГИБАРЯН. Да, до определённого предела. В конце концов всегда можешь сделать то же, что я.

КРИС. Ты не Гибарян.

ГИБАРЯН. Да? А кто? Твой сон?

КРИС. Нет. Ты их кукла. Но сам об этом не знаешь.

ГИБАРЯН. А откуда ты знаешь, кто ТЫ?..

Свет. Экран гаснет. Крис мечется, просыпаясь.

ГОЛОС ГИБАРЯНА. «...преследуем сами себя. Океан каким-то образом селективно усилил наши мысли. Поиски мотивировки этого являются антропоморфизмом. Там, где нет человека, нет и доступных человеку мотивов. Нам нужно либо уничтожить собственные мысли, либо их материализацию. Первое не в наших силах. Второе слишком похоже на убийство...».

КРИС. Гибарян?..

Голос обрывается.

КРИС (*потягиваясь в кресле*). Ну, что же ты, Гибарян? Так преследовать из одного сна в другой, знаешь...

ХАРИ. Крис... это я...

КРИС. Это ты, Хари... а Гибарян?

ХАРИ. Крис... Крис... но ведь он... ты сам сказал, он умер...

КРИС. Во сне может жить... Он что-то говорил. Был здесь... И как будто... Постой! Ты случайно не видела на столе видеоманитофон? Маленький такой...

ХАРИ. Там лежали разные вещи. Я всё положила вон туда, на полку.

Крис встаёт и ищет на полке. Хари отрешённо смотрит на него.

КРИС. Хари, магнитофона здесь нет.

ХАРИ. Ничего более важного не хочешь мне сообщить?

КРИС. Извини. Ты права, это глупость... Что с тобой? Ты плачешь?

ХАРИ. Это... не настоящие слезы... *(Подходит к нему и трогает за руку.)*

КРИС. Что?

ХАРИ. Крис, как у нас?

КРИС. Как нельзя лучше.

ХАРИ. Я хочу поговорить с тобой.

КРИС. Слушаю.

ХАРИ. Но не так.

КРИС. А как? Знаешь, я не выспался, голова трещит... масса работы...

ХАРИ. Немного желания, Крис.

КРИС. Да, дорогая. Говори.

ХАРИ. А ты скажешь мне правду?

КРИС. Зачем же мне врать?

ХАРИ. Может быть, у тебя есть причины. Серьёзные. Но если хочешь, чтобы... ну, знаешь... то не обманывай меня. Я тебе что-то скажу, и ты мне скажешь. Ладно? Это будет правда. Несмотря ни на что... Я тебе уже говорила, что не знаю, откуда здесь взялась. Но, может, ты знаешь? погоди, я не закончила. Возможно, и ты не знаешь. Но если знаешь, только не можешь мне сказать сейчас, то, может быть, когда-нибудь потом? Во всяком случае, дашь мне шанс.

КРИС *(запинаясь)*. Малыш, что ты говоришь?.. какой шанс?.. я...

ХАРИ. Крис, кто бы я ни была, я наверняка не ребенок. Ты обещал. Скажи.

Крис ошеломленно смотрит на неё.

ХАРИ. Я ведь сказала: если не можешь... хотя бы скажи, что не можешь...

КРИС *(хрипло)*. Я ничего не скрываю.

ХАРИ. Это хорошо. *(Отходит к окну.)*

КРИС. Хари...

Пауза. Хари стоит у окна, глядя на красно-лиловый Океан.

КРИС. Хари, если ты думаешь, что... Хари, ведь ты знаешь, я... люблю тебя...

ХАРИ. Меня?

Крис подходит к ней, пытается обнять.

ХАРИ *(отбрасывает его руку)*. Ты такой добрый... Любишь меня? Лучше бы ты меня бил!

КРИС. Хари!..

ХАРИ. Нет. Нет. Молчи уж лучше. *(После паузы, шёпотом.)* Ты ни в чём не виноват, Крис. Я знаю. Не мучайся.

КРИС. Хари...

Пауза.

ХАРИ *(подняв стопку тарелок)*. Жаль, что они небьющиеся. Разбила бы их, все разбила бы! *(Пауза.)* Не бойся, не буду устраивать тебе сцен...

VII

Тьма. Нарастающее шипение. Протяжный хрип.

Освещаются лица Криса и Хари. Клубы пара.

Лицо Хари перекошено, рот в крови, глаза закрыты. Хрип.

КРИС *(шёпотом)*. Хари...

Хари приоткрывает закатившиеся глаза, смотрит невидящим взглядом, снова

закрывает.

КРИС. Хари... зачем ты... это... сделала... опять...

ХАРИ (со стоном). Крис... как... как долго, Крис?... (Хрип, конвульсии.)

Крис смотрит на неё, не в силах пошевелиться.

Хрип прекращается. Хари снова открывает глаза. Смотрит на него в упор.

Страшная тишина. Слышно, как капает вода из неплотно закрытого крана.

Становится немного светлее. Хари, до этого лежавшая, приподнимается на локте. Садится. Крис пятится от неё.

ХАРИ. Что, что?... Не... удалось? Почему?... Почему так смотришь?... (Неожиданно — страшный крик.) Почему так смотришь?! (Молчание. Смотрит на свои руки.

Шевелит пальцами.) Это... я?..

КРИС (беззвучно, одними губами). Хари...

ХАРИ. Хари?... (Медленно встаёт. Пошатнувшись, делает несколько шагов, словно в трансе.) Хари? Но... я... не... Хари. А кто — я? Хари? А ты, ты?! (Вдруг её лицо оживает от радостного недоумения.) Может быть, ты тоже? Крис! Может, ты тоже?!

Крис молчит, прижавшись спиной к стене.

ХАРИ. Нет. Нет, ты боишься... Слушай, я больше не могу. Так нельзя. Я сейчас... я больше ничего не понимаю. Ведь это невозможно? Я... ничего не знаю, кроме... кроме Хари! Может, ты думаешь, что я притворяюсь? Я не притворяюсь, святое слово, не притворяюсь!!

Последние слова переходят в стон. Она падает на пол и раздражается рыданиями.

Крис, словно очнувшись, бросается к ней, хватая за плечи.

ХАРИ (отталкивает его). Пусти! Пусти! Тебе противно! Знаю! Не хочу так! Не могу! Ты сам видишь, сам видишь, что это не я, не я, не я!..

КРИС (кричит, тряся её). Молчи!!

Они оба кричат, не сознавая этого, стоя друг перед другом на коленях. Тяжело дыша, замирают. Крис изо всех сил прижимает её к себе. Вода продолжает мерно капать.

ХАРИ. Крис... Скажи, что мне сделать, чтобы меня не было, Крис...

КРИС. Перестань!

ХАРИ (поднимает лицо, всматриваясь в него). Как?... Ты тоже не знаешь? Ничего нельзя придумать? Ничего?

КРИС. Хари... сжался...

ХАРИ. Я хотела... я знала... Нет. Нет. Пусти. Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. Тебе противно. Если бы я могла... если бы могла...

КРИС. Убила бы себя?

ХАРИ. Да.

КРИС. А я не хочу, понимаешь? Не хочу этого. Хочу, чтобы ты была здесь, со мной, и ничего другого мне не нужно!

ХАРИ (совсем тихо). Как ты лжёшь...

Крис отпускает её и встает с колен. Хари остается сидеть на полу.

КРИС. Скажи, что мне сделать, чтобы ты поверила, что я говорю то, что думаю? Что это правда. Что другой нет.

ХАРИ. Это не может быть правдой. Я не Хари.

КРИС. А кто же ты?

Х А Р И (*опустив голову, долго молчит; наконец, шепчет*). Хари... но... но я знаю, что это неправда. Ты не меня... любил... там, раньше...

К Р И С. Да. Того, что было, нет. Это умерло. Но здесь люблю тебя. Понимаешь?

Х А Р И (*отрицательно качает головой*). Ты добрый. Не думай, пожалуйста, что я не могу оценить всего, что ты делал. Но здесь ничем не поможешь. Когда три дня назад... три, да? мне кажется, это было очень-очень давно... я пришла... я... не знала ничего. Вела себя так, будто была не в своем уме. В голове был какой-то туман. Не понимала, что было раньше, что позже, и ничему не удивлялась, как после наркоза. Думала, что я болела, только ты не хочешь об этом говорить. Но потом всё больше мелочей заставляло меня... задумываться. Какие-то проблески появились после вашего разговора втроём. Но ты не хотел мне ничего говорить, тогда я встала ночью и включила магнитофон. Соврала тебе один-единственный раз, я его спрятала потом, Крис. Тот, кто говорил, как его?..

К Р И С. Гибарян.

Х А Р И. Да, Гибарян. Тогда я поняла всё, хотя теперь ничего уже не понимаю. Не знала, что я не могу... я не... это так и будет... без конца. Об этом он ничего не говорил. А может, и говорил, но ты проснулся, и я выключила магнитофон. Но и так услышала достаточно, чтобы понять, что я не человек, а только инструмент.

К Р И С. Что ты говоришь?

Х А Р И. Да. Для изучения твоих реакций или что-то в этом роде. У каждого из вас есть... такое... как я. Это основано на воспоминаниях... или фантазии...

подавленной... или... Да ты это знаешь лучше меня. Он говорил страшные, страшные вещи, и, если бы всё так не совпадало, я бы не поверила!

К Р И С. Что совпадало?

Х А Р И. Ну, что мне не нужен сон... и еда... и что я всё время должна видеть... тебя... Позавчера утром я ещё думала, что ты меня ненавидишь, и была несчастна. Какая же я была глупая! Но скажи, сам скажи...

К Р И С. Стоп!!

Освещение и звуковой фон меняются, и теперь становится понятно, что всё происходящее – киносъёмка. Крис и Хари выходят из ролей – теперь это Режиссёр и Актриса.

РЕЖИССЕР. Хуже нет – режиссировать и при этом самому играть... Вот скажи: что ты делаешь в этом эпизоде? И разве мы не договаривались: все эти длинные объяснения к чертям убираем? И вообще – идём от противного!..

АКТРИСА. Ты – ужасный человек, вот! Ужасный, другого слова не подобрать!

Р. Начинается... плач гетеры...

А. Если бы тебе надо было по ходу взорвать среди нас этот твой небольшой ядерный заряд, ты бы взорвал, не задумываясь! Потому что – если надо, значит, надо. Ведь так?

Р. Не так.

А. Как же ты лжёшь! Лжёшь, как дышишь! Какая ужасная твоя профессия...

Р. Не ужасней твоей... Ладно. Все к чертям свободны до завтра! Завтра в это же время доснимаем этот несчастный кусок!..

Р. монтирует отснятый материал. На экране прокручиваются куски фильма.

Х А Р И. ...Какая же я была глупая! Но скажи, сам скажи, разве я могла себе представить?! Ведь он совсем не ненавидел ту... свою... но как о ней говорил! Только тогда я поняла! Только тогда я поняла, что, как бы я ни поступала, что бы ни делала, для тебя это всё равно пытка. Нет, даже хуже, потому что орудия пытки..

Р., чертыхнувшись, запускает ускоренно.

Х А Р И.

...потому что орудия пытки не живые и безвинные как камень который может упасть и убить а чтобы орудие могло желать добра и любить...

Р. мотает головой, как лошадь, снова переключает.

Х А Р И. ...а чтобы орудие могло желать добра и любить, такого я не и представить себе не могла! Мне хотелось рассказать тебе хотя бы то, что во мне происходило тогда, когда смотрела эту запись... Может быть, это принесло бы тебе какую-то пользу. Я даже пробовала записать...

К Р И С. Поэтому ты и зажгла свет?

Х А Р И. Да. Но из этого ничего не вышло. Потому что я искала в себе... их... была совершенно сумасшедшей. Решила, что под кожей у меня нет тела, что во мне что-то... другое, что я только... снаружи... только оболочка... чтобы тебя обмануть.

Понимаешь?

К Р И С. Понимаю...

Р. Не то... не то... (Монтирует.)

Х А Р И. Под кожей у меня нет тела, что во мне что-то другое, что я только снаружи, только оболочка, чтобы тебя обмануть... Если вот так лежать часами в ночи, то мыслями можно уйти далеко, в очень странном направлении, знаешь...

К Р И С. Знаю...

Х А Р И. Но я же чувствую своё сердце... Значит, это моё тело?..

Р. запускает на очень медленной скорости.

Х А Р И. Знааачииит, эээтооо моооёёё тееелооо? Знаааеееш, яая дууумааалааа, чтооо, мооожеет быыыть, тееее... тоооо...

Р. усмехается. Монтирует.

Х А Р И. ...может быть... те... то... спрятано где-то во мне, что оно... ведь оно может быть очень маленьким... как... муравьи... Но я не знала, где. Наверное, это были просто увёртки с моей стороны, я очень боялась того, что хотела сделать, и искала какой-то выход. Но, Крис... если всё так, то... Нет, это невозможно. Ведь я уже умерла бы, правда? Значит, что-то всё-таки есть, но где? Может, в голове? Но я ведь мыслю совершенно обычно... и ничего не знаю... Если бы я мыслила тем, то должна была бы сразу всё знать и не любить, только притворяться и знать, что притворяюсь... Крис, прошу тебя, скажи мне всё, что знаешь, может быть, удастся что-нибудь сделать?

К Р И С. Сделать что?

Хари молчит.

Р. Сделать что? (Монтирует.)

К Р И С. Хочешь умереть?

Х А Р И. Да.

К Р И С. Хари... можно тебе что-то сказать?

Хари кивает.

КРИС. Это правда, ты не такая, как я. Но это не значит, что ты хуже. Наоборот. Ты – не орудие пытки, не ты, уж скорее я... Впрочем, думай об этом, что хочешь, но благодаря этому... ты не умерла.

ХАРИ. Это значит, что я... бессмертна?

КРИС. Не знаю. Во всяком случае, гораздо менее смертна, чем я.

ХАРИ (*шепотом*). Как страшно...

КРИС. Может быть, не так, как кажется.

ХАРИ. Но ты не завидуешь мне...

КРИС. Хари, это... вопрос твоего... предназначения. Понимаешь, оно здесь в сущности так же неясно, как и моё, и каждого. Эти... там... будут продолжать эксперимент Гибаряна, и это... бессмысленно...

ХАРИ. Бессмысленно... А почему?

КРИС. Речь идёт об Океане. О контакте. Контакт – это обмен чем-то. Но если нечем обмениваться? Как человека нельзя считать большим вирусом, так и Океан – не гигантский мозг. Конечно, с обеих сторон могут быть какие-то действия. Вот, в результате одного из них я сейчас пытаюсь тебе объяснить, что ты мне дороже, чем те двенадцать лет, которые я посвятил Солярису, и что я хочу быть с тобой ...

Р. Так. Это всё убираем к чертям собачьим...

Затемнение.

IX

ХАРИ. Это значит, что я... бессмертна?

КРИС. ...и что я хочу быть с тобой. Может быть, ты здесь в наказание мне... может, это благодеяние... или издевательство... или исследование... или всё вместе... или, скорее всего, что-то совсем другое. Но, в конце концов, какое нам дело до намерений наших родителей, как бы они друг от друга ни отличались? Ты скажешь, что от этих намерений зависит наше будущее, и с этим я соглашусь. Не могу предвидеть того, что будет. Но в том, что от нас зависит, будем вместе. Разве это так уж мало?

Пауза.

ХАРИ. Скажи... я... на неё... очень похожа?

КРИС. Была похожа... но теперь... уже не знаю.

ХАРИ. Как это?

КРИС. Ты её заслонила.

ХАРИ. И ты уверен, что... не её, а меня?.. Меня?..

КРИС. Да. Тебя. Не знаю. Боюсь, что, если бы ты и вправду была ею, я не смог бы тебя любить.

ХАРИ. Почему?

КРИС. Потому что сделал ужасную вещь.

ХАРИ. Ей?

КРИС. Да. Когда мы были...

ХАРИ. Не говори.

КРИС. Почему?

ХАРИ. Потому что хочу, чтобы ты знал: я – не она!

Долгое молчание. Вода по-прежнему капает. Светает.

Океан лилово светится за окном.

КРИС. Хари... мне надо к Снауту. Речь идет о том эксперименте. Только не знаю, как это... Я хотел бы, понимаешь...

ХАРИ. Не объясняй, Крис. Мне так хочется... Если бы это не длилось долго...

КРИС. Ну, сколько-то поговорить придётся. А если ты пойдёшь со мной и подождёшь в коридоре?

ХАРИ. Хорошо. Но вдруг я не выдержу?

КРИС. Как это происходит? Я спрашиваю не из любопытства, понимаешь? Но, может быть, разобравшись, ты смогла бы с этим справиться?

ХАРИ. Это страх. Я даже не могу сказать, чего боюсь... даже и не боюсь, а только как бы... исчезаю. В последний момент чувствую такой стыд, не могу объяснить...

КРИС. Может, так только здесь, на этой проклятой Станции. Что касается меня, то сделаю всё, чтобы мы её как можно быстрее покинули.

ХАРИ. Думаешь, это возможно?

КРИС. Почему нет? В конце концов, я не прикован к ней... Вот, кстати, и об этом я хочу потолковать со Снаутом. Как ты думаешь, ты долго сможешь быть одна?

ХАРИ. Это зависит... Если буду слышать твой голос, то попробую справиться с этим...

КРИС. Предпочел бы, чтобы ты не слышала нашего разговора. Не то чтобы хочу от тебя что-нибудь скрыть, просто не знаю, что скажет Снаут...

ХАРИ. Я понимаю. Я встану так, чтобы слышать только звук твоего голоса. Этого мне достаточно.

КРИС. Тогда идём.

Идут к комнате Снаута. Не дойдя до двери несколько шагов, Хари останавливается и легонько подталкивает Криса. Крис стучится.

СНАУТ (*открывает дверь; красный свет за его спиной*). Приветствую.

КРИС. Мне надо поговорить с тобой. Могу я войти?

СНАУТ. Можешь. Ты... не один?

КРИС. Один.

СНАУТ. Ну-ну. Прошу.

Крис входит. Снаут, не спуская с него глаз, подтаскивает кресло к металлическому шкафу и садится.

Крис прислушивается к коридору, где осталась Хари. Молчание.

КРИС. Вы готовитесь... к эксперименту?

СНАУТ. Всё готово, можем начать хоть сейчас, но запись займет ещё какое-то время.

КРИС. Запись? Ты имеешь в виду энцефалограмму?

СНАУТ. Ну да. Так ты согласен?

КРИС. Да... Да.

СНАУТ (*после паузы*). Что-то ещё?

КРИС (*понижив голос до шепота*). Она уже знает... о себе.

СНАУТ. Да?

КРИС. Начала догадываться с той нашей беседы, наблюдала за мной, сопоставляла одно с другим, потом нашла у меня видеомэгнитофон Гибаряна и включила...

Сегодня ночью, когда я спал, она попыталась убить себя – выпила жидкий кислород!

Пауза.

СНАУТ (*спокойно*). Слушаю.

КРИС. Конечно, ей не удалось... регенерация... в общем, она теперь знает, кто она...

СНАУТ. Зачем ты мне это говоришь?

КРИС (*не сразу находит, что ответить*). Хотел, чтобы ты... знал... вот...

СНАУТ. Я тебя предостерегал.

КРИС. Хочешь сказать, что ты знал заранее, что так будет?

СНАУТ. Нет. Конечно, нет. Но я объяснял тебе, что это такое. Каждый фантом вначале действительно только имитация человека и, кроме хаотической мешанины воспоминаний и образов, почерпнутых из своего... Адама, совершенно пуст. Чем дольше он с тобой, тем больше очеловечивается. Приобретает самостоятельность... до определённых границ, конечно. Поэтому чем дольше это тянется, тем труднее... (*После паузы, как бы нехотя.*) Она всё знает?

КРИС. Да, я же сказал.

СНАУТ. Всё? И то, что уже была здесь и что ты...

КРИС. Нет!

СНАУТ (*усмехнувшись*). Значит, пока ещё не всё... Крис, слушай, если до такой степени... что ты собираешься делать? Покинуть Станцию?

КРИС. Да.

СНАУТ. С ней?

КРИС. Да. Я хочу сделать всё возможное, чтобы спасти её!

Короткая пауза.

СНАУТ. Отлично, друг мой. Вперёд! Что ты так смотришь? Ты думал, я встану у тебя на пути? Небось, был уверен, что дело дойдёт до открытого столкновения, а?

КРИС. Ну... в общем, да...

СНАУТ. Да уж, хороши бы мы были, если бы вдобавок ко всему начали применять принуждение! Делай, что хочешь, дружище. Не собираюсь тебе мешать, но не могу не отметить: ты пытаешься в нечеловеческой ситуации поступать по-человечески. Ты отказываешься от дальнейших экспериментов и хочешь улететь вместе с ней. Так?

КРИС. Так.

СНАУТ. Но ведь это тоже эксперимент. Ты подумал об этом?

КРИС. Что ты хочешь этим сказать?

СНАУТ. Мы все ведём здесь страусиную политику, Крис, но по крайней мере знаем об этом и не демонстрируем своего благородства.

КРИС. Я ничего не демонстрирую.

СНАУТ. Ладно. Я не хотел тебя обидеть. Беру назад то, что сказал о благородстве, но страусиная политика остаётся в силе. Ты проводишь её в особенно опасной форме: обманываешь себя, её и снова себя. Ты знаешь условия стабилизации существ F?

КРИС. Нет. И ты не знаешь. И никто не знает.

СНАУТ. Правильно. Но ты мне сам говорил: такая система существует благодаря непрекращающемуся притоку энергии. Так вот, как по-твоему: является источник энергии наружным по отношению к гостю или находится в его теле? Понимаешь разницу?

КРИС. Да. Если он наружный, то... она...

СНАУТ. То такая система, удалившись от Соляриса, распадется. Утверждать это наверняка мы не можем, но ты ведь уже проделал эксперимент. Ракета, которую ты запустил... она всё ещё на орбите. Можешь полететь и проверить, что стало с... пассажиркой.

КРИС. Ты ошалел!!

СНАУТ. Ты думаешь? Ну, а если стащить сюда эту ракету? Есть же дистанционное управление. Сними её с орбиты...

КРИС. Прекрати!

СНАУТ. Тоже нет? Что ж, есть ещё один способ, самый простой. Не нужно даже сажать её на Станции. Зачем? Пусть себе кружится дальше. Мы только свяжемся с ней по радио. Если она жива, то ответит...

КРИС. Но... но там давно кончился кислород!

СНАУТ. Они могут обходиться без кислорода, поверь мне. Ну, попробуем?

КРИС. Снаут... Снаут...

СНАУТ. Крис Кельвин! Подумай, что ты за человек. Кого ты хочешь спасти? Кого осчастливить? Себя? Её? Которую? Эту или ту? На обеих смелости уже не хватает! Сам видишь, к чему это приводит! Говорю тебе в последний раз: эта ситуация вне морали.

КРИС. Не бывает ситуаций вне морали! И что я, по-твоему, должен сделать?

Устранить её? Завтра явится такая же самая, правда? И так ежедневно? Зачем?

СНАУТ. Нет, сначала ты мне ответь. Улетишь с ней и через пару часов увидишь...

КРИС. Ну что? Что?

СНАУТ. Самую обыкновенную агонию. А ты что, действительно поверил в её бессмертие? Что тогда? Вернёшься за... резервной?

КРИС. Перестань!!

С этого момента сквозь разговор Криса и Снаута начинает просвечивать разговор Режиссёра и Продюсера.

ПРОДЮСЕР (насмешливо). А, это я должен перестать? Знаешь, на твоём месте я бы прекратил этот разговор. Говоришь, не бывает ситуаций вне морали? Если так... *(Делает утрированный прощальный жест, подняв глаза вверх, словно следя за улетающей ракетой.)* ...то подлец, да? А если улыбаешься, изображаешь радость и спокойствие, когда хочется выть и биться головой об стенку, тогда не подлец? А если здесь нельзя не быть подлецом? Что тогда? Будешь бросаться на Снаута, который во всём виноват, да? Ну, так ты вдобавок ещё и идиот, мой милый.

Р. Ты говоришь о себе. Я... люблю её...

П. Кого? Своё воспоминание?

Р. Нет. Её. Я сказал тебе, что она пыталась сделать. Так не поступил бы ни один... человек.

П. Сам признаёшь.

Р. Не лови меня на слове.

П. Хорошо. Итак, она тебя любит. А ты – хочешь её любить.

Р. Ошибаешься.

П. Слушай, мне очень жаль, но ты сам заговорил об этих интимных вещах. Она любит. Ты любишь. Она готова отдать жизнь. Ты готов отдать жизнь. Красиво, трогательно, благородно, полный джентльменский набор. Но всему

этому здесь нет места. Нет! Понимаешь? Нет, ты не хочешь этого понять. Ты впутался в дела сил, над которыми мы не властны. В кольцевой процесс, в котором она лишь частица. Повторяющийся ритм. Если бы она... если бы тебя преследовало чудовище, готовое всё для тебя сделать, ты бы ни секунды не колебался устранить его. Так? А может, она именно поэтому и не выглядит чудовищем!..

Р. Оставь это, она... Нет. Не хочу об этом с тобой говорить.

П. Сам начал. Пойми, она только зеркало, в котором отражается кусочек твоего мозга. Если она прекрасна, то потому, что прекрасно твоё воспоминание. Ты дал рецепт. Кольцевой процесс, не забывай.

Р. Ну и чего же ты хочешь от меня? Чтобы я её устранил? Я уже спрашивал тебя: зачем? Ты не ответил.

П. Сейчас отвечу. Я не напрашивался на этот разговор. Не лез в твои дела. Ничего тебе не приказывал и не стал бы, даже если бы имел право. Ты сам пришел сюда и выложил мне всё, а знаешь зачем? Нет? Затем, чтобы свалить это с себя. Я знаю эту тяжесть, мой дорогой! Да-да, не прерывай меня. Я тебе ни в чём не мешаю, но ты хочешь, чтобы мешал, чтобы стоял у тебя на пути! Тогда бы ты имел бы дело с кем-то из крови и плоти, кому можно и голову разбить! А так... не можешь с этим справиться и поэтому споришь со мной... а по сути дела с самим собой! Скажи мне ещё, что страдание согнуло бы тебя, если бы она вдруг исчезла... нет, лучше уж ничего не говори.

«Прозрачность» верхнего слоя диалога исчезает.

КРИС. Ну, знаешь! Я пришел сообщить, что собираюсь покинуть с ней Станцию. Я хочу спасти Хари. Понятно? Это всё.

СНАУТ (*пожимает плечами*). Это не всё. Даже если бы она смогла покинуть Станцию живой, то на Землю может прилететь только человек, а человек – это его документы. Первый же контроль прекратит это путешествие. Станут выяснять, кто она, вас разлучат, и это сразу же выдаст её. Станция Солярис-IV – единственное место, где вы можете быть вместе... Ну, это неважно.

КРИС. Важно... То есть... если моя энцефалограмма будет послана вниз, в глубины этого необъятного чудовища... Энцефалограмма – ведь это полная запись всех мозговых процессов. Подсознательных тоже. А что, если я хочу...

СНАУТ. ...чтобы она исчезла, а?

КРИС. Разве иначе меня удивило бы так, что она пережила это ужасное покушение? Можно ли отвечать за собственное подсознание? Что за чёрт? Почему я должен соглашаться, чтобы именно мою...

СНАУТ. Пожалуйста, можешь отказаться. Я тебе уже сказал: ты свободен. Никто тебя не заставляет.

КРИС. Да, но если... твоя энцефалограмма... или Сарториуса...

СНАУТ. О да. Уж мы-то хотим одного, можешь мне поверить.

КРИС. И если она потом исчезнет, то это будет означать, что я хотел... Что я снова – снова! – убил её! И это потому, что, может быть, во мне есть намерения, мысли... страшные, преступные, а я ничего о них не знаю... Ведь я уже убил её один раз...

СНАУТ. Два раза.

КРИС. То есть что бы я ни выбрал... и у меня даже нет сил презирать себя...

СНАУТ. Тебе не за что презирать, себя или кого бы то ни было. Здесь нет места

морали, запомни!

КРИС. Хорошо. Сейчас... (*Обращает внимание, что рука Снаута — за дверцей шкафа, как будто кто-то держит его за руку.*) Снаут... что ты?..

СНАУТ (*тихо и очень спокойно*). Выйди. Подожди снаружи.

Крис, пятась, выходит в коридор.

ХАРИ (*радостно*). Видишь? Удалось, Крис... Я смогла! Может... может, всё будет лучше...

КРИС (*не слушая*). О, наверняка...

ХАРИ (*тихо*). Крис?... (*Ещё тише.*) Крис, ты согласился... на этот... эксперимент?

КРИС. Что? Откуда ты знаешь?!

ХАРИ (*виновато*). Если не хочешь, не говори...

КРИС. Нет, почему же. Да, я согласился на этот эксперимент... Надо было бы назвать его не «Мысль», а «Отчаяние»....

Распахивается дверь.

СНАУТ (*на пороге*). Прошу, входи... те.

Хари и Крис входят.

КРИС (*смотрит на шкаф, который теперь распахнут настежь*). А... где?..

СНАУТ. Сюда. (*Указывает на кресло, опутанное проводами.*)

Крис послушно садится. Хари остаётся стоять, не сводя с него глаз.

Снаут водружает на голову Криса шлем с датчиками.

Вверху открывается дверь лаборатории, и появляется Сарториус в белом халате и чёрном защитном фартуке. Провода от кресла тянутся вверх к нему, так что Сарториус похож на кукловода, управляющего марионетками. Снаут возится с аппаратурой.

САРТОРИУС (*с пафосом*). Доктор Кельвин! Прошу Вас сосредоточиться! Вы не должны думать о себе, обо мне, о каких-либо других лицах, дабы исключить все случайности и сконцентрироваться на нашем общем деле, ради которого мы здесь находимся. Пройденный человечеством путь; вызов, брошенный человеку Солярисом; наше стремление установить контакт; наша готовность к любым жертвам; подчинение личных чувств нашей миссии — вот темы, которые должны целиком заполнить ваше сознание! Если вы не будете уверены, что справились с задачей, прошу сообщить об этом, и коллега Снаут повторит запись. Времени у нас достаточно.

СНАУТ (*усмехнувшись*). Это уж точно. Начнём, Крис?

КРИС (*закрывает глаза*). Да.

Снаут кладёт пальцы на кнопки. Темнеет. Освещено только лицо Криса.

КРИС (*не открывая глаз*). На что люди надеются, чего они ждут от контакта? Не признаваясь самим себе в этом, они ожидают откровения, которое раскрыло бы перед ними суть самого человека.

Теперь этот эксперимент будет продолжен... в Океан снова вонзятся рентгеновские лучи, на этот раз несущие запись всего, что есть в моей голове... и если я хочу, чтобы она...

Могу ли я отвечать за свое подсознание? Если я не отвечаю, то кто же?

Мы отправились познавать иные миры, не познав до конца собственных тайников, тёмных закоулков...

Но ведь проник же, неведомо как, этот гигант в меня, муравья по сравнению с ним,

и перевернул все, и отыскал самое сокровенное?

Кто я? Откуда я? Для чего я? Не знаю.

Светлеет.

Сарториус, как кукла, стоит в той же позе. Снаут возится с приборами, будто умышленно илепая сваливающимися с ног сандалиями.

Океан за окном меняет цвет.

САРТОРИУС (*голос еще более отталкивающий, чем обычно*). Как вы полагаете, доктор Кельвин, получилось?

КРИС (*открывает глаза*). Да.

САРТОРИУС (*подозрительно*). Вы уверены?

КРИС. Да.

ХАРИ (*одними губами*). Идём?..

Крис кивает, выпутывается из проводов, встаёт. Ни с кем не прощаясь, они выходят. Высокие окна коридора заполняют все оттенки красно-оранжевого цвета.

ХАРИ. Крис... а есть ещё такие планеты?

КРИС. Не знаю. Мы и с одной-то не понимаем, что делать. Мы, люди – трава Вселенной... мы думали, что в нашу обыкновенность можно уместить всё...

Пауза. Они смотрят в окно.

Х

Р. и П. просматривают отснятый материал.

На экране:

Крис и Хари сидят за накрытым столом, не прикасаясь к еде.

Из лаборатории Сарториуса доносятся приглушённые звуки, словно там двигают что-то тяжёлое. Внезапно раздаётся крик – необыкновенно пронзительный, высокий и протяжный, мучительный. Понемногу голос затихает, и снова слышен звук передвигаемых тяжестей.

Неожиданно без стука вваливается Снаут. Он в строгом костюме. Нетрезв.

КРИС. Стучаться надо.

СНАУТ. А... а ты, я смотрю, бороду запускаешь? Неохота бриться, да?

Крис не отвечает.

СНАУТ. Смотри! Г-гибарян тоже первым делом бриться перестал...

КРИС. Иди-ка ты спать.

СНАУТ. Что? Дураков нет. Почему бы нам не потолковать? Ты ко мне п-приходил?... п-приходил!... теперь моя очередь!.. Слушай, Крис, а, может, он хочет нас осчастливить? Он читает в наших мозгах, а ведь только два п-процента нервных п-процессов сознательны. Значит, он знает нас лучше, чем мы сами...

Слышь? Пчму, ну пчму ты не бреешься?.. Давай бухнём, а?

КРИС. Ты и так пьян...

П. наливает себе, пьёт, жестом предлагает Р., тот отрицательно мотает головой.

СНАУТ. Кто? Я? П-пьян?! Ну да, пьян, ну и что? Что, человек не имеет п-права выпить? Ты веришь в миссию человечества, а, Крис? Гибарян рассказывал о тебе... до того, как... отпустил бороду... Ты точно такой, как он говорил... Только в лабораторию не суйся, потеряешь ещё каплю веры... там творит Сарториус... наш

Фауст, он, видишь ли, ищет средство от бессмертия... последний рыцарь святого Контакта, только такой и мог среди нас... его прежний замысел тоже был нехилый – продолжительная агония... ништяк, а?... нет, ну как ты можешь не бухать, Крис?! *(Переводит взгляд на Хари и декламирует.)* О Афродита белая, океаном рождённая... *(Хохочет.)* Почти точно, а, Крис? Или лучше вот это: не хорошо быть человеку одному, создадим ему товарища!.. и сказал человек: вот, это плоть от плоти моей...

КРИС *(вскакивает)*. Закрой пасть, скотина! Пошёл отсюда!!

СНАУТ. Выгоняешь меня, да? Ты тоже? Как Гибарян – запускаешь бороду и выгоняешь меня? Уже не хочешь, чтоб я тебе помог, как один настоящий звёздный товарищ другому?... Крис, а давай откроем люки и покричим ему, вниз... может, услышит? Но как его вправду звать? Подумай, мы назвали все звёзды и планеты... а если у них были свои имена?... Нет, точно, давай! Будем кричать о том, что он с нами сотворил, и он охренеет, когда врубится!.. и окружит нас своими окровавленными ангелочками, и его мука будет нашей мукой... Чего, не смешно, да? Я ж шучу!! Может, будь у нас побольше юмора, не дошло бы до этого... Кто это сделал, скажи? Кто это сделал с нами? Гибарян? Эйнштейн? Платон? А ведь все они были... убийцы!.. Наш путь!.. наша затраханная миссия!.. мы дошли!!.. и вот!.. посмотри на нас, блин!.. Не был бы я пьян, не трындел бы так... но должен же кто-то... а ты сидишь тут, как дитя на бойне, щетиной оброс...

П. Видеть это не могу... (Пьёт.)

Р. Ах, так... (Прокручивает немного назад.)

СНАУТ. ...мы дошли!!.. и вот!.. посмотри на нас, блин!.. Не был бы я пьян, не трындел бы так... но должен же кто-то... а ты сидишь тут, как дитя на бойне, щетиной оброс... *(Поворачивается и выходит, на пороге схватившись за дверь, чтобы не упасть; заплетая ногу за ногу, бредёт по коридору).*

КРИС. Хари... мы поселимся на Земле где-нибудь в небольшом городке... посадим сад... с живой изгородью и...

ХАРИ. Ты сам веришь в это хоть секунду? *(Встаёт.)* Подожди! *(Выскальзывает в коридор, оставив дверь открытой, догоняет Снаута, что-то говорит ему; возвращается.)*

КРИС. Что?

ХАРИ. Мне показалось... что он сейчас упадет...

КРИС. Ты жалеешь его?

ХАРИ. Его... и всех... нас...

КРИС. Когда мы вернёмся на Землю...

ХАРИ. Не надо об этом, Крис. Ты ведь знаешь...

КРИС. Что?

ХАРИ. Ничего... Дай мне сок, пожалуйста.

Крис подаёт ей стакан. Хари отпивает полстакана и отдаёт ему.

КРИС. Мне не хочется пить.

ХАРИ. Пожалуйста! За мое здоровье!

КРИС *(допивает сок)*. Какой-то он солёный... Если ты не хочешь о Земле, то о чём?

ХАРИ. Скажи... ты женился бы, если бы меня не было?

КРИС. Нет, конечно.

ХАРИ. Когда?

КРИС. Никогда.

ХАРИ. Почему?

КРИС. Я двенадцать лет был один и не женился. Не будем об этом, ладно?

ХАРИ. Нет, будем, обязательно будем. А если бы я тебя попросила?

КРИС. Чтобы я женился? Перестань, Хари. Мне никто не нужен, кроме тебя.

ХАРИ (*с силой обнимает его*). Скажи это по-другому!

КРИС. Я люблю тебя.

Хари, уткнувшись ему в грудь, плачет.

КРИС. Хари, ты?.. что с тобой?..

ХАРИ. Ничего... (*Всё тише.*) Ничего... Ничего...

Крис засыпает, уронив голову на стол.

Хари выходит, оставив дверь открытой.

Темнеет.

Экран гаснет.

Р. Не то.

П. Как раз то!..

XI

Крис просыпается. Протягивает руку в поисках Хари, ещё толком не открыв глаз.

Рука натывается на пустоту.

КРИС. Хари... Хари?... Хари!!!

Хари нет нигде.

За окном красно-жёлтый Океан.

Крис отчаянно кричит. Выбегает в коридор, колотит кулаками в двери, в стены.

Появляется Снаут, волоком тащит его к себе. Усаживает в кресло.

КРИС. Где... где она?

СНАУТ. Её нет.

КРИС. Но... но... Хари...

СНАУТ (*медленно, выразительно*). Хари – больше – нет.

КРИС (*шепчет*). Она вернётся... не понимаю, как я мог... бояться... её возвращения... она вернётся...

СНАУТ (*накапывает в мензурку жидкость, подаёт Крису*). Выпей это.

КРИС (*берёт и внезапно выплёскивает содержимое Снау́ту в лицо, вскакивает и нависает над ним*). Это ты?!

СНАУТ (*отряхиваясь*). О чём ты?

КРИС. Не притворяйся, знаешь, о чём я! Она вышла к тебе в коридор тогда. И ты велел ей дать мне снотворное, так?... Что ты с ней сделал? Отвечай!!!

Снаут достаёт из кармана магнитофон Гибаряна, включает.

Мерцающий экран.

ГОЛОС ХАРИ. ...Любимый, я сама попросила его об этом. Ужасно, что пришлось тебя обмануть, но другого выхода нет. Прошу тебя, не делай себе ничего плохого – ради меня. Ты был очень хороший!..

КРИС (*шёпотом*). Как? Как?

СНАУТ. Потом, Крис. Успокойся.

КРИС. Я. Спокоен. Говори. Как?

СНАУТ. Аннигилятор. Сарториус смонтировал его. Действует в небольшом

радиусе...

КРИС. Что с ней?..

СНАУТ. Исчезла. Вспышка и порыв ветра. Ничего больше.

КРИС. В небольшом радиусе, говоришь?

СНАУТ. Да. В небольшом.

КРИС (*закрывает глаза*). Боже... она... вернётся, вернётся ведь... правда?..

СНАУТ. Нет.

КРИС. Как это нет?

СНАУТ. Нет, Крис. После твоей энцефалограммы уже не возвращаются.

КРИС. Не возвращаются?

СНАУТ. Нет.

КРИС (*тихо*). Ты убил её.

СНАУТ. Да. Мы убили её.

КРИС (*голос балансирует на грани дикого вопля*). А если я теперь... этим же аннигилятором... вас... обоих?! А потом – его?! (*Указывает в окно на Океан.*)

Думаешь, что-нибудь устоит? Ничего! Ничего!! Ничего!!!

СНАУТ. Нас аннигилятор не возьмёт. Он только для существ F. Но дело даже не в этом. Ты хочешь его уничтожить? Зачем?

КРИС. Уйди. Оставь меня!

СНАУТ. Не уйду.

КРИС. Снаут... уйди!

Снаут отрицательно мотает головой.

КРИС. Чего ты хочешь? Чего ещё ты хочешь от меня?!

СНАУТ. Сядь.

КРИС. Оставь меня в покое!

СНАУТ. Послушай. Есть две стороны вопроса. Первая – факты. Вторая – наши выводы.

КРИС. Обязательно сейчас об этом?

СНАУТ. Да, обязательно. Сейчас.

КРИС. Не хочу! Понятно? Меня это больше не касается.

СНАУТ. Мы должны установить точно...

КРИС (*хватает его за грудки*). Не перестанешь?

СНАУТ. Можешь меня бить, но я всё равно не замолчу.

Крис отталкивает его.

СНАУТ. Понимаешь, я почти уверен: Сарториус постарается скрыть некоторые факты.

КРИС. А ты нет?

СНАУТ. Нет. Теперь это касается не только нас. Океан узнал о нас многое...

КРИС. Ну? Что ж ты остановился? Он проделал на нас серию... экспериментов... опираясь на то, что выкрал из нашей памяти, не считаясь ни с чем...

СНАУТ. Это уже не факты и даже не выводы, Крис. Это гипотезы. В каком-то смысле он именно считался с тем, чего хотела некая замкнутая, скрытая часть нас. Это могли быть дары ...

КРИС (*истерически хохочет*). Дары!! Великие небеса!! Дары!..

СНАУТ. Прекрати! (*Хватает его за руку.*)

КРИС (*вырывает руку и замахивается, но, овладев собой, отворачивается; глухо*).

Постараюсь не устраивать истерик.

СНАУТ. Итак?

КРИС. Говори ты. Я сейчас не могу. Она сказала что-нибудь, прежде чем?..

СНАУТ. Нет. Ничего. Я считаю, что у нас появился шанс.

КРИС. Какой шанс? А-а... Контакт? Снова?! Вам всё ещё мало?! Нет уж. Без меня.

СНАУТ. Почему? Крис, ты, и даже больше, чем раньше, относишься к нему, как к человеку. Ненавидишь его.

КРИС. А ты – нет?

СНАУТ. Нет. Теперь нет. Я что-то понял. Крис, он же слепой...

КРИС. Слепой?!

СНАУТ. Ну, то есть... он видит нас... не глазами! Лица, фигуры, которые позволяют нам узнавать друг друга... для него это как прозрачное стекло. Он проникал внутрь наших мозгов.

КРИС. Ну и что? Что ты хочешь доказать? Если он мог оживить человека, которого нет вне моей памяти... сделать это так, что её глаза, жесты, её голос... голос...

СНАУТ. Говори! Говори дальше, слышишь!

КРИС. Говорю... да... голос... из этого следует, что он может читать в нас, как в книге. Понимаешь, что я хочу сказать?

СНАУТ. Да. Что, если бы хотел, мог бы понять нас.

КРИС. Конечно. Разве это не очевидно?

СНАУТ. Нет. Вовсе нет. Ведь он взял только формулу... рецепт, который состоит не из слов... то, что было в нас глубже всего отпечатано, надёжней всего заперто, понимаешь? Но он совсем не обязан был знать, что это для нас, какой имеет смысл...

КРИС. Да? Да, может быть... И, значит, он совсем не хотел... И только случайно...

СНАУТ. Крис!

КРИС. Знаешь, «Хари» можно перевести с греческого как «любимая, радость, прелесть, милость, благодарность»...

СНАУТ. И что?

КРИС. Но ведь это значит... что я говорил ей: доброе утро, Любимая! Как ты хороша сегодня, Прелесть! Я соскучился по тебе, Благодарность!.. И когда я так бездарно и подло уходил от неё, я бросил ей в лицо: не хочу тебя, Радость!.. И когда я предательски запихнул её в ракету, я как бы крикнул: убирайся, Милость!.. И когда я согласился...

СНАУТ. Крис!!

КРИС. Да-да. Уже всё в порядке. Ты добрый. Он тоже добрый. Вообще все добрые. Но зачем? Зачем ты это сделал? Что ты ей сказал?

СНАУТ. Правду.

КРИС. Какую правду?

СНАУТ. Ты же знаешь... мы говорили с тобой об этом... Скажи лучше: ты действительно не хочешь остаться на Станции?..

КРИС. Что? А ты что, хочешь, что ли?!

СНАУТ. Да, я хочу остаться. Да.

Пауза.

КРИС. Остаться? Среди предметов, до которых мы оба дотрагивались, помнящих ещё наше дыхание? Во имя чего? Надежды? На что? На её возвращение? Как я

могу?... И снова видеть эти сны... как висишь во тьме... и что-то неторопливо исследует тебя, проникает, дробит... до полной пустоты... этот страх!..

СНАУТ. Думаешь, я не знаю? А когда ты в пространстве... с иными оптическими свойствами, так что все предметы становятся чёткими, неестественно чёткими – и просыпаешься с ощущением, что явью был как раз сон, а то, что наяву – это какие-то тени!..

КРИС. Ты... тоже?..

СНАУТ. А ты как думал? Что твой опыт уникален?

Пауза.

КРИС. Снаут... ты... веришь в Бога?

СНАУТ. Что? В какого бога?!

КРИС. Вот именно, в какого? Понимаешь... между верующим и неверующим... разница кажущаяся... Ну да, для первого – как бы свет в конце туннеля, для второго – чёрная дыра... но... по сути... отсутствие Бога – тоже Бог, понимаешь?

СНАУТ. Ничего не понимаю!

КРИС (*не слушая*). Ты не знаешь, была ли когда-нибудь вера в... несовершенного Бога?

СНАУТ. Как это?! (*Пауза.*) То есть вообще-то... в каком-то смысле боги всех религий несовершенны... Бог Ветхого Завета ревнив к другим богам... греческие боги легкомысленны... германские свирепы...

КРИС. Нет, я не о том... Если бы был Бог, изначально несовершенный... ограниченный в своём всеведении и всемогуществе... ошибочно предвидящий будущее своих творений. Он желает всегда больше, чем может, и не сразу это осознаёт... жаждет освободиться от материи, но...

СНАУТ. А! То есть он поднимается на всё более высокие уровни могущества – к осознанию собственного бессилия, так? Он влез в божественность, из которой нет выхода, и, поняв это, предался отчаянию? То есть ты говоришь о человеке?

КРИС. Да нет же! При чём тут человек? Бог – это... это существо без множественного числа, понимаешь?

СНАУТ. А-а, и как же я сразу... (*Кивает на окно.*)

КРИС. Нет. Он тоже нет. Он упустил шанс стать Богом, замкнувшись в себе. Он скорее отшельник космоса, а не Бог. Он повторяется, а Тот, о котором я говорю, никогда бы... Тот, о ком я говорю, где-то далеко в космосе только-только осваивает свои возможности... новорожденный Бог...

Пауза.

СНАУТ. А может, всё-таки именно Солярис – колыбель твоего божественного младенца, а? Может, его наивность ещё превышает его разум, и всё, что мы о нём узнали – просто перечень его младенческих рефлексов... его осторожной, но не пугливой любознательности...

КРИС. И мы были его игрушками? Да, это сразу объясняет невозможность контакта, отсутствие ответов... это ещё совсем маленький Ребёнок... невероятно одинокий... и Он... ломает свои игрушки... одну за другой... это так естественно... но – зачем Он их ломает? Понимает ли Он сам это? И можно ли задавать Ему вопросы? Может быть, то, что Он есть... само по себе ответ... и другого не будет?

Пауза.

СНАУТ (*не отрывая глаз от Океана*). Сам придумал эту концепцию

несовершенного бога?

КРИС (*тоже смотрит в окно*). По-моему, это единственный Бог, в которого я мог бы поверить. Его мука ничего не искупает, никого не спасает, ничему не служит. Она – просто есть... (*Пауза.*) Да, ты прав. Он – видит нас не глазами, и я... прощаю Ему всё... я... благодарен Ему. Кажется, я верю, что не прошло ещё время чудес... СНАУТ. Ужасных чудес.

КРИС. Да.

Пауза.

СНАУТ (*достаёт из кармана книгу, открывает её, читает*). “И Иалдаваоф сказал Неброэлю и Сакласу, пребывающим у него: “Пойдём, сотворим человека по образу Бога и по подобию нашему, чтобы его образ стал для нас светом”...”.

КРИС. Что это?

СНАУТ. “Малый Апокриф”...

XII

Демонстрация фильма.

Триумф.

Р. и П., в смокингах, вдребезги пьяные, совершенно несчастные, сидят в каком-то грязном закутке за экраном и молча пьют, не закусывая.

К О Н Е Ц

ИСКУССТВЕННИК

Инсценировка по мотивам произведений Станислава Лема

Сцена представляет собой «чёрный кабинет». В темноте загорается несколько неуверенных огоньков, некоторые движутся – то ли звёздное небо, то ли стая светлячков.

На авансцену выходит человек в чёрном комбинезоне, откидывает капюшон. Освещается лицо актрисы, которая по мере необходимости будет и дзанни – но сейчас она поёт (или произносит речитативом) первый зонг:

Не бывает людей без чудес,
не бывает чудес без людей!
Вон, смотрите, на небо полез!
А вон тот пробежал по воде!

Строят лестницы, башни, мосты,
лепят молнии к окнам своим...
Но бояться они пустоты.
«Погоди, – говорят, – постоим...».

Авансцена освещается ярче. Теперь видно, что на портале слева висит белый халат, справа – роскошное леопардовое мантио, а сверху – скафандр. Актриса снова опускает на лицо капюшон и начинает выносить странные предметы, похожие и на мебель, и на приборы, и непонятно на что. Отступает в темноту.

Появляются профессор Тарантога и Йон Тихий (куклы). Внешне они весьма похожи – одинаковые бородки и т.д. Тихий одет странно; в частности, на нём нет брюк.

ТАРАНТОГА. Прошу, прошу, дорогой Йон Тихий! Рад, весьма рад! Наконец-то вижу Вас, так сказать, воочию. До сих пор мы были знакомы, что называется, заочно. Гм... простите, никак не пойму – кого это Вы мне так напоминаете?

ТИХИЙ. О, профессор! Ещё зелёным первокурсником я увидел Ваш портрет на обложке учебника астрозоологии и понял, на кого буду всю жизнь стремиться быть похожим и прочее!

ТАРАНТОГА (*польщённо*). Благодарю Вас, коллега, но, право же...

ТИХИЙ. Нет-нет, профессор, и не возражайте! Потому-то я и обратился к Вам. Это первый случай, когда за помощью обращаюсь я. До сих пор обращались ко мне. Я сразу сказал себе, прочитав это письмо: «Или Тарантога – или никто. Тут нужен супермозг!». Да и этот парень в первых же строках упоминает Вас... и прочее.

ТАРАНТОГА (*еще более польщён и смущён*). Ну это уж, коллега...

ТИХИЙ. И не спорьте, профессор, не спорьте! Взять хотя бы это Ваше гениальное изобретение, с детьми!

ТАРАНТОГА. Прошу Вас, коллега... Вы мне льстите!

ТИХИЙ. Это было потрясающе: поместить детей в комнату, оборудованную рычагами, колёсами и прочим. Дети, играя, крутят колёса, дёргают рычаги и, сами того не подозревая, пилят дрова, качают воду и прочее...

ТАРАНТОГА. Да-да, но оставим это. С тех пор я много чего изобрёл, коллега. Например, машину времени...

ТИХИЙ. Кстати, профессор, прошу Вас – не называйте меня коллегой! Вы же знаете, я не учёный, я машину времени не изобрету! Не моя стихия – изобретательство и прочее. Я космонавт. Пустотник, как мы говорим. Я и родился на космическом корабле, а матери у меня вовсе не было.

ТАРАНТОГА. В каком смысле?

ТИХИЙ. В самом прямом, профессор, и это мучительнейшая загадка моей жизни! В космосе, понятно, чего только не бывает. Например, вследствие громадных скоростей у нескольких женщин рождается один ребёнок. Но со мной – обратный случай. Мой отец, капитан Всемир Тихий, будучи в своём корабле один-одинёшенек, обнаружил в ящике письменного стола младенца. К пелёнкам была пришпилена записка: «Это твой». Отец принял было меня за космический мираж, но я пищал и подавал все признаки жизни. Так вот и вырос я среди реакторов и детекторов. Ракета для меня – дом родной, а скафандр – лучшая одежда. Да вот и

сюда к Вам я заявился в скафандре, только снял его в прихожей, рассчитывая, что дам здесь не встречу.

ТАРАНТОГА (*лишь теперь позволяет себе обратить внимание на частичную неадекватность собеседника*). Действительно, коллега, я вижу, что Вы... гм... не совсем...

ТИХИЙ. Да это всё из-за моего домробота, протон ему в глотку и прочее! Этот киберкретин напрочь разладился. Надо было отдать его в ремонт ещё когда он начал ваксить мои туфли изнутри...

ТАРАНТОГА. Что?

ТИХИЙ. Уверял, кабелев сын, что по рассеянности! Я ему говорю: «Пробки тебе выкручу, конденсатор недопаянный!» – а ему на это набренчать!.. Тут уже пора к Вам идти, а штанов нету! Носки-то я нашёл сразу – в холодильнике, а вот брюки... (*Тарантога исчезает.*) В конце концов наткнулся в аквариуме на квитанцию из прачечной! Этот дебил отдал все мои брюки в чистку! Пришлось взять из ракеты скафандр и тащиться к Вам – летом! – в таком виде. Прохожие, понятно, шарахались, но мне на это набренчать... (*Останавливается.*) Профессор! Где Вы? Ау! Профессор!.. (*Оглядывается.*) А у Вас тут очень уютно... и прочее. Ау!.. Очень мне у Вас нравится... Жаль, раньше мы не встречались...

ТАРАНТОГА (*высунувшись из какой-то трубы*). Несколько раз мы чуть было не встретились. Помните Грымзею?

ТИХИЙ. О, ещё бы! Такое забудешь! Приближаюсь я к этой планетке и вижу из космоса надпись на ней: «Здесь был Тарантога!». Ничего себе!

ТАРАНТОГА (*вылезает*). Всё очень просто. Грымзея сплошь покрыта джунглями, а в них кишат гигантские ящеры. Стоило мне приземлиться и выйти пройтись, как они кинулись на меня стайей. Я – от них, они – за мной. Они – за мной, я – от них! Я метался, как заяц, а они мчались по пятам, круша деревья и прокладывая просеку. Так вот, неосознанно, я и сделал надпись...

ОБА (*вместе*). Здесь-был-Тарантога!

ТАРАНТОГА. Однако, коллега, вернёмся к нашему...

ТИХИЙ. Профессор, я же просил!..

ТАРАНТОГА. Нет уж, не возражайте! Я, знаете ли, получаю чёртову пропасть писем ежедневно... да вот хотя бы такого рода... (*Роемся в карманах, достаёт письмо, протягивает Тихому.*) Прочтите-ка!

ТИХИЙ (*читает*). «Милый профессорчик! Мы незнакомы, но я хочу познакомиться! Мне девятнадцать, я натуральная блондинка, и все говорят, что я вылитая Диана Милосская, а бюст у меня...». Ну, знаете! Я слышал, что на одной из планет Протиона за такие вот письма и девушек отбирают зеркала... и прочее! (*Делает из письма самолётчик.*)

ТАРАНТОГА. Недурно бы и у нас завести что-нибудь в этом роде.

ТИХИЙ. ...а зеркала у них там четырёхмерные... (*Пускает самолётчик в зал.*)

ТАРАНТОГА. Представьте же, как я обрадовался, выудив из мутного потока корреспонденции пакет с Вашим обратным адресом! А уж прочитав то, что Вы мне переслали, понял: здесь пахнет мировой сенсацией!

ТИХИЙ. Не знаю, профессор, я запахов не различаю. У меня матери не было...

ТАРАНТОГА. Подумать только, он намекает, что как-то связан с проблемой перемещения во времени! Для меня это так важно! А его заперли в лечебнице для душевнобольных!

ТИХИЙ. Потому-то он и просит... как там, профессор?

ТАРАНТОГА (*достаёт письмо, читает*). «...прошу навестить меня под любым предлогом. С уважением, Игнатиус Новак...». А как Вы полагаете, автор письма – сумасшедший или нормальный?

ТИХИЙ. Видите ли, профессор, поскольку мне неоднократно приходилось иметь дело с роботами... чаще, чем с людьми... м-да... то для меня вопрос: плохой человек или хороший, нормальный или псих и прочее – формулируется так: человек это или робот?

ТАРАНТОГА. О, вот как?

ТИХИЙ. Да. Но и тут не так всё просто. Вот, к примеру, ежели сказать девушке, что она, мол, свой парень, то это как – комплимент?

ТАРАНТОГА. Ну... пожалуй, да... но я не вижу связи...

ТИХИЙ. Ага! А если мужчине сказать, что он – баба? Это уж наоборот, оскорбление, верно? Хотя, казалось бы, какая разница – там женщину назвали мужчиной, тут мужчину – женщиной... То-то! Так и с роботами – сплошная путаница! С одной стороны, любой болван смахивает на робота. С другой, кого мы обычно называем прекрасными людьми? Тех, кто заботится о благе окружающих, к себе не гребёт, другим яму не роет и прочее, так? Но ведь таковы все роботы!

ТАРАНТОГА. Однако... что же такое тогда человек?

ТИХИЙ. А-а! Если бы я мог ответить на этот вопрос! А Вы, профессор, можете?

ТАРАНТОГА. Гм...

ТИХИЙ. Вот то-то и оно-то! Порой сумасшедший человек сам себя считает роботом – и, может, не так уж неправ. Наоборот, свихнувшийся робот нередко убеждён, что он человек, и требует, чтобы его освободили от железа, в которое он якобы закован, и прочее. Я уж не говорю о роботах вроде моего остолопа. Вообразите, перед тем, как окончательно сдвинуться по фазе, он вдруг объявил себя высшей формой жизни, а человека – недороботом! И пообещал всем нос утереть, в лужу посадить, и прочее... В общем, как сказал один древний поэт: «Роботы, роботы, роботы речь мою прерывают!..».

ТАРАНТОГА. Простите, коллега, я хоть и не робот, но тоже Вас прерву – я не вижу связи между Вашей – бесспорно, любопытной – концепцией и этим письмом из сумасшедшего дома.

ТИХИЙ. Профессор, здесь не без робота!

ТАРАНТОГА. Гм, гм... возможно, Вы и правы, коллега. Во всяком случае, директриса этой лечебницы весьма, я бы сказал, роботообразная дама...

Актриса выходит на авансцену, надевает белый халат.

ТИХИЙ. Так Вы там уже побывали, профессор?

ТАРАНТОГА. Конечно. Как только получил письмо. Да вот, извольте глянуть видеозапись нашей беседы... (*Усаживает Тихого в кресло, разворачивает спиной к зрителям, опускает сверху блестящую полусферу. Обращается к директрисе.*) Как состояние больного Новака?

ДИРЕКТРИСА. Постамнестическая конфабуляция, осложнённая параноидальными галлюцинациями и кататонической фрустрацией, приводит его к суицидной

танатофилии. В то же время маниакально-депрессивная психастения вызывает сензитивную ремиссию и откладывает отпечаток в виде шизоидной гигантомании и раздвоения личности.

ТАРАНТОГА. Да, не позавидуешь. Поговорить с ним можно?

ДИРЕКТРИСА. Только не более пяти минут. (*Уходит.*)

Появляется Новак. Внешне похож на Тихого, но без бороды, шевелюры, в пижаме.

НОВАК. Профессор Тарантога? Я так и предполагал, что Йон Тихий перешлёт моё письмо Вам. Вы и он – лица с наиболее нестандартным мышлением в вашу эпоху. Благодарю Вас за Ваш приход. Он показывает, что Вы не считаете меня сумасшедшим. Но времени мало, поэтому я о главном. Я не могу выйти отсюда, потому что не могу припомнить своего здешнего прошлого, потому что его не существует.

ТАРАНТОГА. А откуда же Вы взялись?

НОВАК. Из будущего, разумеется! У вас тут середина двадцать первого века, а у меня там – вторая половина тридцать пятого.

ТАРАНТОГА. Гм... тем не менее говорите Вы вполне современным языком.

НОВАК. Но чего мне стоило изучить его в такой короткий срок! Прошу Вас – помогите мне! (*Его голос меняется, становится инфантильным.*) Есть у Вас при себе что-нибудь острое?

ТАРАНТОГА. Разве что пилочка для ногтей.

НОВАК. Можете дать её мне? И ещё бы мне носок...

ТАРАНТОГА. Один?

НОВАК. Да.

ТАРАНТОГА. А зачем, собственно?

НОВАК. Не могу Вам сейчас сказать... (*Голос меняется на прежний.*) Но я Вас отблагодарю. Я сообщу Вам факты... которые изменят всю картину мира...

ТАРАНТОГА. Да... заманчиво... Вот Вам пилочка. (*Вынимает пилочку из кармана, отдаёт.*) И вот носок. (*Снимает туфлю, носок, отдаёт.*)

НОВАК (*снова инфантильный голос*). То, что надо, ха! (*Ударяется головой о кресло.*) А ну, тихо, ты!! Профессор, это я не Вам... это Гипперкорн пытается вылезть...

ТАРАНТОГА. Кто?

НОВАК. Потом, потом... за мной пришли... будьте уверены... (*Исчезает.*)

ТАРАНТОГА (*извлекает Тихого из кресла*). Ну, коллега, что скажете?

ТИХИЙ. Знаете, профессор, я обычно что думаю, то и говорю, уж я такой.

ТАРАНТОГА. Знаю, коллега, знаю. Итак?

ТИХИЙ. Итак... не знаю, что и сказать... если раньше мне казалось, что это дело Вам как раз по зубам, то теперь кажется, что и Вы в нём не разберётесь.

ТАРАНТОГА. Ах, так?

ТИХИЙ. Да. Вот так.

ТАРАНТОГА. Хотите пари?

ТИХИЙ. По рукам!

ТАРАНТОГА. Но я попрошу Вас о трёх вещах... Во-первых, хранить тайну... во-вторых, хранить тайну... и, в-третьих...

ТИХИЙ. Понимаю – хранить тайну.

ТАРАНТОГА. Так вот – я уже почти разобрался в этом деле. Перед самым Вашим приходом мне звонили. Из этой самой лечебницы. Новак пытался вскрыть себе вены!

ТИХИЙ. Не может быть! Роботы так никогда не делают!

ТАРАНТОГА. Откуда у роботов вены?!

ТИХИЙ. Ну, а я про что? Нету у них вен! И прочего... А чем, простите? Вашей пилочкой?

ТАРАНТОГА. Вот именно, коллега.

ТИХИЙ. Да-а... интересно, что он сделает с Вашим носком...

ТАРАНТОГА. Сейчас, скорее всего, ничего – ему ввели снотворное. Вы считаете, что я пошёл на нелепый риск?

ТИХИЙ. Разве я так сказал, профессор?

ТАРАНТОГА. Вы так подумали, верно?

ТИХИЙ. Что ж, не буду отпираться, профессор. Если он робот, да ещё чокнутый робот, считающий себя человеком, да ещё человеком из будущего, то он такого наворотить может...

ТАРАНТОГА (*близок к тому, чтобы потерять терпение*). Коллега, давайте пока оставим роботов в покое. Скажите, чем отличается сумасшедший от иаобретателя?

ТИХИЙ. Ну, почём мне знать, профессор, я не изобретатель... наверное, тем, что сумасшедший не в своём уме... и прочее.

ТАРАНТОГА. Масло масляное, коллега. Тем, что сумасшедший не способен осуществить свои замыслы.

Телефонный звонок.

ТАРАНТОГА (*берёт трубку*). Слушаю. Да, я. Что? Когда?! (*Пауза.*) Так-так... Но ведь он же спал, ему же сделали укол! Ах, сами не понимаете? А кто должен понимать, я? А директор? Пришла в себя? Ага. Носок? Песок? А, носок с пескомю А я тут при чём? Да, буду остороженю Да, если появится, сообщу вам. Но у вас порядочки, смею заметить! Пациент лупит диуректора по голове и удирает, а куда смотрит весь персонал, а?! Нет, я вас учить не собираюсь. Будьте здоровы! (*Кладёт трубку.*) Ну вот, коллега, с носком всё ясно. Полагаю Новак скоро будет здесь. Больше ему податься некуда. Я попрошу Вас: посидите вот тут. (*Снова усаживает Тихого в кресло, разворачивает и т.д.*) Отсюда будет хорошо видно и слышно. В случае чего придёте мне на помощь.

ТИХИЙ (*сдавленно*). Будьте уверены, профессор!

ТАРАНТОГА. Но не раньше, знаете ли, чем я Вас позову! (*Продолжает манипуляции с креслом; наконец, отходит полюбоваться делом рук своих; достаёт откуда-то бутылку, наливает тёмную жидкость в рюмку, нюхает. Слышен зловещий скрип. Из темноты звучит второй зонг – на сей раз мужской голос.*)

Есть у нас таверна имени Жюль Верна.
Как войдёшь – сидят ещё как будто со вчера
Дровосек, Страшила, Мотыка Малхамовэс
и ещё другие фраера.

Я им сходу: мол, привет от Тура Хейердала!
А они: «Садись скорее к нашему столу!

Видим, видим сами – только что с вокзала!
Эй, трактирщик, подавай скорее пиалу!
Где ж ты, виночерпий? Тебя б послать за смертью!
Да ткемалевой подливки к мясу не забудь!..»

За стеною спорят с лазерами стрелы,
А здесь вздохнёт свободно измученная грудь.

Мой хронооазис! Как тебя мы ждали!
Кто дошёл к тебе, а большинство не добралось...

Из темноты возникает фигура Новака.

ТАРАНТОГА (*спокойно*). Добрый вечер.

НОВАК (*голос менее интеллигентный*). Профессор! Вы можете мне вернуться?

ТАРАНТОГА. В лечебницу?

НОВАК. Чего? В дурдом?! Вы что, за дурака меня держите? Я ж оттуда слинял!

ТАРАНТОГА. Вы чуть не убили человека.

НОВАК. А я её не убил? Я думал, убил.

ТАРАНТОГА. А Вы... хотели... убить?!

НОВАК. Да делов-то! Ну, птолемизировали бы её потом...

ТАРАНТОГА. Как-как? Птоле...

НОВАК. Ну да, взяли бы и птолемизировали. А что такого?

ТАРАНТОГА. Послушайте, Новак...

НОВАК. А я не Новак. Новак спит.

ТАРАНТОГА. Так. А Вы кто?

НОВАК. А Я Гипперкорн. Амфилон Гипперкорн. Понимаете, был круиз в прошлое, я и решил поехать, чего нет? Все ездят. Как хронобус снизился, я сделал дурость.

Признаю. Мимо девушка шла, симпатичная. Я выскочил, заговорил с ней, а она – в крик! Прибежали эти... сунули меня в будку на колёсах... и в дурдом!..

ТАРАНТОГА. Значит, Вы Гипперкорн?

ГИППЕРКОРН. Ну!

ТАРАНТОГА. В каком году Вы родились?

ГИППЕРКОРН. В 3567.

ТАРАНТОГА. А в чём состоит птолемизирование?

ГИППЕРКОРН. Птолемизация? Ну, в этом я не разбираюсь. В общем, когда есть покойник, то его... это самое... возобновляют.

ТАРАНТОГА. Воскрешают?!

ГИППЕРКОРН. Я такого слова не знаю.

ТАРАНТОГА. Так. Давайте сядем. И Вы мне расскажете всё по порядку.

Садятся.

ТАРАНТОГА. Какой Вы национальности?

ГИППЕРКОРН. Опять непонятное слово.

ТАРАНТОГА. Вы где-то жили постоянно?

ГИППЕРКОРН. Да нет. На одном месте жить скучно. По просихождению я из Магуры, если Вы об этом.

ТАРАНТОГА. Что такое Магура?

ГИППЕРКОРН. А, такая киприада на Марсе.

ТАРАНТОГА. Гм... Что Вы делали там, откуда прибыли?

ГИППЕРКОРН. Да ничего особенного. Ну, ментил немножко. У меня были результаты ничего себе, я доходил до семнадцати паргов за один абстрих!

ТАРАНТОГА. А что это значит?

ГИППЕРКОРН. Вы не знаете?

ТАРАНТОГА. Может, Вы покажете?

ГИППЕРКОРН (оглядывается). Да ведь тут нет ни одного мисика.

ТАРАНТОГА. Но что это? Спорт? Искусство? Работа?

ГИППЕРКОРН. Да нет, я так... аматор... Но давайте не будем об этом! Ведь я прошу войти в моё положение! Я выскочил из хронобуса, а это строиго запрещено, из этого может такая глия выйти, прямо не знаю!

ТАРАНТОГА. Как выглядит этот хронобус?

ГИППЕРКОРН. Вы не знаете? А, у Вас, небось, другие модели, старые. Он такой – как две сложенные тарелки, а вверху выпучивальница...

ТАРАНТОГА. Летающая тарелка!

ГИППЕРКОРН. Мы говорим: хронобус. Но выходить из него нельзя. Чтобы не изменить чего-нибудь в прошлом...

ТАРАНТОГА. А скажите, что будет у нас здесь в будущем?

ГИППЕРКОРН. Ну как что? Колоссальный избыток транспорта, стереовидеомагнитофонов, холодильников, цветных домов, фантодромов, неслыханный порядок, гигиена, абсолютная трезвость и всё путём!

ТАРАНТОГА. Да нет, знаете ли, меня интересуют важные исторические события в ближайшем будущем.

ГИППЕРКОРН. А, этого я не знаю.

ТАРАНТОГА. Как это? Вы что, в школе не учились, что ли?

ГИППЕРКОРН. Да я болел часто...

ТАРАНТОГА. Что Вы мне тут рассказываете?! Вот что, либо Вы будете говорить, либо...

ГИППЕРКОРН. Не сердитесь. Я скажу правду. Никому не говорил, но Вам скажу. Когда меня записали в гипназию...

ТАРАНТОГА. В гипназию?

ГИППЕРКОРН. Ну да, там учат всему по ночам. Дети спят, а им вшѣптывают всё, что надо. А я не хотел учить ни геометрию, ни историю, ни фантоматику, ни орбитронику! Я хотел видеть во сне всякое такое... как взрослые! Вы, небось, скажете: дурак! Ну и что, а зато уж чего я только не навидался! Королѣм был, царѣм и этим... фараоном. А как подрос, так заказал себе планету, где десять тысячѣ прелестных дам двора королевы Эполисеи! Ну, с этой планеты я еле ноги унёс, зато уж пожил!!

ТАРАНТОГА. Где находится эта планета?

ГИППЕРКОРН. А? Да нет её на самом деле, это же сны на заказ. Есть сны, запрещѣнные для детей до двенадцати, но я-то именно такие и выбирал!

ТАРАНТОГА. Словом, вместо того, чтобы учиться, Вы сны смотрели?

ГИППЕРКОРН. Вроде того. Но разве из этого следует, что из-за меня будет вторжение нанов, и глия всё возьмѣт... ведь я же ничего плохого не хотел... девушка мне понравилась...

ТАРАНТОГА. Да-да. А откуда Вы знаете обо мне?

ГИППЕРКОРН. Ну, скажете тоже! О Вас любой ребёнок знает! Это же Вы изобрели машину времени!

ТАРАНТОГА. А Вы не знаете, почему на моей машине нельзя отправиться в будущее?

ГИППЕРКОРН. Да есть какой-то барьер... (Голос меняется – теперь это голос Новака.) В 3214 году утвердили закон о невмешательстве и поставили изохронный барьер... (Ударяет себя кулаком по голове.) Тихо ты! Я сейчас говорю!

ТАРАНТОГА. Что-что?

ГИППЕРКОРН. Да это Новак во сне... В общем, не помню, профессор. Никогда не интересовался наукой или там техникой. Я ж не изобретатель какой-нибудь...

ТАРАНТОГА. Где-то я это уже слышал...

ГИППЕРКОРН. Ой, беда со мной будет, ой-ой!

ТАРАНТОГА. А что это за наны, которых Вы так боитесь?

ГИППЕРКОРН. Наны? Это умственники. Бывают собственно наны и ещё нуны. С нунами куда ни шло, но собственно наны – эти лезут без мыла куда попало! А уж их эта глия! Уж как заинтересуется человеком – всё, привет! Правда, из неё пасту делают.

ТАРАНТОГА. Пасту?

ГИППЕРКОРН. Да. А у вас нет пасты? А, ну да, у вас же глии нету. А у нас из пасты всё делают: дома, одежду, машины...

ТАРАНТОГА. А как Вы были одеты, когда попали сюда?

ГИППЕРКОРН. А я вообще не был одет. В хронобусе такая одежда... в ней не выйдешь... пришлось всё снять...

ТАРАНТОГА. То есть Вы пытались ухаживать за девушкой голым?

ГИППЕРКОРН. Ну, не совсем. Там был кустик, я отломал ветку... а девушка и сама-то была почти голая, только два лоскутка тут и тут... Я думал... не смейтесь... что это пещерная эпоха. Мы ведь туда направлялись, а это, видать, была остановка в пути. Почём мне было знать? Смотрю: вода, песок, идёт себе девушка...

Актриса в купальнике проходит на заднем плане.

ТАРАНТОГА. Да-да, понятно. А что произошло потом? Ну, когда Вы попали в лечебницу.

ГИППЕРКОРН. Я им говорил, что из-за меня сюда может попасть нан, а где один нан, там и сто, а где сто, там и глия, а из этого может выйти мировая катастрофа!.. а они сказали, что не пропустят ни нанов, ни глию, и заперли меня. Я думал, они ненормальные...

ТАРАНТОГА. Врачи?

ГИППЕРКОРН. Ну да. Но меня Новак убедил, что они не знают того, что знаем мы. Ах, если б не этот нан! И дёрнуло ж его заняться пересадкой как раз в ту минуту, когда эта девушка...

ТАРАНТОГА (показывает часы). Какой сейчас час?

ГИППЕРКОРН. Двадцать семь сорок девять. Зачем Вы мне это показываете? Что это?

ТАРАНТОГА. Это часы. Что это за время Вы назвали?

ГИППЕРКОРН. Вы же спросили, который час.

ТАРАНТОГА. А откуда Вы знаете, который час?

ГИППЕРКОРН. А откуда Вы знаете, что есть хотите? Чувствую. Вы не чувствуете время?

ТАРАНТОГА. Нет. А как Вы чувствуете?

ГИППЕРКОРН. Ну... это у всех нас. От рождения. А у вас не так?

ТАРАНТОГА. Сколько часов в ваших сутках?

ГИППЕРКОРН. Тридцать. Это марсианские сутки. Я ж говорил, что я магурагин.

ТАРАНТОГА (замечает, что у Гипперкорна перевязана рука). А зачем Вы себя поранили?

ГИППЕРКОРН. Да хотел им доказать, что я не искусственник. Я думал, они меня принимают...

ТАРАНТОГА. Искусственник?

ГИППЕРКОРН. Ну, имитаторник. Вы не знаете? Ещё говорят «кибернак», но чаще «искусственник».

ТАРАНТОГА. То есть робот?

ГИППЕРКОРН. Нет, роботы – это было раньше. Когда ещё из железа что-то делали. Они теперь в музеях стоят, ржавые совсем. Искусственник – он из того же, что и человек, но сухой. То есть если его уколоть, кровь не пойдёт. Так вот я и уколол себя, чтобы увидели, что я человек. А как пришли со шприцем, я выпустил Новака, и ему сделали укол. А как он заснул, я встал, взял носок, набил песком, пошёл по коридору, встретил эту, главную там...

ТАРАНТОГА. И Вы её...

ГИППЕРКОРН. Трахнул! Носком по голове! А что бы Вы сделали на моём месте?

ТАРАНТОГА. М-да. Может, Вы расскажете побольше об этих нанах? Откуда они взялись, когда...

ГИППЕРКОРН. А глия их знает! Я не нанолог, извиняюсь. Они бегают скопом, чтобы сделать гвул. Окружат человека с трёх сторон – и всё.

ТАРАНТОГА. Убивают?!

ГИППЕРКОРН. Что Вы! Пересаживаются через него. Им человек нужен для пересадки.

ТАРАНТОГА. А в чём смысл этой пересадки?

ГИППЕРКОРН (*голос Новака*). Наны передают друг другу свои индивидуальности... (*Бьёт себя по голове, голосом Гипперкорна*.) Спи! Кому сказано!

ТАРАНТОГА. Как они выглядят?

ГИППЕРКОРН. Они немного смахивают на лосанки. Знаете, что это? Нет? Это такие баблехи на Марсе.

ТАРАНТОГА. Тоже разумные существа?

ГИППЕРКОРН. Да где там?! Они как растения на Земле. Правда, у них нет ни веток, ни листьев, ни корней, и они не зелёные...

ТАРАНТОГА. Так чем же они похожи на растения?

ГИППЕРКОРН. Они... это... растут... и сахар делают из воздуха... фотосинтез это называется, вот!

ТАРАНТОГА. Кто, наны?

ГИППЕРКОРН. Да нет же, лосанки!

ТАРАНТОГА. Оставим в покое лосанки! Нарисуйте мне нана! (*Даёт карандаш и бумагу.*)

ГИППЕРКОРН. Да я рисовать не умею...

ТАРАНТОГА. Ничего, попробуйте.

ГИППЕРКОРН (*голос Новака*). В какой фазе его рисовать?

ТАРАНТОГА. А они проходят какие-то фазы?

ГИППЕРКОРН (*голос Новака*). Так. Знаете что? Нарисуйте мне воду. Сумеете?

Тогда я нарисую Вам нана.

ТАРАНТОГА. Так они прозрачные?

ГИППЕРКОРН (*снова голос Гипперкорна*). Да всякие. Раньше люди не знали, куда деться. Чем бы Вы ни занимались, в доме... или в кровати... вдруг появляются наны, примериваются – и... Но потом все привыкли. Да и в конце концов от этой их глии польза есть, я говорил.

ТАРАНТОГА. А почему Вы тогда боитесь неприуятностей от нанов?

ГИППЕРКОРН. Да не для меня. Мы-то антинанизированы при рождении. Для вас...

ТАРАНТОГА. А как это выглядит, когда они пересаживаются?

ГИППЕРКОРН. Ну, вот я стою, допустим, тут... двое подбегают спереди...

(*Изображает пальцами рога*.) ...а третий сзади, пониже спины... (*Показывает*.)

...те проходят через головной мозг, а этот – через спинной...

ТАРАНТОГА. Так человек в этот момент похож на чёрта?!

ГИППЕРКОРН. Опять непонятное слово... Но если кто не антинанизирован, то начинают расти волосы на всём теле, потом ногти... Эй, перестань!

ТАРАНТОГА. Что случилось?

ГИППЕРКОРН. Да Нова проснулся совсем! Не лезь! Я с профессором разговариваю! У-у-у! (*Голосом Новака*.) Профессор, это я, Игнатиус Новак!

ТАРАНТОГА. А Гипперкорн?

НОВАК. Этот идиот? Так он Вам ничего не сказал? Голова у меня раскалывается... сделали мне дурацкий укол... О чём Вы? А, да. Ох, ненормальный! Кинулся на директрису, чуть не убил...

ТАРАНТОГА. Он думал, её птолемизируют...

НОВАК. Да ведь он же идиот, непуганый, уникальный! Не понимает, что птолемизацию изобрели только в 2783 году! Какая была глупость с моей стороны присоединиться к такому...

ТАРАНТОГА. Не понимаю ничего.

НОВАК. Сейчас Вы всё поймёте, профессор. Я носитель двух различных индивидуальностей. Принцип Паули, что одна личность может вмещать лишь одну индивидуальность, мы оставили далеко позади.

ТАРАНТОГА. Быть не может!

НОВАК. Может, профессор. Вы же знаете, что мозг состоит из двух полушарий. Вот в каждое из них можно ввести отдельную индивидуальность. Это открыли в 2992 году. Именно благодаря изучению нанов. Они-то это делают уже миллионы лет...

ТАРАНТОГА. Потрясающе!

НОВАК. Сначала делали так для экономии. Например, на космических кораблях, где мало места. Человеку надо нести вахту – вот одна индивидуальность спит, а другая дежурит, потом меняются. Но скоро поняли огромные возможности... скажем, Вам надоело быть блондином... (*Хлопает Тарантогу по лысине*.) ...и охота стать жгучим брюнетом... или вовсе женщиной, понимаете? Что до меня, то я всё

тот самый хронобус, на котором этот олух Гипперкорн путешествовал в прошлое. И когда я спал после дежурства, он увидел какую-то девчонку в купальнике и выскочил...

ТАРАНТОГА. Так Вы и он...

НОВАК. Это трагедия моей жизни! Я влюбился без памяти в Эльсбету Праниек. А она подсоединилась к Берильде Гипперкорн! И я, не видя другой возможности, подключился к мужу Берильды и так склонил Эльсбету к супружеству. Как Берильда она является женой Гипперкорна, а как Эльсбета – моей. Только его Берильда – дура душой, у неё в голове одни шмотки, а моя Эльсбета – стереопакулянтка третьего избрания!.. Эй! Эй, отключись, балда! Сейчас я разговариваю! (*Голос Гипперкорна.*) Убирайся! Нет, это я ему, профессор! А ты что про мою говорил? Что ты тут себе воображаешь? Вылез, потому что захотел, и всё! ТАРАНТОГА. Вы Гипперкорн?

ГИПЕРКОРН. Ну! А кто же ещё? То, что он плёл, всё враньё! Он вообще свинья, я на него жалобу подам куда следует! Он досрочно включается, когда я с моей женой, понимаете? Не может подождать, пока Берильда уснёт и его Эльсбета начнёт действовать! (*Грозит сам себе кулаком. Голос Новака.*) Не слушайте его, профессор! Нужна мне его Берильда! Такая же идиотка, как он сам! Профессор, у меня для Вас масса сенсационных сообщений! Я изложу Вам ход событий на ближайшие пятьсот лет! Я писал об этом кандидатскую, все даты наизусть помню. Я не такой балбес, как этот ментильщик-аматор!.. (*Голос Гипперкорна.*) Как вернёмся, потребую, чтоб его отселили! Пусть ко мне подключат кого угодно, лишь бы не этого...

ТАРАНТОГА. Знаете, Вам лучше дать слово Новаку...

ГИПЕРКОРН. Что-о?! Так Вы тоже против меня?! Ну да я уж как-нибудь справлюсь с таким учёным послепещерной эпохи вроде Вас! Слушайте меня, а то...

ТАРАНТОГА. И не подумаю! Дайте слово Новаку!

ГИПЕРКОРН. Ах, так?! (*Машет кулаками, кричит обоими голосами, давая сам себе затрецины.*) Гипперкорн, прекрати, а то я тебя!.. Катись со своей Эльсбетой, нановатый! Не останусь с ним ни одной наносекунды!.. Профессор, прикажите арестовать этого нанофила!..

Стук в дверь. Новак-Гипперкорн немедленно стихает.

АКТРИСА (*выходит из глубины сценического пространства, облачается в мантию*).

Добрый вечер, профессор! Я его жена.

ТАРАНТОГА. Чья жена, простите?

ЖЕНА (*со смешком*). То есть как «чья»? Новака. Игнатиуса Новака. Законная супруга... Он тут сильно скандалил, а?

ТАРАНТОГА. Ну... не так чтобы очень...

ЖЕНА. Ах, профессор, это Вы из вежливости говорите, но уж я-то знаю. Он у меня этак каждые полгода сбегает, вот представьте себе! Он ведь раньше в цирке работал, чревовещателем, да выгнали его, потому как пил без просыпу. Нигде ему неохота работать, абы сказки рассказывать! Но не мне, что Вы! Ладно, говорю, уж прокормлю тебя, сиди только дома – а он шапку в охапку и ходу! Ему больше нравится психа корчить, чем жить с законной женой в отдельной квартире, со всеми удобствами, подумайте только! Интересно, кто он теперь? В прошлый раз

заявил, что он – Ансат Четвёртый Квандр, сайнтор сексонавтики...

(Останавливается на секунду.) Да... а как надоест, он от всего откажется, выпишут его, он и вернётся. Но в этот раз что-то долго его не было. Уж я бегала, узнавала... Конечно, он опять в дурдоме! Да и там натворил делов, без милиции не обойтись!.. Ну, пошли, Игнатик, пошли домой! Кто он теперь, профессор?

ТАРАНТОГА. Магуранин с Марса.

ЖЕНА. С Марса? Всего-то? Ну, пошли, марсианин мой, пошли быстренько...

(Новак покорно идёт за ней.) Профессор, Вы уж извините за беспокойство!

ТАРАНТОГА. Ну что Вы, пустяки!

ЖЕНА. Спокойной ночи! *(Выходят.)*

Тарантога достаёт бутылку.

ТИХИЙ *(высовываясь из кресла)*. Вот так номер, профессор! Как говорили в прошлом веке, ларчик просто открывался... и прочее.

ТАРАНТОГА. Не желаете ли рюмочку коньяка, коллега?

ТИХИЙ *(встаёт)*. Благодарю, не пью.

ТАРАНТОГА *(наливает, нюхает, пьёт)*. Так Вы считаете, он не из будущего?

ТИХИЙ. Ну, знаете!..

ТАРАНТОГА. А Вы обратили внимание – одета она была, как женщины в наши дни; это они могли высмотреть из своих хронобусов. Но одно дело: увидеть одежду – и совсем другое: освоиться с ней... Она не знала, как шагу ступить в этом одеянии... По-моему, я выиграл пари.

ТИХИЙ. Вот как, профессор? А мне сдаётся, что Вы его проиграли! *(Срывает парик, бородку.)*

Сверху спускается манекен в скафандре. Тихий откидывает шлем. Лицо манекена – копия его лица, лица Новака-Гипперкорна. Входит жена Новака, становится между Тихим и манекеном.

ТИХИЙ. Позвольте, профессор, представить Вам мою супругу! Эльсбета-Берильда Тихая!

ТАРАНТОГА. Ах вот как! А Вы кто же?

ТИХИЙ. Йон-Игнатиус Тихий. Фамилия моей бабки с материнской стороны была Новак.

ТАРАНТОГА. Потрясающе интересно! Особенно если учесть, что матери у Вас не было вообще! *(Резким движением расстёгивает на Тихом куртку. Вместо человеческого тела – механизм.)* Вы не Йон Тихий! Вы – робот Йона Тихого!

Признавайтесь, что Вы сделали с Вашим хозяином! И заодно уж признайте, что пари я всё-таки выиграл!!!

Звучит третий зонг.

Не бывает чудес без людей!

Люди любят любовь и мечту.

И когда тебя спросят: «Ты где?» –
отвечай: «Я приду, я прочту!»

Да, я снова приду! Я приду!

Я такой же, как вы, я такой!

И любую беду отведу,

как бывало оно испокон...

Занавес

Оборотень

Инсценировка по повести Юрия Слёзкина «Козёл в огороде»

1 акт

Время и место действия – первые годы советской власти, т.е. конец двадцатых годов XX столетия, провинциальный украинский городок, собственно, и городом называемый с некоторой натяжкой, помнящий ещё самые разнообразные власти: белых, зелёных, жовто-блакитных...

На сцене – небольшое возвышение (эстрада). На эстраде расположилась группа молодых людей. Это местная комсомольская ячейка, они же – драматическая студия, претендующая с юношеским максимализмом на роль творцов новой, коммунистической культуры в этом мещанском захолустье.

Распоряжается руководитель студии, активист Колька Егунов – нескладный, вихрастый, пошмыгивающий носом. Тем не менее в глазах товарищей он «дока по линии искусства», и его слушают почти беспрекословно.

Комсомольцы разбирают костюмы, маски, музыкальные инструменты, пробуют их, отчего стоит адский шум. Кто-то приплясывает, кто-то пытается жонглировать, кто-то запекает частушку, кто-то встал на руки.

Первый комсомолец *(разучивает текст по бумажке).*

Не пей, товарищ, водка – яд!

Пьяные республику зазря спалят!

Алкоголь – здоровью враг...

Второй комсомолец. *Пить не надо натошак!!*

Хохот, шум.

Колька *(в зал, доверительно).* В летнюю пору нерушимая затишь мреет над нашим городом...

Шум ещё громче.

Колька *(так же).* Надо вам сказать, что город наш, если по совести, и не город, а так...

Варька (*перебивает: она полная противоположность Кольке — ладно скроенная, крепко сбитая*). Та шо там, собаке и то лень пыль понад

вулицей взбить, так и лежить собы, языка вывалив. Та й вулиця — той же шлях, тыльки с заборами...

Колька. Таких городов по обширному лицу УССР достаточное количество, похожих друг на друга, как французские булки из

механической булочной. Встал на бугорок — и весь он тут, как на ладони, обкуривается ленивым дымком, притулившись кудрявым вишеньем на покосившиеся прясла, пучит в небо жёлты очи-подсолнухи...

Варька. Ще церквушка торчит синей дулей...

Колька. Ну, а поскольку он и не город, а так себе, так что ж странного, когда обыватели здешние, вроде бы и люди...

Варька. Клопы они, а не люди! Башка пузырьём, очи навывороте, мозги навыворот!

Колька. Ни война, ни революция, ни смены властей, ни банды не смогли нарушить покой нашего города, точно бы прикрывшегося

шапкой-невидимкой и схоронившегося ото всех ветров за своими, понимаешь, вишнёвыми садочками! Только бы приноровиться к любым порядкам! Что ж такого удивительного, коли сохранился здесь, будто двести лет тому, стародавний обычай игр на Ивана Купала летом, да колядок зимой! (*Важно.*) Ну, это само по себе и неплохо — массовое искусство должно использовать старые формы. Не то ново, что выдуманно вот сейчас, а то, что хоть и старо, а служит новому...

Второй комсомолец (*отбросив костюм и маску*). Только я эту гниду Королевича играть всё одно не согласный!

Колька. Эх! Да пойми ты, дурья башка, у нас агиттеатр!..

Второй комсомолец. Так я ж не против, только роль бы мне какую другую...

Колька. Другую?! Да ты знаешь, что в Елизаветинске устроили показательный суд над бароном Врангелем? Ревтрибунал настоящий,

свидетели настоящие, только Врангеля актёр играл! Так зрители в него стреляли несколько раз — хорошо, не попали!..

Третий комсомолец. Тоже мне стрелки!

Второй. Этого мне ещё не хватало!..

Колька (*сдерживаясь*). Та-ак... За такое отношение к делу, между прочим, можно и билет положить...

Варька (*уж она-то и не думает сдерживаться*). Та шо с ним довго телепкаться!..

Священник (*вбегает с воплем*). Откажитесь, нечестивые, от всих празднеств языческих, не жгите костры поганые, не надевайте личины

Богомерзкие, не пойте песни дьявольские! Сие есть ересь и угождение сатане!!

Колька. Э, бросьте, отец Геннадий, про сатану во всей этой истории и слова нет! (*В зал.*) Отец Геннадий Голгофенский! Сразу после

революции он было расстригся и даже выступал с лекциями «Нужна ли церковь, или как я обманывал верующих». Но потом что-то просчитал, прикинул и решил, что ему лично церковь ещё нужна, да и вернулся в лоно. С тех пор ревностно анафемствует и запрещает играть летом на Купалу и колядовать на Рождество... Ничего, святой отец! Рождество да Купала нам самим не больно нужны, а вот к делу их непременно приспособим!

О.Голгофенский в гневе убегает.

Комсомольцы (*поют ему вслед*). У попа была собака, он её любил ...

Шум приближающегося поезда. Из поезда выпрыгивает небольшой, не лишённый изящества человек. Падает.

Колька. Вот с этого пришельца – по фамилии, как потом выяснилось, Козлинский – и началась вся эта невероятная и глупая история, которая многое в нашем городе перевернула и многое поставила на свои места. Хотя вот наш звонарь Никипор считает иначе ...

Никипор (*сверху*). С Алёши всё началось, побей меня Бог!

Почтальон (*с почтовой сумкой, пробегает, останавливается и орёт, задрав голову*). Никипор! Гей, Никипор!!

Никипор. Шо, Клуня?

Клуня. А шо ж ты, зараза, спишь там у себе на каланче? Шо ж ты который час не отзваниваешь?! Солнце над тобой пристало, чи шо?! (*Убегает, не дождавшись ответа.*)

Никипор (*вслед ему*). Тю! Какая твоя забота? Чи у Киев едешь?

Колька. Ну, это он зря. Нашему Клуне до всего забота. Он не только почтальон, но и самый занятой человек в городе. Однако о нём речь впереди. А в то утро Никипор проснулся сам...

Удар колокола. Козлинский встаёт, ощупывает себя.

Колька. ...не на призыв почтальона, а от какой-то внутренней причины...

Никипор (*спускаясь ниже*). Быдто стало мне чевой-то под сердцем тошно, а в глазах зуд – я возьми и проснись... (*Спускается ещё ниже.*) Только я это сплунуть собрался – гляжу: Алёша! А я ведь без ошибки знаю, шо Алёша никогда об эту пору из конюшни не вылазит. Мне так и запало в голову, шо то неспроста – Алёша зря ничего не делает!

Колька. И далось Никипору по вере его. (*Берёт маску чёрного козла.*)

Никипор. Вышел Алёша на самый припек, постоял, да и побёг. И куда б вы думали?

Все. Куда?

Никипор. А туда! (*Указывает пальцем в сторону приводящего себя в порядок Козлинского.*) А там такой пыльный человечек на тонких

ножках, в руке шо-то такое держит продолговатенькое, такая себе фитюлька неуважительная, на шарманщика похож. (*Козлинский поворачивается.*) О, и с лица он был грязен, як той чертяка, шо намалёван на плакатах...

Колька. Это Никипор про изображение холерного вибриона, в те дни расклеенное у нас... (*Надевает маску, кидается на Козлинского.*)

Никипор. Алёша к нему, приостановился, нацелился, а потом ка-ак даст!

Козлинский, преследуемый Колькой в маске, убегает за кулисы.

Никипор. Ну и комедия, скажу я вам! Чистая комедия! (*Поднимается повыше, чтобы следить за развитием событий.*) Алёша ну

поддаёт, ну поддаёт, а той от него, а Алёша за ним, а он ходу, а этот его рогами, а той его по башке ящиком... (*Козлинский и Колька в маске перебегают сцену.*) И так всё далей, этот вьюном, а тот следом... (*Пауза.*) В летний сад забежали... А теперь... ничего!

Первый комсомолец. Чего ничего?

Никипор. Да вот так и есть, шо ничего. Пропали!

Варька. А негож!

Третий комсомолец. Из виду пропали?

Никипор. Та не, какой там з виду, не з виду, а прям-таки на ровном месте сошли на нет.

Первая комсомолка. Как же это могло быть?

Никипор. Стало быть, могло, раз я сам видел.

Вторая комсомолка. Солнце, наверное, ослепило.

Никипор (*выдержав презрительную паузу*). Солнце тыльки дурням очи слепит, а я про Алёшу знаю и мне тут никакой диковины нема.

(*Забирается наверх, уходит.*)

Второй комсомолец. Конечно, пропасть они не могли. Но куда же они делись?

Колька (*входит с маской в руке*). Провалились они. Не пропали, а попали! В подвал к бандитам! (*Швыряет маску за кулисы. Грохот.*

Падение Козлинского в оркестровую яму.) Вот тут, в летнем саду, в двух шагах отсюда, был, оказывается, бандитский схрон. Только об этом стало известно куда позднее... Алёша насмерть расшибся, а этот...

Козлинский, шатаясь, встаёт, ощупывает себя, подбирает упавшие очки, протирает их, водружает на переносицу, потирает ушибленные места, поднимает чемодан.

Первый бандит. А ну стый!!!

Бандиты окружают Козлинского.

Козлинский. А... а... а в чём дело?

Второй бандит. А у тому, шо мы тебе, раз уж ты к нам таким ото манером в гости свалился, выпустить без допросу не можем и должны обсмотреть, какая твоя линия, и шо надо себе узять...

Козлинский (*взвизг*). Как так?! На каком основании вы взять можете?!!

Второй бандит. А дюже просто! (*Берёт Козлинского за шиворот.*) Ось так!

Третий бандит. А ну, живей! А то мы тебе самого вытряхнем ногами кверху.

Бандиты отбирают у Козлинского бумажник и чемодан.

Первый (*это главарь; достаёт из бумажника деньги, считает*). Десять...

двадцать... сорок... сто... сто пятьдесят, эге! Це дило! Значит, чемойдан и червончики мы соби заберем, а ты вали отседа, да только подалей!

Третий. А може, краще прикончим его, та и усе тут?

Второй. И ваших нет!

Козлинский (*в истерике*). Приканчивайте! Приканчивайте, а тогда уж и всё забирайте!

Четвёртый. Эге! (*Перехватывает обрез за дуло, целится в голову Козлинского прикладом*).

Главарь. Та на кой ляд руки поганить? Лишняя статья нам без надобностей.

Четвёртый. Эге. (*Опускает обрез*).

Козлинский. Уж как хотите! Мне без денег и чемодана всё равно зарез! Деньги эти не мои, а казённые, меня под суд отдадут, а в чемодане весь мой производственный инструмент!

Главарь. Який струмент, еловая голова? (*Извлекает из чемодана рубашку, подштанники, журнал в яркой обложке, машинку с ручкой наподобие кофемолки.*) Шо ты отуто брешешь, га?

Козлинский. Ой, да ничего ж я не брешу, а без орудия производства я человек погибший!

Хватает машинку, срывает с главаря шапку, обнажив лысину того, скручивает, запикивает в машинку, лихорадочно крутит ручку. Из машинки вылезает длинноволосый парик. Козлинский надевает его главарю на голову. Бандиты в восторге.

Четвёртый. Эге!!!

Козлинский. Разве мне можно такого лишиться?!

Главарь. Так шо ж ты нам сразу не сказал, шо ты актёр, га? Шо ты фокусы показуешь? *(Хлопает Козлинского по плечу, отчего тот*

приседает.) Ото ж бисова дытына – чего зря бреше-бреше, а дила не каже. Мы б тебе и не чепали. Бо актёры ж – свои люди. *(Хохочет.)*

Сами ж у тиятры ходымо! То ж зовсим друга песня. На тоби чемойдан... *(Кидает чемодан к ногам Козлинского.)* А шо до червонцев – я

так розумию, и хлопцу, мабуть, со мною согласные: казенны гроши на то ид рукують, шобы их не гудували, а воровали.

Четвёртый. Эге ж!!

Главарь. Заробишь фокусом, будешь дурнем – воротишь, а не воротишь – отсидишься, и усе тут. Нашему брату оно не в диковинку...

Четвёртый. Эге ж!! *(Совсем по-приятельски тычет Козлинского в живот дулом обреза.)*

Главарь. А шоб приятельского знакомства не поминал поганым словом – ось тоби на розжиток пъять карбованцив. А фишку пустишь –

публика и до отказу набежить...

Третий. Сыт и пьян будешь.

Главарь. У нашему мисти фокусы любяты.

Второй. Тільки уговор: про нашу встречу мовчи, а ни слова...

Главарь. По дружбе кажу, на завтра утречком у нас забота – почты прымать.

Багатык грошей прислано. Так нам сподручней тишком

везти, шобы якась лиха людына не отобрала у сиротинок...

Бандиты гогочут.

Козлинский *(только теперь осознаёт, насколько он был близок к гибели).* Да я, братцы... да мы с вами... вы с нами... одна семья... нигде-то

нам покоя нету... мыкает нас по белу свету... век помнить буду, такое приятное знакомство... *(Завраившись, умолкает.)*

Главарь. Чуешь, як будешь фокусы показывать – нас не забудь. На хорошие места контрамарочки выдай!

Второй. Тільки помни – поаккуратней!

Третий. Навроде нас и не бачив!

Четвёртый. Эге ж!

Главарь. Ну, бувай здоровенький!.. та чемойдан держи, куда ж ты!

Козлинский уходит. Бандиты прячутся.

Входит Бекетов.

Колька. А это к нам пожаловал гражданин Бекетов Семён Иммануилович, хозяин гостиницы... *(Сверху спускается вывеска «Гостиница*

“Ривьера”».) Человек он бывалый и скептический...

Бекетов. Да и как тут не быть скептическим...

Колька. ...но искусство очень даже уважает...

Бекетов. ...когда дела идут не блестяще, а не блестяще они идут уже по одному тому, что в городке живут местные обыватели на своём

хозяйстве, посторонним же здесь делать нечего. Раньше, положим, во времена доисторические, съезжались на ярмарки помещики и

жулики – эти уж умели пускать денежки в трубу, а в наши дни...

Колька. ...и только наезды на наш городок бродячих трупп с гастрольными турне, непременно при участии артистов московских

гостеатров или державных киевских...

Бекетов. Ну, это же совсем другое дело! Вы ж понимаете, актёры – это такие существа... Среди них, между прочим, попадаются ай какие

красавицы! Когда я, знаете ли, был помоложе, м-да... Я в своё время таки не зевал по женской линии, уж будьте уверены!

Колька. Актёрская братия заставляет Семёна Иммануиловича забывать весь скептицизм, хотя прибытку от них никакого, скорей наоборот.

Бекетов. Да уж, что и говорить. Зато шуму! В два часа ночи они требуют чаю! С утра – водки! Без всякой причины хохочут, без всякого

повода проклинаят всё на свете... да вот и в тот несчастный день...

Колька. Когда Алёша исчез?

Бекетов. Совершенно верно... в тот день ко мне с двухчасового ввалились

(Голосом конферансье.) ...эксцентрики и эквилибристы братья и сёстры... 4-Николины-4!!!

Вбегают Николины.

Колька. Итальянцы, значит?

Бекетов. Положим, они таки итальянцы, как я марсианин...

Колька. Но хоть братья и сёстры действительно?

Бекетов. Вы ж понимаете – действительно! В номерах расположились попарно, да и сходства ни малейшего!

Николины шумят, раскладывают свой реквизит.

Бекетов. И в это самое время вдруг слышу – стучат...

Резкий стук. Входит Козлинский. До сих пор он был на заднем плане или в нереальном освещении. Теперь его можно рассмотреть в деталях. Это молодой человек в сером, несколько помятом, но явно заграничном костюме, в мягкой шляпе, в гетрах и жёлтых полуботинках. В руке у него чемодан. На носу великолепные очки в роговой оправе, на лице – шкиперская борода. Он вытирает лоб носовым платком, потом тем же платком счищает грязь с брюк и гетр.

Козлинский. Есть тут кто-нибудь?

Бекетов *(подходит к нему; философски).* Кто-нибудь всегда есть. Вам нужен номер?

Козлинский. Да-да, конечно. Вы хозяин? Так возьмите мой чемодан... или нет, не надо, я сам!.. но только отведите мне номер какой-

нибудь почище... У вас все чистые? Тем лучше. Но всё-таки я очень прошу – самый чистый.

Бекетов. Прошу!

Козлинский (*идёт, припадая на левую ногу*). Так... Вот это и есть самый чистый номер?

Бекетов (*флегматично*). Почему нет? Можно сделать и самый чистый. Когда человек хочет, чтоб было чисто, так будет чисто...

Козлинский (*строго*). А вы уверены, что человек может сделать всё, что захочет?

Бекетов. Ну... я знаю... товарищ артист, наверное, умеет делать то, что захочет?

Козлинский. Артист?! (*Пауза.*) Это они... (Смотрит в ту сторону, где тернируются Николины – а может быть, туда, где пребывают

бандиты...) ...артисты... а я... Но вы, должно быть, хотите получить мои документы? Сию минуту... (*Открывает чемодан, роется в нём, достаёт паспорт, подаёт Бекетову.*)

Бекетов (*читает*). «Козлинский... Алексей Иванович...» Ага! Очень приятно! Семён Имануилович! (*Кланяется.*) Пожалуйста вперёд за

номер.

Козлинский даёт ему деньги.

Бекетов (*взяв деньги, отходит к Кольке*). Вы понимаете, сперва я решил, что это фокусник из одной компании с этими Николины. Потом

вижу: у него в чемодане заграничный модный журнал. Ага, думаю, это, наверное, дамский портной! Но тут я присмотрелся и вижу: у него на носу и на руках свежие царапины! Э, соображаю я, да он не артист и не портной, а так себе побитый шулер...

Колька. Но он вам заплатил?

Бекетов. А почему нет? Он мне заплатил за два дня, причём отдал всё, что у него было, кроме двух рублей.

Колька. Почему вы так думаете?

Бекетов. Зачем мне думать? Он мне сам это сказал, и я заметил, что он не врёт...

Козлинский (*прячет бумажник*). Мне завтра должны прислать ещё. Я уже дал телеграмму. А пока хватит. Завтра... да, завтра... (*С ужасом.*) Господи Боже мой!! Но ведь завтра... почта!! (*Убегает.*)

Бекетов. Э! Куда же вы?

Козлинский (*издали*). Мне нужно... побриться! (*Исчезает.*)

Бекетов. Ну? Как вам это нравится? Требовал самый чистый номер, хотел отдохнуть, а сам выскочил, как сумасшедший, и пропал...

(*Пожав плечами, уходит.*)

Входит Люминальский с зеркалом.

Колька. Парикмахерская в нашем городе одна...

Варька. И та ни к чему!

Второй комсомолец. Лихо его знает, зачем только Люминальский...

Люминальский кланяется.

Второй. ...открыл эту мастерню!

Колька. Что ж удивительного, что стал Люминальский...

Люминальский кланяется.

Колька. ...задумываться!

Варька. Чого?

Колька. Задумываться!! (*Крутит пальцем у виска.*)

Все. А-а-а!

Люминальский негодующе отворачивается.

Колька. Сидит этак перед дверью своего заведения, сам выбрит и пострижен модным фасоном, рубашечка иностранная весёленького цвета

– симпомпончик! Но в глазах – мысли! Созерцает и размышляет, что твой

Архимед! Иногда разве очнётся поговорить со своим отражением...

Люминальский (*обращаясь к зеркалу*).

Всё ещё киснете, мон шер, всё то же, там же?..

(*Другим голосом.*)

Ах, Грегуар, откуда взяться переменам?

(*Далее – та же игра.*)

А что же эдак-то, спросить у вас позвольте?..

Благоприятной атмосферы нет в помине!

А вы в Москвы бы – там у них размах широкий!..

Ну нет, мон шер, ле гран мерси, уж я-то знаю,

размахи эти мы во всех видали видах,

уединенье соблазнительней гораздо!

Что ж, Грегуар, ответ вполне резонный:

аскеза ваша для философа полезна.

И я, чтоб вас не отвлекать, прошу покорно

мне сделать только настоящий ку де брос!..

(*Опрыскивает себя из пульверизатора, чихает.*) Будьте здоровы, шер

Грегуар!... Мерси!... (*Причёсывается.*) Готово-с в лучшем виде, мон ами,

прошу... (*Чихает.*) Мерси, мон шер, и будьте здоровы! (*Чихает.*)

Козлинский (*входит*). Будьте здоровы!

Люминальский (*изумлён*). А?! А... Мерси-с...

Козлинский. Надеюсь, следующая очередь за мной? Я не спешу, но ожидание меня нервнрует. И где же мастер?

Люминальский (*не веря своим ушам*). Чего-с?!

Козлинский. Я спрашиваю, куда исчез парикмахер. Ему следовало бы исполнять свои обязанности, а не бегать где-то, задерживая

клиентов.

Люминальский. То есть как же-с? Позвольте узнать, что... вам... угодно?

Козлинский. Как что? Надеюсь, я попал в парикмахерскую, а не в ресторан? Мне угодно побриться.

Люминальский (*в волнении*). Побриться!! О-о!! (*Бросает пульверизатор, который до сих пор судорожно сжимал в руке, вскакивает,*

прижимает руки к сердцу, мечется.) Ах, пардон, миль пардон, прошу вас,

будьте любезны... (*Надевает белый халат.*) Сделайте одолжение...

(*Усаживает Козлинского в кресло, возится с инструментами.*) Мсье, по

всему видать, приезжий?

Козлинский. Приезжий.

Люминальский. А... как бы это не обидеть нескромностью, позвольте узнать – издадека ли?

Козлинский. Что же тут нескромного? Из Москвы.

Люминальский. Из самой Москвы?!

Козлинский (*небрежно*). Собственно, сейчас из Москвы, а до того побывал в Берлине. Я к вам ненадолго...

Люминальский (*в восхищении*). В Берлине?!

Ах, миль пардон, позвольте – из Берлина?!

То есть, выходит, из-за самой границы?

Невероятно, непонятно, невозможно!!

Ах, Боже мой, какие, право, чудеса!!

Козлинский. Что же тут такого чудесного?

Люминальский (*приплясывает вокруг Козлинского*).

Да как же, что вы – настоящий посетитель!

Живой, здоровый, хромоногий, бородатый!

Он из Москвы, притом проездом из Берлина!

Ах, это чудо, это прелесть, это миф!!!

Козлинский. А вы, я вижу, большой чудак.

Люминальский (*успокаиваясь*). Какое там чудак, мсье, просто сказать – мизерер.

Козлинский. Что такое?

Люминальский. Мизерер-с! Несчастный, одичавший гражданин, опустошенная душа.

Козлинский. Почему же так?

Люминальский. От превратностей судьбы и застенчивого характера, мсье. Попал сюда из царства польского, переждать грозу

рассчитывал. А вышло совершенно наоборот. Завяз, и точка.

Козлинский (*понимаяще*). Дело не пускает?

Люминальский. Что вы, мсье! Разве тут, пардон, можно делать дела?

Козлинский (*строго*). Дела, любезнейший, можно делать всюду – при умении.

Люминальский (*в полном восхищении*). Ах, мсье, только не здесь, пароль доннер! Здесь абсолютнейший застой!

Козлинский. Однако у вас парикмахерская. Разве это не дело?

Люминальский. Скорее каприз души. Когда бы не бараны...

Козлинский. Бараны?!

Люминальский. Я, изволите ли видеть, весною по всему округу баранов стригу.

Козлинский. Ах вот как. А козлов – тоже?

Люминальский. Козлов – нет, мсье. Да если Вам интересно, я могу по пальцам перечесть клиентов: во-первых, председатель Совета – он

только стриётся раз в месяц, затем начальник милиции – голову у меня бреет, а усы и бороду сам, бритвой «жиллет»... далее фининспектор...

Козлинский. Минутку! Вернёмся к нашим баранам! Может, Вы меня побреете всё-таки?

Люминальский. О. Миль пардон, мсье! Водичка греется... да вот она уже готова! (Намыливает Козлинского.)

Козлинский (*сквозь пену*). Так, значит, дела Ваши – из рук вон плохи?

Люминальский. Прямо скажу, мсье, как говорится: четыре сбоку – ваших нет!

Козлинский. А женщины разве у Вас не стригутся?

Люминальский (*роняет бритву*). Женщины?! Шутить изволите, мсье, стиженки у нас за неприличных считаются, на них пальцами

показывают, в порядочный дом не пускают! Только эти... комсомолки... друг друга под скобку чекрыжат...

Козлинский (*возбуждённо*). Да что Вы? Не стригутся? Это Вы не врётё?

Люминальский. Что Вы, мсье, помилуйте!

Козлинский. Странно... Очень странно... Разве это можно – не стричься...

Люминальский. Вполне с Вами согласен, мсье, абсолютно нельзя при нынешнем модном сезоне.

Козлинский. При чём тут модный сезон? Тут не мода, а очередная культурная задача – установка на новый быт!

Люминальский (*на всякий случай поддакивает*). Совершенно верно, мсье, именно задача.

Клуня (*врывается*). Ну так оно и е! Ну разве ж не дурья ты голова? Стоить отуту и брееть у той самый час, когда у городе паника! Ну хто тебе на свет породил отакого?!

Колька. О, это снова наш Клуня. Иначе, как криком, он разговаривать не умеет.

Клуня. Ну, шо ты зробишь? Сбёг, забодай його душу!

Люминальский. Кто? Куда?

Клуня (*передразнивает*). Хто... куда... (*Выдержав паузу.*) Алёша, вот кто!

Окончательно пропал и при тёмных обстоятельствах... А ну-ка, хвилософ, пораскинь думалкой, как ето понимать! Сдаётся мне, дело дрянь... быть нашему городу в перетрухе... (*Убегает столь же стремительно, как и ворвался.*)

Люминальский (*загораясь любопытством*). Эй! погоди! (*Бросается вслед.*)

Расскажи толком! (*Убегает.*)

Козлинский добривается своими силами. Кладёт на подзеркальник монету, уходит. Возвращается Люминальский.

Колька. Эй! Мусью Грегуар! Что ж это Вы клиента недобритым бросили?

Люминальский. Ах! Ваша правда! Где была моя голова!.. Нету! Ушёл! Мсье!

(*Загорается гневом.*) Экий мазурик! Ушёл, не заплатив за работу! (*Машинально поправляет причёску перед зеркалом.*)

Колька. Не спешите с оргвыводами, мусью Грегуар!

Люминальский. Ах, пардон! Вот – он оставил деньги! (*Берёт монету.*) О! Вы подумайте, благородство какое: за одно бритье –

полтинник! Вот что значит настоящая зарубежная культура! О, это человек крупного размаха! И с большими денежными ресурсами!

Колька (*хмыкнув*). Повторяю, мусью Грегуар, не спешите с оргвыводами!

Люминальский. Нет уж, не говорите! Я уверен, у него совершенно определённые планы. Знать бы вот, какие? Знать бы... Знать бы...

(*Уходит.*)

Вбегает Клуня.

Колька. И снова Клуня! У нас он, как петух в курятнике, – главное лицо! Или, по крайней мере, себя за такого держит. Ему всегда всё известно и даже за пять минут до того, как случится.

Клуня. Да уж не сумлевайтесь!

Колька. С утра до вечера мотается он по городу, без стука вваливается в любую дверь, всем говорит «ты»; подав письмо, ждёт, когда оно будет прочитано и

пересказано ему. Но больше всего любит занести газеты к нам в клуб и потолковать о политике и новом быте.

Комсомольцы окружают Клуню, берут газеты.

Клуня. Я так скажу: пусть наше пролетарское правительство орудует как знает, мы его завсегда поддержим, но вместе с тем пусть помнит, что мы на местах тоже фигуры на ять!

Колька. Также любит он обличать местное начальство в лице предисполкома, начмилиции и прочих. Мы так и зовём Клуню «живой газетой» и даже поднесли ему к 1 Мая пионерский галстук...

Варька повязывает Клуне галстук. Клуня его с гордостью расправляет.

Клуня. Наш громадянин шо осёл, не раздражишь – не побежить. Ой, и много же нам треба маяться до того часу, колы цей клоп индыфентный со сна очи протрёт.

Комсомольцы хохочут, аплодируют.

Колька. Но есть и у нашего неукротимого общественника Клуни слабость вполне личного свойства. Да, и его робеспьеровское сердце уязвимо!

Клуня. Ты на себе спервоначалу оглянись! Моё сердце старо, да крепко, а твоё молоденько, да кирпато!

Колька. Так я и не спорю – эту слабость отчасти разделяю с Клуней и я... и не только я... и есть у слабости этой имя... *(Нежно.)* Сонечка...

Клуня *(внушительно)*. Софья Ивановна.

Колька. ...и ежедневно сидит она за стойкой в кондитесркой своего папаши. Хотя вовсе не считает это своим призванием. Нет уж! Сонечка

бесповоротно решила стать киноактрисой. Проверая свои киногоенические способности, она каждый день причёсывается по-новому и в этом смысле уж точно гениальна. Ну, некоторые утверждают, что, гениально причёсываясь, можно быть неплохой продавщицей в кондитерской, но никак не сносной актрисой. Но тут уж и спорить нет смысла. Смотайтесь-ка в столицу, побывайте на наших киностудиях, тогда и поговорим.

Тем временем выдвигаются вывеска и стойка кондитерской. За стойкой – златокудрая Сонечка.

Колька *(товарищам)*. Я сейчас!.. *(Вместе с Клуней направляется к кондитерской.)*
Среди комсомольцев возмущённый ропот.

Варька. Знову до своей Сонечки побёг, идеологический рататуй!

Первый комсомолец. Ну, может, он её перевоспитает?

Варька. Кого? Сонечку? Ото сказанул! Як в лужу, звиняюсь... Та я ж её знаю, як облуплену, я ж у их пять роки в прислугах була, отой

Сонечке платье чистила, погану посудину выносила... Та скорись вона його перевоспитае, тьху!

Клуня. Доброго денёчка, Софья Ивановна!

Колька. Добрый день, Сонечка... *(В зал.)* Да, в нашем городе Сонечка – величина заметная и на данном этапе авторитетная. Особенно с тех

пор, как фамилию поменяла, из Софьи Близнюк – Софи Нибелунговой стала!!

Сонечка. Папаша меня едва из дому не выгнал!

Колька. Зато уж поклонники скинулись на корзину роз, так?

Входят поклонники, внося столики и стулья, рассаживаются.

Колька. Вот начмилиции товарищ Таббарко! (*Таббарко кивает.*) А это вам уже известный Люминальский! (*Люминальский кланяется.*) А

это гражданин Дриш-Дрепановский, он член правления кооператива! (*Дриш-Дрепановский ставит розы на стойку.*) И, наконец, мы с почтальоном

Клуней... ну, нас-то здесь почти не замечают... (*Садится.*)

Сонечка. Любовь – мешанские предрассудки, брак – уродливый пережиток...

Клуня (*подходит к стойке*). Стаканчик шипучей водички, будь ласка! (*Кладёт монету.*)

Сонечка (*наливает воду*). ...а влечение полов – мерзость! (*Подает Клуне стакан.*)

Поклонники дружно вздыхают.

Клуня (*оглядывая всех*). Сидите, значить... Ну и помогай вам попова кобыла!

Дриш-Дрепановский. А ты всё бегаешь? Оно без капелюха на солнышке опасно – мозги растопит.

Клуня (*пропускает шпильку мимо ушей, допивает воду, садится на край столика, свёртывает самокрутку*). Конечно... кому в хате

ховаться, а кому по свету шататься... кому рыбу удить, а кому её с чужого улова варить... (*Пауза.*) А тебе, товарищ Таббарко, известно, какая мура творится у городе нашем с самого, значить, утра?

Таббарко (*усмехнувшись*). Что же в нём такое творится?

Клуня. Вот то-то и оно, шо вы все ничегошеньки не знаете... а мне первому всё самолично известно, и я могу происшествие удостоверить несравненно и честно!

Сонечка. Ах, ну так расскажите же скорей!

Таббарко. Не тяни резину! Излагай!

Клуня. Алёша исчез!

Дриш-Дрепановский. Ну?

Клуня. Вот те тпру! В самый солнцепёк он на площадь прискакал, прошёлся эдак, на приезжего напал...

Сонечка. На какого приезжего?

Клуня. Об приезжем речь впереди... так, говорю, напал, а после середь бела дня – пропал!!!

Сонечка. Ах, это совершенно эпизод из монтажа гениального Грифитца! У него тоже наплыв спева, потом крупным планом какое-нибудь животное, потом диафрагма и тьма...

Дриш-Дрепановский. Да-а... это действительно... история крайне аллегорическая...

Таббарко. Да ну, ерундовина какая-то! Напал, пропал... Ну, пропал козёл, и шут с ним! Охота вам...

Дриш-Дрепановский. Но позвольте, а как же прикажете понимать спасение Алёшей самого товарища Кастрюлина?

Таббарко. Базарные сплетни это!

Клуня. Ну, это ты брешешь, ты в городе нашем недавно, ты разве был при знаменательном том случае? А я-то его видал, как факт, вполне исправно и самолично-доподлинно это удостоверяю! Кабы тогда Алёша в колокол не забил, где бы сегодня товарищ Кастрюлин был? Его бы с отрядом петлюровцы сонных

взяли, да к стенке всех! Это тебе, гражданин начальник, совсем не смех! А уж товарищ Кастрюлин тебе не тьфу и не кто-нибудь! У его благодарность от самого Будённого, не забудь! Только когда б не Алёша, так не было б ни благодарности, ни самого... Нет, наш козёл доподлинный жизнеспаситель, во!

Колька (в зал). Алёша в город наш был привезён вовсе махоньким некоей госпожой Едыткиной ещё до войны и революции. Вырос он на диво громадным зверюгой, руно на нём было густое, рога коленчатые, борода землю загребала, глаза глядели зло и упрямо! Не было в округе такого козла!

Дриш-Дрепановский. Козёл, знаете ли, он не просто так. В этих стародавних обычаях, освящённых, так сказать веками, всегда что-то есть. Например, при конюшне непременно должен быть козёл, лучше чёрный, чтобы домовые могли на нём кататься. Иначе коней насмерть заездят...

Таббарко. Ерунда! Город – не конюшня, а домовые давно повывелись!

Дриш–Дрепановский. Или другой обычай, в деревнях кое-где и сейчас: ставят козла на бугорок и заставляют девиц на выданье

дефилировать перед ним. Ежели девушка невинна, козёл заблеет, а нет – смолчит. Ну, девахи, натурально, не дуры: берут булавки подлиннее и незаметно колют козла, чтобы подал голос.

Таббарко. Дикость какая!

Дриш-Дрепановский. Или ещё обычай, уже совсем допотопный – сплетали венок, надевали на козла и гнали его в сторону вражеской земли. Якобы он уносил туда все грехи, все беды, всё лихо...

Таббарко. Да мало ли чего люди раньше вытворяли, в старорежимные времена!

Колька (в зал). Примерно с середины революции Алёша устроил себе пристанище под каланчой. Пожарные попытались его турнуть, но он одному дал под зад, другому штаны порвал, а третий уж и сам не прельстился. Таким образом стал Алёша, как многие верили, несменяемым стражем...

Появляется Хор обывателей.

Первый обыватель. Алёша у нас с характером, вы уж и не говорите!

Второй обыватель. Он всему городу защитник и охранитель!

Третий обыватель. Он к нашему городу не подпускал лиха и зла!

Четвёртый обыватель. Нас всякая власть бескровно брала!!!

Дриш-Дрепановский. Да, был козёл, благородный и древний зверь...

Хор.

Да был козёл, город оберегал, а что теперь?!

Все суховеи с нами он претерпел, нищету превозмог...

Люминальский. От разорения уберёт!

Клуня. Да, был козёл, а теперь невесть чего ожидай!

Хор. Ай-ай-ай-ай-ай!!!!

Таббарко. Да ладно выть-то! Может, он и не пропал вовсе! Может, дрыхнет где-то...

Хор. Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай!!!!

Клуня. У городе паника! А ты, гражданин хороший!..

Хор. Ай-ай, что делать нам без Алёши?!!

Клуня. Так вот, только что город Алёши лишился, как в тот же час у него другой объявился!

Сонечка. Другой? Как интересно!

Таббарко. Это ж ты панику и распускаешь своими сенсациями!

Клуня. Никакие не сенсации, а факт, об том уси в городе вже знают, а я удостоверяю. Алёша-то пропал, зато остановился у Бекетова в

«Ривьере» приезжий по фамилии Козлинский, а по имени Алексей –
примечайте! Я его самолично видал сперва у Люминальского – был он в
бородке козьей, но без усов...

Люминальский. Необычайно культурный человек, из-за рубежа, при большом
капитале и замышляет важное дело. Знать бы вот только,
какое!..

Клуня. ...а во второй раз я его видел входящим на почту, вже без бороды, та ще и
хромал на левую ногу!..

Сонечка. Ах!

Дриш-Дрепановский. Кто же он такой, козлоногий пришелец?

О.Голгофенский (*появляясь точно из-под земли*). Оборотень он! Чувствуйте!

Оборотень! В иных местах иконы обновляются, а в иных

звери личину человеческую принимают! Зрячие да увидят, имеющие уши да
услышат!!.

Хор. Ай-ай-ай-ай!!!

Клуня. Тьху! Не-е, так оставить нельзя, треба самолично у его спытать, куда он
Алёшу сховал? И шо ему здесь треба? Он думает, шо если

он очки и шляпу нацепил, а бороду отцепил, так уже и...

По сцене колесом прокатываются Николини-4.

Первая Николини. Ну уж про такого человека трудно даже предположить, куда
его занести может! Оп-ля! (*Прыжок.*)

Второй Николини. Уж мы какие виртуозы, а и то за ним не угонимся! Вуаля!
(*Убегают вдвоём.*)

Сонечка. Вы подумайте...

Клуня. А я вам про шо!..

Таббарко. Чем же он такой замечательный?

Третья Николини. А тем, что он самому Дугласу Фэрбенксу нос утрёт в лучшем
виде и на такие неожиданные мерзости способен, на

какие никто из нас не отважится! Оп-ля! (*Сальто.*)

Четвёртый Николини. Он с нами в одном поезде ехал, и мы сами видели, как он
на полном ходу перед городом из вагона выскочил, да и пошёл себе как ни в чём не
бывало! Вуаля! (*Убегают.*)

Сонечка. Вы подумайте!!

Клуня. А я вам...

Таббарко. Ну ясно, чепуха! Кому это в голову придёт перед самой станцией с
поезда прыгать?

Дриш-Дрепановский. Разве что... оборотню?!

Входит Козлинский.

Хор. Ай-ай-ай-ай-ай!!! (*Разбегаются.*)

Козлинский садится, кладёт на стул шляпу, протирает очки, скромно откашливается и т.д.

Сонечка (первой приходит в себя, подходит к Козлинскому, опускает ресницы).

Что... Вам... угодно?

Козлинский (перекладывает шляпу на соседний стул). Мне бы хотелось чего-нибудь выпить...

Сонечка. Лимонад? Оранжед? Кофе? Чай? Пиво?

Козлинский. Я бы, если Вас не затруднит, выпил бы чаю... с булочкой... даже с двумя... (*Во все глаза рассматривает Сонечку.*) У Вас они,

кажется, свежие... Мне вдруг очень захотелось... булочек... именно сию минуту... странно, не правда ли?

Сонечка (*лукаво*). Ничего странного, после большой прогулки всегда появляется аппетит.

Козлинский. А почему Вы решили, что я совершил большую прогулку?

Сонечка. О, мне всё известно, у меня фиксирующий глаз... (*Упорхнув за прилавок, наливает чай, несёт Козлинскому.*)

Клуня (*выйдя из оцепенения*). Ну нет! Мне твои неожиданные мерзости не в диковину! (*Кидается на Козлинского.*) Говори, поганая

закорлюка, как его всё понимать!!

Таббарко и Дриш-Дрепановский перехватывают Клуню.

Козлинский (*встаёт*). Сумасшедший Вы человек, что Вам от меня нужно?

Выпейте холодной воды.

Дриш-Дрепановский. Я ж говорил, что солнце тебе мозги растопит!

Клуня (*вырываясь*). Э, нет! Мозги у меня на месте! А от нехай он скажет, куда Алёшу нашего заховал, зачем бороду сбрил и чего ему на почте зандобилось?!

Козлинский. На почте мне нужно было узнать, пришли ли на моё имя деньги...

Люминальский. О! Ещё деньги!

Козлинский (*спохватившись*). А вообще, Вам-то до этого какое дело?

Клуня. А такое, шо мы у нашем городе порядок сохраняем! И гнили буржуазного разложения не допустим!

Козлинский (*усмехнувшись*). Как? Повторите!

Клуня (*вырвавшись*). Я те повторю!!! (*Снова кидается на Козлинского.*)

Козлинский перебрасывает его через себя.

Сонечка. Господи! (*Роняет подносик с чаем.*)

Колька. Ничего себе!

Дриш-Дрепановский. Ай да оборотень!

Сонечка. Ах! Он же мог убить Вас!

Козлинский. Пустяки. Меня убить не так-то просто. Неприятно только, что из-за меня такой шум. Этот ваш почтальон несколько

надоедлив. Сначала он помешал мне побриться, теперь – выпить чаю... Я уж и не знал, как от него отделаться...

Клуня (*с помощью Кольки встаёт*). Погодь ещё, подлюга, попадётся ты в мои руки! (*Уходит.*)

Козлинский (*пропустив угрозу мимо ушей*). Вообще мне сегодня не везёт... если, конечно, не считать встречи с Вами. Однако позвольте, я

заплачу за разбитый стакан, ведь Вы его уронили по моей вине.

Сонечка. Что Вы?! Об этом не может быть и речи! Сейчас я принесу другой...

Таббарко. Софья Ивановна! На минутку! (*Отведя Сонечку в сторону, конфиденциально.*) Вы с этим приедем поосторожнее, мало ли что

может быть, раз он из-за границы...

Сонечка. Ах, оставьте, пожалуйста, с Вашей неуместной ревностью!

Таббарко, хмурясь, уходит.

Дриш-Дрепановский. Сонечка! (Таинственно.) Вы всё же смотрите... я, конечно, не думаю, что он оборотень, так сказать, в смысле

вульгарном... но в смысле, знаете ли, оккультно-философском...

Сонечка. Ах, бросьте – Вы ему просто завидуете, что он такая исключительная личность и одет по последней заграничной моде!

Дриш-Дрепановский сердито уходит. Сонечка приносит Козлинскому чай.

Козлинский. Благодарю. (*Пьёт, не отрывая взгляда от Сонечкиных кос; как бы вспомнив нечто, Люминальскому.*) Мне надо будет попозже обсудить с Вами одно дело...

Люминальский. О! Мсье!

Козлинский (*милостиво*). Пока ступайте, друг мой. Я разыщу Вас.

Люминальский. Не смею... Адью! (*Убегает.*)

Козлинский (*Сонечке*). Из вас можно сделать... (*Пауза.*) Шикарную женщину! Но только... (*Пауза затягивается.*)

Сонечка. Что?

Козлинский. Вам надо постричься!

Сонечка. Ах! (*В отчаянии сжимает руки.*)

Козлинский (*неумолимо*). О-бя-за-тель-но. Того требует современность. Я покажу Вам последний номер парижского журнала, сами увидите.

Варька (*вбегает*). Будь ласка, одну французску булку!

Сонечка. Ах, до чего же некстати! (*Идёт к прилавку, подаёт Варьке булку.*)

Варька (*платит за булку, поворачивается к Козлинскому*). Так оце Вы, товарыш, кинули бидолаху Клуню? (*Прыскает со смеху.*) Будем знакомы! Варвара! (*Протягивает руку.*)

Козлинский. Очень приятно... Алексей... (*Пожимает Варьке руку.*)

Варька. Та крепче, ну! Давно физкультурой занимаетесь? (*Щупает ему мускулы.*)

А негож! Айда до хлопцев!

Козлинский (*в панике*). Ка-ких хлопцев?!

Варька. Та до наших! У клуб! (*Тащит его за руку.*)

Сонечка. Постойте! Приходите к нам на ужин! Придёте?

Козлинский (*увлекаемый Варькой*). О да... конечно... с удовольствием!

Колька. Сонечка...

Сонечка. Что? Вы ещё тут? Что Вы стоите, бегите за ним – как бы эта Варька его не изувечила!

Колька убегает.

Сонечка. И подумать только, что придётся стать на неё похожей! Ведь чем же мы будем отличаться от этой компании в красных косынках, если сострижём волосы?!

В клубе Козлинский показывает комсомольцам приём, перекидывая одного, второго, третьего. Комсомольцы осваивают приём, простой, но безошибочный.

Первый комсомолец. Здорово, товарищ! Вы откуда сами-то?

Козлинский. Да, собственно, из Москвы...

Первый комсомолец. Из Москвы?! А правда, что в Московском цирке живые тигры выступают?

Колька. Тоже нашёл важность – тигры! Лучше скажите: начали уже строительство нового театра для Мейерхольда?

Козлинский. Это где?

Колька. Да на Триумфальной площади!

Козлинский. Гм... вроде бы нет... пока...

Второй комсомолец. Как там сейчас, в вуз поступить трудно?

Козлинский. Да, видите ли, я...

Колька. Расскажите, что на фронте искусств делается? Конструктивисты с ЛЕФом всё воюют?

Козлинский. Ну... воюют, конечно, как не воевать, но я, собственно...

Колька. Да Вы подробнее! Что в театрах столичных идёт? Нам ведь всё интересно!

Третий комсомолец. Расскажите про Авиаким, товарищ!

Козлинский. Да я, понимаете, в Москве на этот раз и был-то совсем недолго... я ведь возвращаюсь из заграничной командировки...

Колька. А Вы по специальности кто?

Козлинский. В настоящее время состою при киноискусстве по техническо-эксплуатационной части.

Колька. Так Вы же, можно сказать, работник самого важного участка фронта искусств! Кинопродукция нашей страны не сегодня-завтра завоюет мир! Один «Броненосец Потёмкин» чего стоит, а уж «Турксиб»...

Козлинский. Да-да, конечно...

Вторая комсомолка. А откуда Вы, ну, из-за границы?

Козлинский. Из Берлина.

Все ахают.

Колька. Вот это да!

Второй комсомолец. Это дело!

Третий комсомолец. Там же сейчас... там же намечаются главные революционные схватки!

Козлинский. Вот как?

Колька. Да Вы что?! Об этом же... да вот... *(Вытаскивает из кармана газету.)* Вот, перепечатано... *(Читает.)* «Молодые пролетарии округа Восточная Пруссия и Мекленбург! Речь идёт о вашем будущем! Правительство «большой коалиции» выполнило пожелания Стиннеса, Клекнера и Круппа. Пресмыкаясь перед французским главнокомандующим Пуанкаре, оно хочет начать гражданскую войну. На деньги капиталистических магнатов фашисты формируют белые батальоны. Пролетарии! Перед решающей битвой вступайте в борющуюся рабочую армию! Следуйте примеру русских рабочих, которые прогнали капиталистов ко всем чертям и взяли свою судьбу в свои руки! Да здравствует германская революция! Да здравствует революция во всём мире!». *(Бережно прячет газету.)*

Третий комсомолец. Эх, мне бы туда! А этот...

Козлинский. Товарищи... я... просто другим был занят, я не...

Колька. Да что с ним бузу разводить! Узкий спец, без социального охвата и идеологической базы. За деревьями леса не видит. Труха,

терпимая лишь в пору экономической перестройки!

Варька (*желая сделать Кольке назло*). Та шо вы причепылись до людыны! Та може, вин и права не мае розказуваты? Га? Може, вин який секретный?

Общее замешательство.

Колька. Скажет тоже!

Варька (*Козлинскому*). Будь ласка, товариш, як Вы есть киноспец, допоможить нам, як артист. Бо с отым раратуем... (*Жест в сторону Кольки.*) ...у нас и репетиция нияк не розпочнётся!

Колька. А что, это идея! Вот кто Королевича сыграет!

Козлинский. Ну, я... конечно... я могу попробовать...

Все надевают маски, парики, головные уборы. Первый и Второй комсомольцы — в костюмах скоморохов-ведущих.

ПЕРВЫЙ СКОМОРОХ.

В нашем царстве, зелёном и желтом, раздольно живут вовкулаки.

Они в сумерках через голову кувырнутся

и волками становятся,

а на рассвете

они снова людьми обернутся.

Здесь в лунные ночи

молодые ведьмачки

превращают мужей своих сонных

в коней

и на них верхами гасают.

Здесь колдуньи

злые соль подсыпают в коровьи следы,

чтоб отнять молоко,

а добрые, только попросишь, зашепчут гадючий укус,

искупают дитя слабосильное

в отварах из пупыря, каржавки, любыстка,

чтобы выросло исполином

Здесь живёт ещё бог стародавний лесной,

он с медведями возится в чаще,

на вершины деревьев плюёт

подвывает пастушеским дудкам.

Бог поганский

сияет ночными огнями...

ВТОРОЙ СКОМОРОХ (*перебивает*). Итак, сейчас вам представят чудесную игру с изрядными бесчинствами... (*Дает Первому пинка.*) ... и кровопролитиями, как оно спокон веку ведется на Купала!

ПЕРВЫЙ.

Так вот я и говорю:

в нашем царстве-королевстве
все ночь и ночь,
а дня вовсе нет.
И никто не в силах помочь,
все и думать забыли, что же такое свет...
ВТОРОЙ.

А это всё Ирод!

ПЕРВЫЙ.

Да, это всё он, царь Ирод,
наш зловерный сосед,
колдовством премерзким огромную башню соорудил
и Солнце затмил!

Выдвигается угрожающего вида башня.

ВТОРОЙ (*забрасывает в толпу зрителей удочку и вытягивает золотую рыбу*).

А я, значит, Рыбак, я сегодня поймал Золотую Рыбу
и принес ее Королеве в подарок...

КОРОЛЕВА.

Спасибо!

ВТОРОЙ.

Ваше величество, дозволейте Вам намекнуть:
из спасибо шубу не сшить!

КОРОЛЕВА.

Эй, кто там! Приказываю ему заплатить!

Дайте ему что-нибудь.

ПЕРВЫЙ. Оп-ля! (*Кидает Первому монету.*)

ВТОРОЙ (*ловит*).

Прибавить бы надо за вредность нашей работы!..

ПЕРВЫЙ.

С охотой!!! (*Хватает палку, гонится за Вторым, оба убегают.*)

ХОР.

Королева Рыбу съела, съела Рыбу Золотую,
кости кинула Собаке, золотые рыбки кости.
В результате у обеих, Королевы и Собаки,
родилось по мальчугану с золотыми волосами!
Друг на друга так похожи, оба крепкие такие,
оба выросли и стали парни силы богатырской!

Выходят Королевич и Собачий Сын.

КОРОЛЕВА.

Вот это – Иван Королевич, мой сын,

а это – Иван Собачий Сын.

У него уши малость длиннее,

а иначе и я их различить не сумею...

Колька (снимает маску Собачьего Сына). Стоп! Кто суфлирует?

Варька (*высовываясь из-за кулис*). Ну я, а шо?

Колька. Ты ж суфлируй так, чтоб и других слышно было! (*Надевает маску.*)

Варька. Угу. (Скрывается.)

КОРОЛЕВИЧ.

Братец, не кажется ли тебе, в самом деле,
что пора бы нам испытать себя в деле,
людей посмотреть, себя показать...

СОБАЧИЙ СЫН.

И злого царя Ирода наказать!

КОРОЛЕВИЧ.

Так давай побыстрее отправимся в путь
и заставим его Солнце вернуть!

А то в темноте и нам, и народу скверно.

СОБАЧИЙ СЫН.

Что верно, то верно.

Но не слишком спеши.

Надобно выбрать себе коней и мечи.

Выбегают скоморохи в масках коней.

СОБАЧИЙ СЫН.

Братец, чтобы их испытать,
я по-богатырски хочу засвистать.

А тебе лучше уши заткнуть,
чтобы не повредить что-нибудь.

Королевич затыкает уши. Собачий Сын свистит — коней уносит ветром.

СОБАЧИЙ СЫН.

Нет, братец, эти нам не подходят...

Скоморохи выбегают в других масках. Та же игра.

СОБАЧИЙ СЫН.

Нет, и эти нам не подходят...

Та же игра.

СОБАЧИЙ СЫН.

Нет, никакие нам не подходят —
у богатырей под седлом не такие ходят!

КОРОЛЕВИЧ (*протягивает связку мечей*).

А вот острые боевые мечи.

Ну-ка, на них посвищи!

Собачий Сын подбрасывает мечи вверх один за другим. Мечи улетают и не возвращаются.

СОБАЧИЙ СЫН.

Нет, брат, таких легких мечей нам не нужно,
лучше отправиться в путь безоружным.

КОРОЛЕВИЧ.

Что ж, может быть, где-нибудь по пути
мы сможем себе снаряжение найти.

Идут. Навстречу им выходит существо в два человеческих роста. Козлинский шарахается, роняет маску Королевича.

Колька (*сняв маску*). Ну чего? Это новый персонаж, Иван Великан. Раньше не было, я выдумал. Он вроде как символизирует угнетённый народ, который даёт силу своим богатырям...

Козлинский. А чего же он такой... высокий?

Колька. Да просто двое, один у другого на шее.

Надевают маски.

КОРОЛЕВИЧ (*со страхом*).

Это Ирод ли сам?

СОБАЧИЙ СЫН.

Что ты, то ж богатырь Иван Великан!

(*Великану.*)

Эй, Иван Великан, отчего ты рыдаешь,
отчего ты слезу проливаешь?

КОРОЛЕВИЧ.

Видишь, Ирода мы идем воевать.

Надо радоваться, а не слезу проливать.

Солнце людям добудем для труда и утехи...

ВЕЛИКАН.

Сомневаюсь я в вашем успехе.

Ведь и я некогда с Иродом воевал,

но, им побеждён, холопом его я стал.

С тех пор, хоть и не хочу я,

деревья корчую

и ломаю горы,

и жизнь моя вся окончится скоро.

Уже на земле остался один этот лес

и одна эта гора –

значит, скоро мне помирать.

А Ирод и рад!

СОБАЧИЙ СЫН.

Этому не бывать!

КОРОЛЕВИЧ.

Уж мы его угостим!

СОБАЧИЙ СЫН.

Мы за тебя отомстим!

КОРОЛЕВИЧ.

Мы его победим!

СОБАЧИЙ СЫН.

И тебя, Великан, освободим!

КОРОЛЕВИЧ.

Только вот ни мечей, ни коней мы не имеем...

СОБАЧИЙ СЫН.

И дороги к тому же не знаем!

ВЕЛИКАН (*достает огромный меч*).

Вот мой меч, Ирод не смог его из потайного места взять...

КОРОЛЕВИЧ.

Да ведь нам его и вдвоем не поднять!

ВЕЛИКАН.

А коней вам не надо – я через голову кувырнусь,
вас в чёрных козлов оберну и сам обернусь,
мигом домчимся ко входу в подземное царство,
Иродово государство.

Только надо очень спешить – одну эту ночь папоротник цветёт.

Кто увидит его, тот звериный язык поймет.

А уж кто ухитрится сорвать,
станет сильнее раз в пять!

Надевают маски черных козлов. Танец.

Перемена декораций – вход в подземное царство.

Богатыри снимают маски.

ВЕЛИКАН.

Вот оно, страшное государство,
Иродово подземное царство,
спуск туда двенадцать дней и двенадцать ночей
пересекает дорогу огненный ручей,
а вокруг Иродова дворца тын железный стоит,
на каждой тычине голова человечья торчит,
только три тычины пустые – для нас
злой царь Ирод припас...

Козлинский (*снимает маску*). Извините, товарищи... но мне пора. Видите ли, я приглашён на ужин...

Колька (*снимает маску*). Эх! Ну ладно. Братва! Следующая репетиция завтра, в это же время.

Комсомольцы разоблачаются.

Варька. Ну шо? Погано я суфлирую?

Колька. Замечательно!

Варька. А роль дашь?

Колька. Будет тебе роль, лучше всех.

Варька. Не брешешь?

Колька. Когда это я тебе врал?

Варька. О!..

Перемена декораций. Козлинский у Близнюков. Пир горой. Среди приглашённых Таббарко, Люминальский, Дриш-Дрепановский.

Колька (*на авансцене*). Я, конечно, на ужин приглашён не был, но что там было, знаю – всё быстро разошлось по городу... ну, может, малость преувеличенное. Например, Сонечка... была в белом кружевном платье, в белых туфлях на высоких каблуках, розовой испанской шали, чулках телесного цвета, а уж причесалась как-то так, что и не сказать...

Сонечка танцует с Козлинским.

Колька. ...и ни на шаг не отпускала от себя пришельца. Он учил её танцевать фокстрот... ел и пил с аппетитом... в карты играть отказался – из принципа... и вообще вёл себя крайне сдержанно, всё больше приглядывался и прислушивался...
(*Уходит на цыпочках.*)

Сонечка. Признайтесь, Вы киноактёр!

Козлинский. Почему Вы так думаете?

Сонечка. Потому что мне известно, как Вы с поезда прыгнули на полном ходу, а вас в это время фотографировали...

Козлинский. Вот как?

Сонечка. И ещё я знаю, что у Вас бородка была наклеена, а теперь Вы её сняли, а в чемодане у Вас аппарат есть...

Козлинский. Аппарат? А, ну да... Вы очень проницательная девушка, от Вас ничего не скроешь, но я не хотел бы, чтобы об этом узнали другие... я не люблю праздного любопытства толпы.

Сонечка. О!

Козлинский. Мне нужно завтра уехать, обязательно...

Сонечка. Ах! Уже завтра?

Козлинский. Увы, да. А если будут знать, то начнут упрашивать остаться, и мне придётся по слабости характера уступить...

Сонечка. Честное слово, я никому ни полслова! А Вы мне обещали показать парижский журнал...

Козлинский. О да, конечно... *(Вынимает из кармана журнал, отдаёт.)*

Таббарко *(перехватывает его)*. Алексей Иванович! Давайте... того... на брудершафт! *Пьют.*

Козлинский. А скажите, пожалуйста...

Таббарко. Э-э, так не пойдёт!

Козлинский. Виноват... так скажи мне, как тут у вас насчёт этого самого...

Таббарко. Чего этого?

Козлинский. Насчёт грабежа.

Таббарко. Грабежа?!

Козлинский. Ну да... Бандиты часто пошаливают?

Таббарко. Гм...

Козлинский. Охрана хорошо поставлена? Изловить удавалось ли?

Таббарко. Да зачем тебе это, Алёша?

Пауза.

Козлинский. Да нет... это я так... из любознательности. Давай ещё по одной!

Пьют.

Таббарко. Так ты, стало быть, из самого Берлина?

Козлинский. Непосредственно.

Таббарко. Стало быть, человек проверенный, политически грамотный. Мы ведь туда кого попало не пошлём, верно? А только такого, чтобы глубоко презирал ихнее буржуазное разложение...

Козлинский. Именно – разложение! Но вместе с тем, чтобы и соответствовать мог, если надо!

Таббарко *(в восторге)*. Ну, я ж говорю, ты с полуслова понимаешь! А я-то сперва, каюсь, подозрение на тебя держал...

Козлинский. Подозрение?!

Таббарко. Всё, всё, всё! Забыто! Давай на брудершафт... а, уже пили... ну давай ещё по одной!

Козлинский. Давай.

Пьют.

Таббарко. Так вот, как ты человек политически грамотный и глубоко проверенный, скажи ты мне, как там у них дело обстоит с подготовкой германского пролетариата к грядущим революционным боям?

Козлинский. За весь германский пролетариат не скажу, а в округе Восточная Пруссия и Мекленбург – полный порядок! Коммунистическая молодёжь Германии активизируется!

Таббарко. Точно, Алёша?

Козлинский. Провалились мне на этом месте! Стиннесу... и Пуанкаре... скоро дадут по шапке!... Но больше я тебе ничего не могу сообщить. Сам понимаешь.

Таббарко. Секрет?

Козлинский. Именно. Права не имею. Ещё по одной?

Таббарко. Давай! (*Пьют.*) А только со мной можно в открытую. Я человек прямой, честный, боевой человек. Ты что думаешь, я по глазам не понял, что ты законспирирован... ный? Оттого и очки носишь, чтоб незаметно было. А только мне можно довериться – могила, брат! Ни одна душа... Мы с тобой понимаем... хе-хе... Мы вот тут пьём с этой буржуазной шушерой, а сами – ухо востро. Нас не проведёшь! В гости зовут, ужином угощают, в картишки предлагают стукнуть. Что ж, пойдём, поужинаем, стукнем. А сами небось знаем – все мерзавцы! И Близнюк – жулик, и Дриш-Дрепановский – подлец, и Люминальский этот тоже хорош. Одна банда!

Козлинский (*уже слегка клевавший носом, вскидывается*). А?! Банда?!!

Таббарко. А то нет! Только прикидываются сочувствующими, а сами... так и норовят нашего брата с пролетарской идеологии свихнуть, верно тебе говорю! А вот не свихнёте, дулю вам с маком! Даже Сонечка не свихнёт... (*Всхлипнув, обнимает Козлинского.*) Эх, Сонечка...

Дриш–Дрепановский (*с гитарой*). Минутку внимания! Позвольте продемонстрировать новейший жанр европейского искусства – мелодекламацию! (*Акомпанируя себе на гитаре, читает речитативом.*)

Мне снилось: я влеку да через лес тёмный

Козла-бородача, да с прекрутым рогом.

Он вырвался – усталостью я был сломен! –

Стремглав туда помчавшись, где козопасы

Отвсяду, как на вора, на него сразу

Все кинулись и к алтарю тащить стали.

А я пред светлые представлен был очи

Красавца юного... (*Жест в сторону Козлинского.*) Должно быть, то бог был!

Аплодисменты.

Дриш-Дрепановский (*Козлинскому*). Мне хотелось бы уединиться с Вами для... конфиденциальной беседы.

Козлинский (*нервно*). Нет, лучше в другой раз. Сыро что-то... и к тому же за забором ещё кто-нибудь подслушает...

Дриш-Дрепановский (*озадаченно*). Кто же может нас подслушать за забором?

Козлинский. Да мало ли кто. У вас в городе даже ни одного милиционера на посту не видно! (*Отбегает.*)

Дриш-Дрепановский. Чудак-человек! А впрочем, что же удивительного. Не привык к нашим порядкам. Европейская штучка. Не по-русскому тонкий. Вот и с

Сонечкой такую кружевную работу пустил... хоть и обидно, а приятно смотреть.
Парижский жанр!

Люминальскийкий. Да, видать, что культурный человек!

Первый обыватель. Очки у него прекрасные. Здесь таких нипочём не достать.

Дриш-Дрепановский. Правда, он очень сдержан, высказывается не вполне. Но... в наше время... каждый умный человек... Во всяком случае, скоро мы кое-что узнаем... в связи с переменной курса...

Второй обыватель. Дай-то Бог!

Кухарка (входит). Пломбир прикажете подавать?

Мамаша Близнюк (*глядя на Козлинского, вновь танцующего, за неимением другого собеседника — кухарке*). Конечно, вполне приличный молодой человек... ручку целует... в костюме... не жулик какой-нибудь... вполне подходящая партия для Сонечки...

Кухарка. Та вин же, кажуть, оборотень... кажуть, той самый козёл Алёша!..

Первая подруга Сонечки (танцует с Козлинским).

А это правда, что Вы можете проверить...

киногеничность любого человека?

Козлинский (*ему море по колено*). Да. Могу. Я и не то могу.

Вторая подруга Сонечки (*подбегает*).

Ах, знаете, мы с Сонечкой вместе...

киноактрисами стать давно мечтаем...

Первая подруга. И вот не знаем свою киногеничность...

Козлинский (*в окружении девиц*).

Это мне совсем не сложно,

Это всё вполне возможно.

И с профессией моею

Я вам всё определяю!

Девицы.

Вот какой талант огромный,

И решительный, и скромный!

Настоящий Дуглас Фэрбенкс!

Очень я его люблю!

Козлинский.

Киномастером трудился,

Не на шутку рассердился,

Все цвета мне надоели...

(*Сонечке.*)

Ах! Кроме этих милых кос!

Девицы.

Вот какой талант огромный,

И взыскательный, и скромный!

И хромает элегантно,

И почти античный нос!

Козлинский.

Загляните к нам в «Ривьеру»,

Завтра вечером, к примеру,

Но сначала постригитесь –
Волосатых не терплю!
(*Сонечке.*) К Вам это относится в первую очередь!
Девицы. Вот какой талант огромный,
И пленительный, и скромный...
Неужели, не решившись,
я карьеру погублю?!
Козлинский (*танцует с Сонечкой*). Ходить в причёске совершенно неприлично!
Особенно для киноактрисы!
Сонечка. Ах, понимаю, это неизбежно.
Но Вы уверены, что я в кино устроюсь?
Козлинский. Безусловно.
Сонечка. Без протекции?
Козлинский. По-помилуйте, с вашей внешностью!
Сонечка. Ах, не говорите! Без протекции теперь ни шагу... Вы сами говорили!
Козлинский. Разве говорил? Но это не относилось к Вам...
Сонечка. Всё равно... я знаю... нет-нет, не спорьте! Мужчины отвратительны!
Козлинский. По-помилуйте!!!
Сонечка. На словах они товарищи, а на деле...
Козлинский. Что на деле?
Сонечка. Ах, Вы прекрасно знаете, что! Об этом и в газетах писали. О нравах режиссёров... (*Опускает глаза.*)
Козлинский. Боже мой, какой цвет, какое качество! (*Падает на одно колено.*)
Будьте моей женой!
Сонечка. Ах!.. Я согласна!
Козлинский (*встаёт*). Но по-помните – постричься... Пардон, я по-подышать...
(*Удаляется, шатаясь.*)
Люминальский. Мсье, я не ослышался, Вы говорили о стрижке?
Козлинский. О, друг мой! Вас-то мне и надо. Значит, так – у Вас будет обширная клиентура. С завтрашнего дня дамы и девицы этого города начинают стричься. Такова установка – на новый быт!
Люминальский. О, мсье!
Козлинский. Взамен Вы отдаёте мне состриженные волосы. Зачем – моё дело.
Люминальский. Но, мсье...
Козлинский. Понимаю. Хорошо. Я буду выплачивать Вам по три процента за каждую голову. (*Уходит, сам зачарованный щедростью своего жеста.*)
Люминальский. Три процента от чего, мсье?!
Конец 1 акта.

2 акт.

Колька (*на авансцене*).

Карусельщик горластый зовёт к своему балагану,
светит солнце смеющееся, лоснятся
яркие деревянные кони,
приветливо жёлтый песок скрипит под ногами,
всё необычно и празднично, но вроде вполне понятно,

каждый о том что он видит, расскажет легко и спокойно.

Но вот взгромоздился он на коня или там на верблюда,
грюкнул рычаг карусельный, и всё завертелось:

музыка, жёлтый песок, солнце, небо и люди, —

всё слилось в алое и золотое поющее чудо,

всё на осколки пёстрые разлетелось,

всё, ничего другого уже не будет,

всё замкнулось в одном напряжении,

у которого нет ни конца, ни начала...

Но вот музыка отзвучала,

замер воздух,

иссякло движение,

р-раз — и вошли в обычные формы

кони, львы, карусельщик...

Минуты или часы пронеслись, кто скажет?

Всё ещё кружится голова, подгибаются ноги,

колотится сердце,

поверить трудно,

что всё на месте,

что в небе солнце,

что ничего не изменилось!

(Пауза.)

Ну вот Сонечка и выскочила замуж за главное действующее лицо этой жуткой истории...

Дриш-Дрепановский *(высовывается из-за кулис)*. За оборотня!! *(Исчезает, как будто его утащили.)*

Варька *(входит)*. Знову ты про Сонечку?

Колька. А что ты против неё имеешь?

Варька. Я?! Та я ж!! Шо имею!... Против отой... барышни!..

Колька *(в зал)*. Ну, Варька изъясняется на энергичном украинском языке с выражениями вроде...

Варька. Рататуй!!!

Колька. Во-во... так уж лучше спеть...

(Поёт.)

Пришла из деревни к нам Варька-сиротка
с отчаяньем горьким в груди...

Варька.

И с жизнью сознательной дуже короткой,
чотырнадцать лет позади!

Колька.

И вот нанялась хуторская дурёха
на кухню служить к Близнюкам...

Варька.

Живуть воны, нэпманы, дуже неплохо —
куды там глядить Губчека?

Колька.

Почти что задаром и без профсоюза
стирает, кухарит и шьёт...

Варька.

Воно для хозяйив нияк не в обузу,
совсем даже наоборот!

Колька.

Однако с годами красавицей стала,
устала терпеть произвол...

Варька.

Сперва «Капитал» по складам прочитала,
вступила потом в комсомол!

Колька. И уволилась от Близиюков, требовав на прощанье жалованье за...

Варька. ...двести семьдесят три часа переработки!

Колька. Так что к Сонечке у Варьки правильный классовый подход!

Варька. Не то шо в тэбэ!

Колька. Варь! Ты понимаешь... я... за эти дни... одним словом, многое осознал!

Варька (подозрительно). Що осознал?

Колька. Ну... я в неё был, конечно, влюблён, не без того...

Варька. Рататуй ты улипчивый!

Колька. Ну, ты ж понимаешь – я человек искусства... конечно, нового,
пролетарского, но всё ж...

Варька. Та шо ты звиняешься!

Колька. Ну, в общем, это было восхищение красотой и ничего больше!

Варька. Та яка ж то красота?!

Колька. Варя! С этим – всё! Я тебя очень... уважаю... как товарища по общему
делу... словом, любовь сейчас вообще не ко времени и не к месту. Её надо отменить
до тех пор, пока она не станет общепролетарской!

Варька (*ожидавшая совсем другого*). Тьху на тэбэ! (*Чуть не плача.*) Ну як же ты не
рататуй! Дурень ты, а не человек искусства! Дурень! «Отмени-ить!». Ось и вона,
Сонечка твоя, те ж самую и каже... (*Передразнивает.*) «Любовь – предрассудок...
влечение полов – мерзость...». Да тьху на вас усих!!! (*Убегает.*)

Колька. Вот и поговори с ней! Чудила... (*Пожав плечами, уходит в другую сторону.*)

Частичная перемена декораций.

В номере Козлинского.

Первая подруга Сонечки (*стриженная, одевается*). Но Вы клянётесь, что никому-
никому?..

Козлинский (*деловито*). С Вас пять рублей. И пригласите там следующую.

Первая подруга выпархивает.

Вторая подруга (*вбегает*). О! Разрешите?

Козлинский (*сухо*). Битте! Раздевайтесь.

Вторая подруга. Ах! (*Начинает раздеваться.*)

Козлинский (*наводит на неё «фотоаппарат»*). Быстрее, пожалуйста! Не Вы одна
желаете проверить свою киногоеничность! Время – деньги!

Вторая подруга. Ах...

Козлинский. Там ещё много? Я ведь тоже нуждаюсь в законном отдыхе!

Танец девиц вокруг Козлинского.

Козлинский.

Битте-дритте, заходите!

Не стесняйтесь, раздевайтесь!

Вашу вам киногоеничность

В айн момент определяю!

Девиды.

Вот какой талант огромный,

и внимательный, и скромный!

Пять рублей берёт всего лишь,

за минуту по рублю!

Козлинский.

Чем окончится такая

авантюра городская?

Всё сместилось, закрутилось,

я как будто во хмелю...

Девиды.

Вот какой талант огромный,

и стремительный, и скромный,

Энергичный и магичный...

Очень я его люблю!

Тревожная музыка. На заднем плане – проход бандитов. Козлинский, вырвавшись из круга девиц, попадает в объятия Сонечки, тоже коротко стриженной.

Сонечка (кокетливо). Так неловко с этой стрижкой... Как голая...

Козлинский (воодушевляется). Короткая стрижка – знак экрана сегодняшнего дня!

Можем ли мы представить себе – ну, скажем, эту...

Сонечка. Полу Негри?

Козлинский. Да-да, вот именно, Негри! Разве возможно представить себе Негри в её...

Сонечка. Но ведь Аста Нильсен носит длинные волосы!

Козлинский. Ну, Аста Нильсен... э... Аста Нильсен в какой-то мере уже вне главного русла культурного потока... если можно так выразиться...

Сонечка (ей всё это кажется высшей мудростью). О!...

Появляются бандиты. Один из них остаётся «на стрёме», остальные вваливаются в дверь с вывеской «Почта», суют наган в нос начальнику, затыкают ему рот, связывают, бросают в мешок пачки денег и, не особенно спеша, удаляются с награбленным.

Главарь (заметив Козлинского). Га, знакомец... доброго здоровьичка!

Козлинский (в ужасе). А-ва-ва-ва-ва...

Главарь. Ну, бывай! (Сняв парик, машет им.)

Бандиты скрываются.

Сонечка (ничего не поняв). Козлик, пойдём. (Очаровательно смущается.) Нас ждут...

Звучит «Свадебный марш». Козлинский и Сонечка уходят.

Появляются Первая и Вторая обывательницы с кошёлками.

Первая обывательница (Второй). Важно купить продукты, когда продавец ещё не знает цен, ведь они как сойдутся на базарную площадь, так, сговорившись, и начинают драть втридорога.

Вторая обывательница. Ах, и не говорите, я прямо не знаю, что будет дальше.

Селяне нас скоро съедят живьём!

Первая. Ну ещё бы, ведь с ними теперь нянчатся, а попробуйте при теперешний ценах прожить в городе...

Вторая. Это называется смычкой.

Первая. Нет! Не произносите этого слова! Оно совершенно неприлично!

Вторая. Однако таким словам учат наших детей в школе.

Первая. Ужас! Ужас!

На сцене появляются ещё обыватели, а также селяне со своими товарами.

Колька (на авансцене). По воскресным дням в городе – базар во всю площадь!

Селяне привозят сметану и яйца, овощи и птицу, а громадяне шупают, пробуют, ведут торг или просто приятную беседу, порой переходящую в драку. Даже в голодные годы базар держался. Только тогда селяне за пуд картошки увозили к себе на хутора люстры и трельяжи. Но те дни прошли. Теперь громадяне ловят селян на подходе к базару...

Первая обывательница (Второй). Нет уж, эту сметанку беру я!

Вторая. Да Вы же не станете покупать её всю!

Первая. А уж всю или не всю – позвольте мне знать. Я же не мешала Вам, когда Вы покупали масло!

Вторая обывательница, пожав плечами, отходит.

Первая (сельской бабе, держащей горшок сметаны).

Твою сметану всю я покупаю,
моя цена тут самая большая,
и не накину сверху ни копя!

Баба.

За кильки вирст у мисто волоку я!

Ни, не продам за цену отакую!

Як на базаре люди, так и я!

Первая.

Послушай, ну какая ты чудная!

Чего добьёшься, цену повышая?

Вернёшься со сметаною домой!

Баба.

Нехай вернись, забота вам якая?

Ось пиду на базар, не прогадаю.

Не хочу слухать, а ни боже ж мой!

Колька. Хотят обдурить друг друга и дурят себя сами. Прогадывает, конечно, та, которая анстоит на своём – на базаре-то, ясное дело, сметаны много, и стоит она дешевле.

Вторая обывательница. Это они называют смычкой.

Дриш-Дрепановский проходит, держась одной рукой за голову, в другой – гитара; жалобно стенает.

Колька. Что, гражданин-мусью, головка болит?

Дриш-Дрепановский (*страдальчески*). Да как же ей не болеть... о-о!.. когда вчера свадьба была... знаменитостей!.. Море разливанное... ох, тут нигде пивка... или рассолу... не продают?..

На заднем плане торжественный свадебный проход-танец.

Появляется Таббарко, также страдающий жестоким похмельем.

Колька. Товарищ Таббарко! С комприветом!

Таббарко (*морщась*). Не ори...

Колька. Ну, как там свадьба? Море, слышать, разливанное? А бандиты тем времечком почту обчистили!

Таббарко. Я, кажется, перед тобой ещё отчитываться... не обязан...

Колька. Пока ещё нет.

Дриш-Дрепановский (*уже с кружкой и воспрянувший*). Жених, доложу я вам, такой крайне нервный и впечатлительный, что куда там... Всё время... (*Изрядный глоток.*) ...вздрагивал...

Таббарко (*морщась*). Всё время... бандитов поминал...

Появляются комсомольцы.

Варька. Привет разложенцу!

Колька. Ну, знаешь... за такие слова!..

Первая комсомолка. Всё о Сонечке мечтаешь?

Колька. Да ладно вам! Сколько можно?

Третья комсомолка. Ты, слышать, любовь решил вовсе отменить? До победы мировой революции?

Колька. Ну, а хоть бы и так? Разве сейчас время?

Дриш-Дрепановский. Время сейчас... самое подходящее... накануне Ивана

Купала... ведь есть, есть древний способ изобличить оборотня... именно в эту ночь... (*Бормочет что-то неразборчиво.*)

Первая комсомолка (*Кольке*). Ты лучше глянь, чего они затеяли! (*Разворачивает афишу, читает, и тот же текст звучит из респродуктора.*)

«Сегодня 23 июня

в летнем театре

состоится

гала-представление!!

Часть первая:

4-НИКОЛИНИ-4,

эксцентрики и эквилибристы,

жонглирующие огнём шпагоглотатели,

престижиджитаторы и мастера популярного жанра!!!!

Часть вторая:

прыгнувший с экрана

живой

ДУГЛАС ФЭРБЕНКС

(русский)

демонстрирует кинотрюки,

рассказывает о достижениях кинопроизводства в Европе, Америке и Москве,

у любого желающего из публики определяет его киногоеничность

совершенно даром

и представляет публике
будущую звезду киноэкрана
СОФИ НИБЕЛУНГОВУ
крупным планом!

После представления – танцы!!!».

Третья комсомолка. Ясно?

Колька. Да-а...

Варька. От до чего...

Колька. Так... А мы – проведём агитдействие прямо сейчас! Помешаем ихнему
мещанскому гала-праздничку!

Первый комсомолец. Да как же?!

Второй комсомолец. Репетиции не закончены!

Третий комсомолец.. Роли не все ещё знают...

Варька. И в мэнэ роли немає...

Колька. Есть у тебя роль! Я написал. (Суёт ей в руку текст.) Слов немного, но роль
очень важная!

Второй комсомолец.. А этот... киноспец... он же Королевичса играет!

Колька. О! Найти его! Он тоже будет играть!

Первый комсомолец.. А если не согласится?

Колька. А куда он денется!

Третий комсомолец.. Он же у них Дуглас...

Колька. Не будет у них Дугласа!

Дриш-Дрепановский. ...если взять мак, крапиву, семя льна, примулу, осинový
лист... растолочь, настоять на святой воде... и брызнуть на оборотня... только левую
руку держать при этом в кармане... и пальцы крестом...

Четвёртый комсомолец. А ежели он и вправду того... оборотень какой?

Колька. Да ты что, товарищ?

Четвёртый комсомолец. Не, хлопцы, не подумайте, я-то в них нипочём не верю, но
вот дядька мой рассказывал, у них в селе жила одна семья вурдалачья...

Дриш-Дрепановский. ...а после того повернуться вокруг себя со словами: «На
Ивана, на Купала ведьмина дочка зелье копала...». (Задумывается.) Конечно, всё
это... но... и тогда оборотень превратится в жабу!

Колька. Так! Ну, с тобой и с дядькой твоим потом будем разбираться! (Всем.) Все –
за костюмами, кто слов не помнит – повторить на ходу, сбор здесь через десять
минут.

Комсомольцы расходятся.

Дриш-Дрепановский. А если не в жабу?! (Убегает.)

Обыватели, толпясь, спешат на гала-представление. Располагаются вокруг эстрады.

На эстраде разминаются Николини. Сонечка и Козлинский рядом с эстрадой.

Сонечка. Козлик, не упирайся! Я понимаю, ты из скромности не хочешь пускать
себе рекламу, но мы ведь уже обо всём договорились. Киноспец ты или не
киноспец, в конце концов?

Козлинский. Что за вопрос!

Первая Николини (делает сальто, соскакивает с эстрады, останавливается перед
Сонечкой; страшным шёпотом). Но помните – чистая прибыль пополам!

Сонечка. Ах, ны мы же договорились!

Вторая Николини. Оп-ля! (Прыжком возвращается на эстраду.)

Сонечка. Ты мне обещаешь, козлик?

Козлинский. Ну, делать нечего! Иди, переодевайся!

Сонечка, чмокнув его, убегает. Вбегает Дриш-Дрепановский, что-то приговаривает, брызгает на Козлинского из какого-то пузырька, вертится вокруг себя.

Козлинский. Э... Что Вы делаете?!

Дриш-Дрепановский убегает.

Первый комсомолец (входит). Здрасьте! Пошли!

Козлинский. Куда?

Первый комсомолец. Играть! Забыли, что ли! У Вас же роль какая! Без Вас не можем начать!

Козлинский. Начать?

Первый комсомолец. Ну да! Сейчас начинаем, Вас только ждём.

Козлинский. Но я...

Появляется Второй бандит.

Козлинский (в ужасе). А... а... а...

Второй бандит (дружелюбно). Доброго вечера. Признаёте? А мы за должком.

Мабуть, помните... контрамарочки обещали.

Козлинский. А... а... контрамарочки... да, конечно... сделайте одолжение... (Достаёт несколько билетов, даёт бандиту.)

Первый комсомолец. Товарищ, а какое представление-то смотреть хотите? Ихнее или наше?

Второй бандит. Звоняйте, это какое ж – ваше?

Первый комсомолец. А вот сейчас начнём. (Показывает на собирающихся комсомольцев.)

Второй бандит. Щось не розумию... (Козлинскому.) А Вы где представлять будете?

Козлинский. Э... и тут, и там...

Первый комсомолец. Чего?

Второй бандит. Як так?

Сонечка (высовываясь). Козлик, ты скоро?

Козлинский. Скоро, скоро...

Сонечка скрывается.

Второй бандит (первому комсомольцу). Так и до вас треба контрамарочки?

Первый комсомолец. Не, у нас вход свободный всем желающим!

Второй бандит. Э, ни! Якщо гроши не берут, то, мабуть, якась халтура. За гарну роботу завжди гроши уперед... (*Уходит.*)

Первый комсомолец (вслед ему). Понимал бы...

Козлинский. Идите. Я сейчас.

Первый комсомолец. Не, пошли вместе, ребята ждут.

Козлинский. Ну хорошо. Ну ладно. Я тогда... я вот только записочки напишу...

(Быстро пишет две записки, подзывает мальчишку из толпы.) Эй, мальчик! Иди сюда! Снеси вот эту товарищу Таббарко, а эту – Софи Нибелунговой! Понял?

Смотри, не перепутай, пионер!

Мальчишка убегает.

Козлинский уходит, ведомый Первым комсомольцем. Комсомольцы без лишних слов вручают ему костюм и маску Королевича. Он облачается, тоскливо озираясь.

Все тоже одеваются. Третий комсомолец влезает на плечи Первому – это Иван Великан.

Колька (уже в костюме). Начали! (Надевает маску.)

Первый скоморох.

Итак, как вы знаете, наши герои,
все трое,
прибыли ко входу в подземное царство,
Иродово страшное государство.
ВЕЛИКАН.

...Спуск туда двенадцать дней и двенадцать ночей
пересекает дорогу огненный ручей,
а вокруг Иродова дворца тын железный стоит,
на каждой тычине голова человечья торчит,
а три тычины пустые – для нас
злой царь Ирод припас.
Только в нынешнюю ночь все не так –
что обычно трудно, сегодня пустяк
для того, кто других храбрей...

СОБАЧИЙ СЫН.

Так чего же мы ждем? Скорей!

Становятся в кружок.

СОБАЧИЙ СЫН (*считалочной скороговоркой*).

Длиннорогий и блескучий,
вылез месяц из-за тучи,
смотрит сверху: раз-два-три,
собрались богатыри!

Так и будет – рад, не рад,
ты держи веревку, брат!

Мне же выпало спуститься!

КОРОЛЕВИЧ (*берёт веревку*).

Как бы мне отсюда смыться!..

Великан уходит. Собачий Сын спускается.

Начинают мигать блуждающие огоньки, слышится нарастающий шум, в котором постепенно выделяются отдельные слова. Собачьего Сына окружают чудища: жабы, змеи, упыри и пр. Внезапно вспыхивает красная звездочка – это расцвел папоротник.

СОБАЧИЙ СЫН. Уж не это ли папоротник?

Тотчас нечленораздельные слова становятся разборчивыми – это говорят травы, деревья, птицы:

– Я крапива, я явор, я верба, я ежевика, мы от дурного глаза, от наговора, от ведьмы!..

– Я липа, я чабрец, я подорожник, я боркун, я от простуды, я от чахотки, я от испуга, я кровь останавливаю, я приворожу!!!

– Не трогай папоротник, огнем сгоришь, лучше пойдешь к Змеиному колодцу, там есть трава, от нее бессмертным станешь!!!

– Не слушай их, не слушай, сорви папоротник, не бойся! Огонь тебя не тронет,

жабы и гады тебя не тронут, упыри тебя не тронут!! Силы тебе прибудет впятеро, пойдешь прямо, потом направо, еще направо, потом налево, опять направо и назад, а там Иродов дворец!..

СОБАЧИЙ СЫН (*до этого растерянно вертевший головой*). Ага! Того-то мне и надо! (*Срывает светящийся цветок, легко взмахивает огромным мечом, который до этого еле тащил за собой; нечисть разбегается.*) То-то же! (*Идёт, встречает кузнецов – рабов Ирода, которые окружают его, гремя цепями; он перерубает цепи мечом.*) Товарищи, вы свободны! Довольно вам спины гнуть! Ваши оковы я пришел разомкнуть!

Кузнецы восторженно шумят, пытаются качать Собачьего Сына.

Высвободившись, он идёт дальше. Подходит ко дворцу Ирода. Навстречу выходит Девушка – пленница Ирода. Её играет Варька. Она без маски, но в парике с огромной косой.

СОБАЧИЙ СЫН.

Ты чья, красавица?

ДЕВУШКА.

А своя!

СОБАЧИЙ СЫН.

Ого!

ДЕВУШКА.

Шо, не нравится?

А негож!

Ты вот краше бежи отсюда,

Ирода нет покуда!

СОБАЧИЙ СЫН.

Ладно, подруга, не трусь,

с Иродом я как-нибудь разберусь.

А ты двигай туда, налево, направо, опять налево, назад, там тебя вытащит на поверхность мой брат.

Ну, давай, давай, не стой!

ДЕВУШКА (*удивленно*).

Да ты, хлопче, мабуть, герой! (*Уходит.*)

Королевич на веревке поднимает Девушку наверх.

Появляется Ирод. Собачий Сын вступает с ним в поединок. Королевич, бросив веревку, убегает.

Таббарко (подходит к эстраде, разворачивая и читая записку). «Товарищ начмилиции! Довожу до Вашего сведения... в пятом ряду... под номерами 6, 7, 8, 9, 10, 11... бандиты, ограбившие почту... Твой доброжелатель...». Ах, зараза!

(Свистит.)

К нему подбегают милиционеры.

Таббарко. За мной! (*Убегают.*)

В этот момент Собачий Сын убивает Ирода. Возвращается, видит валяющуюся веревку. Слышен шепот, свист, рев. Выбегают три ведьмы, пляшут.

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА.

Уж я Ирода сестра,

я на выдумки востра,

я колодец в жаркий день изображу!

ВТОРАЯ ВЕДЬМА.

А я Иродова мать,

мне ума не занимать,

я им яблоньку навстречу посажу!

ТРЕТЬЯ ВЕДЬМА.

А я Ирода жена,

я кому теперь нужна?!!

Ничего, уж я им удружу!!!

Ведьмы убегают. Девушка пытается опустить косу. Наконец, снимает парик, опускает косу, вытаскивает Собачьего Сына, хохоча при этом.

Тем временем номер Николини заканчивается. Напряжённая пауза. Вдруг – истерический крик Сонечки.

Клуня (выскакивает на эстраду, потрясая запиской). Ратуйте, товарищи

громадяне! Ратуйте!.. Геть уси на подмогу!

Паника. Крики: «Пожар! Горим!».

Клуня (перекрывая шум). Вы послушайте, шо нацарапал отуту, закарлюка поганая! (Читает.) «Дорогая Софи! Обстоятельства сильнее нас, тем более в данном конкретном случае. Я с тобой вынужденно развожусь в связи со срочным отъездом. Рекомендую тебе снова отрастить волосы, так как с будущего сезона начнут носить высокие причёски. Целую крепко, твой козлик...».

Шум.

Первый обыватель. На помощь! Милиция!!

Дриш-Дрепановский. Оборотень! С самого начала ясно было!

О.Голгофенский. Оборотень!!

Кухарка. Оборотень!!!

Люминальский. Такой культурный человек... А мои проценты?!!

Первая обывательница. Боже мой! Какой ужас!

Вторая обывательница. Выпустите меня!!

Первый обыватель. Где милиция? Никого не выпускайте! До выяснения! Где

Таббарко?!

Общий вой: «Где Таббарко? Где Козлинский? Где Нибелунгова?! Одна шайка!!».

Комсомольцы, ещё не снявшие масок, внедряются в толпу.

Второй комсомолец (снимает маску). Кончай бузу!

Третья комсомолка (снимает маску). Ты стань у входа! А ты... и ты... выясните, в чём дело... и найдите Таббрако!

Вбегает Табарко с милиционерами.

Таббарко. Ну так и чуяло моё сердце – держи ухо востро с этим немцем! Не зря всё про бандитов допытывался... Экая сволочь!.. Хорошо ли, мол, охрана поставлена...

Где тут пятый ряд?.. Ни с места! Бросай оружие!

Свалка.

Собачий Сын и Девушка видят мелькнувшего на заднем плане Королевича.

Девушка. Ось вин!

Собачий Сын. Стой!

Кидаются в погоню. Тем временем милиционеры и комсомольцы задерживают нескольких бандитов, остальные убегают.

Появляется молодая женщина с ребёнком на руках.

Женщина. Где мой Алексей? Что вы с ним сделали?!

Появляется ещё одна женщина.

Вторая женщина. Алексей! Где мой муж?! Где он, я вас спрашиваю!

Клуня. Та вон же ж!.. Бегит, поганец!!

Собачий Сын и Девушка преследуют Королевича–Козлинского. За ними бегут бандиты. За бандитами – обе женщины, Сонечка, Николини на велосипедах, Клуня, о.Голгофенский, Таббарко, милиционеры.

Мелодия танца ведьм.

Собачий Сын и Девушка догоняют Королевича у колодца. Это Первая Ведьма, обернувшаяся колодцем. Королевич хочет напиться воды. Собачий Сын рубит колодец мечом – вспыхивает пламя. Королевич бежит.

Обыватели, уже освоившиеся с быстрой сменой событий и взгрозившиеся на стулья для лучшего обзора, обсуждают происходящее.

Первый обыватель. Так Вы всерьёз полагаете, что он оборотень? Что никакого Козлинского в природе не существовало, а это всё тот же Алёша?

Дриш-Дрепаносвкий. В смысле, знаете ли, вульгарном – едва ли, но в смысле оккультно-теософском, так сказать... во всяком случае, нельзя отрицать, что как только Алёша исчез, так и появился э т о т. А уж совпадение имён – посудите сами...

Второй обыватель. Но куда же смотрели те, кто разрешал этот гала-вечер, кто подписывал афиши, кто попустительствовал оборотню?!

Бекетов. Ай, оставьте! Никакой он не оборотень и не киноспец, а так себе мазурик натуральнейший! Вы ж понимаете, теперь сразу не разберёшь, где режиссёр, а где просто жулик – и работа у них вообще-то одинаковая: и по результатам, и по копеечке, в которую она влетает...

Собачий Сын и Девушка догоняют Королевича у яблони. Королевич тянется за яблоком. Собачий Сын рубит яблоню – льётся черная кровь. Королевич бежит.

Бекетов. Он девицам нашим обещал проверить их на килогеничность и для этого снимал их вроде бы фотокамерой в обнажённом виде! Ещё и деньги с них за это брал!..

Первая обывательница. Боже мой!..

Бекетов. Но это была и не камера, а вроде как кофемолка!

Первый обыватель. Чёрт знает что!!

Милиционеры хватают часть бандитов, всех четверых Николини, считая их «одной шайкой», а заодно о.Голгофенского и Клуню.

Второй обыватель. Патентованный, однако, прохвост – чёрт знает чего наобещал в афише, а сам сбежал, не выступив!

Бекетов. А Вам бы больше понравилось, если бы он не только пообещал, но и выступил, ни хрена в этом деле не смысля?

Второй обыватель. Но афишка-то всё-таки жульская?

Первый обыватель. А дознано разве, что это он её составлял?

Первая обывательница. Ну хотя бы и не дознано – зато уж махинации с кофемолкой!...

Бекетов. Да не было у него и никакой кофемолки!

Люминальский. Же не се па! Кэ гран дьябль! Пардон, а что же было?

Дриш-Дрепановский. А это уж надо полюбопытствовать у нашего доблестного начмилиции, у этого забулдыги с жандармскими усами и сладкой улыбкой взяточника!

Таббарко (*появляясь*). Что-о?!

Дриш-Дрепановский. Вы только внюхайтесь в этот душок не то что старорежимного, а допотопного времени! Да при таком начмилиции странно ещё, что город не подожжён, не спился с круга, не обандитился вконец! Ведь и эти пресловутые бандиты даже не скрывались, а жили среди нас, каждодневно шлялись по улицам и добрососедски здоровались с нами! Да, может, они и сейчас среди нас!..

Таббарко. А ну, прекратить! Не создавай паники!

Дриш-Дрепановский. О! Видали? Нет, я так скажу: надо отдать должное нашим комсомольцам! Конечно, ребята самоуверенные, но уж когда бы не они...

Второй комсомолец. Прыщ ваш «Фэрбенкс». На ровном месте. Лопнул – и нету.

Люминальский. Но кофемолка у него была или нет?

Третья комсомолка. Не кофемолка, а машинка для вшивания волос. Он и вправду спец – из какого-то там отдела кинофабрики, мастер по парикам. Затем и волосы собирал!..

Королевич, Девушка, Собачий Сын подбегают к башне. Из-за нее выскакивает Третья Ведьма и, разинув огромную пасть, проглатывает

Королевича. Собачий Сын взмахивает мечом, но ведьма перекусывает меч пополам. Собачий Сын и Девушка, спасаясь от ведьмы, лезут на башню.

Первая обывательница. Но с поезда ведь спрыгнул? Кинотрюк ведь был?!

Второй комсомолец. Не кинотрюк, а от любовницы спасался...

Ведьма трясет башню, начинает грызть ее. Башня шатается.

Появляется Иван Великан. Кидает ведьме в пасть камень, который превращается в гору, – ведьма проглатывает, затем бревно, которое превращается в лес, – то же самое, и, наконец, мешок соли – ведьма давится. Великан снимает с башни Собачьего Сына и Девушку. Башня рушится, раздавив ведьму. Грохот.

ДЕВУШКА.

Шо то за грохот, як гром у горах?

ВЕЛИКАН.

Это ж Иродово царство рассыпалось в прах!

СОБАЧИЙ СЫН.

Вечной ночи конец! (*Снимает маску.*)

ВЕЛИКАН (*снимает балахон, превращаясь в Первого и Второго скоморохов*).

А кто нашу сказку слушал, да на ус мотал, тот молодец!

Второй комсомолец. Она его в поезде встретила и давай алименты требовать на ребёнка! (*Хохочет.*) А ребёнку-то полтора годика, а Козлинский с нею уже года три не встречался! А жену его она потом уже из Киева вызвала! А он тут... с Сонечкой!.. (*Еле держится на ногах от смеха.*)

Третья комсомолка (*обрывает*). Не в этом дело! А в том, что был бы огород, а козёл найдётся! Потому-то «киноспец» всех и одурачил, что все мечтали быть одураченными. И пока не переведём мы всех обывателей, до того часу будет где гулять таким Козлинским, проездом из Берлина в Москву и обратно...

Обыватели (*хором*). Но кто ж виноват?!

Комсомольцы (*иронически*). Алёша!

Появляются оставшиеся бандиты. Колька кидается главарю наперерез.

Варька (*отпихивает его*). Не лезь под пулю, идеологический рататуй! (*Швыряет главаря через себя.*) От як трэба!

Комсомольцы обезоруживают бандитов, но один из них успевает выстрелить.

Колька падает.

Варька (*кидается к нему*). Коленька! Чи ты живой?!

Колька (*приподнявшись*). Вроде живой... зацепило только... ногу...

Варька. Идти можешь? Давай я тэбэ понесу!

Колька. Ты что? (*С помощью Варьки бинтует ногу, встаёт.*) Варя... понимаешь... я тут опять кое-что пересмотрел в своей линии... насчёт любви... я так думаю, рано её отменять... отчасти она даже полезна для общего дела...

Варька. Ох, да замовкни ты! Форменный рататуй! Нашёл время! Тут вон ещё какой антагонизм...

Колька. Варя! Не спеши с оргвыводами! Вот, понимаешь, я на тебя смотрю... и, понимаешь...

Варька. Та шо ты обнимаешься?!

Колька. А я раненый, мне можно...

Варька. И звидки ты отакой узявся на мою голову!..

Дальнейший лирический диалог зрителю уже не слышен, тем более что снова звучит музыка танца ведъм, и на заднике появляется портрет Оборотня – похожий и на Козлинского, и на многие другие лица.

Занавес

ЗАЩИТА ОТ ПРИЗРАКА

Инсценировка по рассказу Р.Шекли «Призрак-5»

На сцене стол, стул, кресло, полки с приборами, колбами, книгами.

Вверху – мигающая надпись «АААПОПС».

Арнольд (флегматичный, в затемнённых очках, с растрёпанной шевелюрой, сидит за столом и сам с собой играет в шахматы). ...Я так... он конём... я тогда так... он сюда... я

так... он... шах...

Грегор (высокий, спортивного типа, стоит, припав к дверному глазку). Тихо ты!

Посетитель!

Арнольд (не отрываясь от шахмат, недоверчиво). Ну да?

Грегор. Точно говорю!.. Подошёл... читает вывеску...

Арнольд (встаёт). Дай глянуть.

Грегор (отпихнув его локтем). погоди!.. сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит...

Арнольд (разочарованно махнув рукой, возвращается к шахматам). ...он закрылся... я слоном... шах...

Грегор (там же). Возвращается!

Арнольд (меланхолически кивает). Ага... он пешкой... я его ферзём...

Грегор. Да идёт же! Убери шахматы! Прикинься, будто ты большой учёный, и у тебя дел выше крыши!!

Арнольд смахивает шахматы в ящик стола, приглаживает волосы, надевает респиратор, хватается за колбу. Грегор принимается лихорадочно перебирать бумаги, имитируя кипучую деятельность.

Стук в дверь.

Арнольд, Грегор (вразнобой). Да-да!.. Войдите!

Входит человек измученного вида. С сомнением рассматривает Арнольда и Грегора.

Грегор. Добрый день, сэр! Чем можем быть полезны?

Человек. Хэлло... Природную среду на планетах оздоравливаете?

Грегор. А как же, сэр, оздоравливаем! (Отложив бумаги, одним прыжком оказывается рядом с вошедшим.) Разрешите представиться – Ричард Грегор! (Схватив посетителя за руку и крутнув его вокруг оси, ставит лицом к Арнольду.) А это мой компаньон, Фрэнк

Арнольд... то есть я хочу сказать, доктор Фрэнк Арнольд! Мы представляем фирму АААПОПС! Астронавтическое... (Вскакивает на стул.) ...антиэнтропийное...

(Перепрыгивает на стол.) ...агентство! По! Оздоровлению! Природной! Среды!

(Спрыгивает на пол, проходится колесом.) Откройте любой справочник – мы на первом месте!

Арнольд хмыкает, но тут же делает вид, что это по поводу колбы, которую он рассматривает и встрахивает.

Грегор (метнув на него свирепый взгляд). Э-э... прошу, садитесь, мистер... э...

Человек (садится). Фернгром.

Грегор. Очень приятно, мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым Вашим поручением! (Демонстрирует серию трюков, не переставая говорить.) Мы контролируем флору и фауну... очищаем атмосферу, гидросферу и ноосферу... доводим питьевую воду до кондиции... проводим испытания стабильности... регулируем

землетрясения!.. словом, принимаем все меры, чтобы планеты стали пригодными для житья! *(Стреляет в воздух.)*

Фернгром *(едва не свалившись со стула)*. Как бы вам... видите ли... а, скажу начистоту! У меня сложности с одной планетой.

Грегор *(самоуверенно)*. Ну, к сложностям нам не привыкать. Верно, доктор Арнольд?

Арнольд. Угу... *(Встряхивает колбу и быстро ставит на стол, та взрывается.)*

Фернгром *(заикаясь)*. Понимаете... я... это... агент... по продаже недвижимости... знаете, там купил планету, тут её перепродал... и все довольны... Вообще-то я занимаюсь мелкими планетками, их среду пускай сами покупатели оздоравливают. Но вот недавно подвернулась мне планета высшего разряда – прямо из-под носа увёл у крупных бизнесменов!

Грегор *(вежливо)*. Поздравляю, мистер Фернгром!

Фернгром *(уныло)*. Планета что надо... температура умеренная круглый год... горы небольшие, без всяких там лавин и вулканов. Ну, водопады, озёра разные, радуги... всё чин чинном. И никаких зверей!

Грегор. А микробы есть?

Фернгром. Неопасные.

Грегор. Отлично. Так чем же эта планета Вам не угодила?

Фернгром *(уклончиво)*. Да вы о ней, небось, слышали. Она в официальном каталоге под индексом ПКХ-5. Но все называют её – Призрак-5.

Грегор. Призрак-5? Странное название... хотя бывают и похлеще... надо же как-то назвать, в конце концов... Призрак-5... Нет, не припоминаю... Так что с ним такое, с этим Призраком?

Фернгром. Эх, говорила мне жена: «Не гонись за большими деньгами!»... как в воду глядела! Уплатил-то я за призрак кучу денег, а толку...

Грегор *(теряя терпение)*. Так в чём же дело, в конце концов?!

Фернгром *(набравшись духу)*. Там завелась нечистая сила!!!

Удар грома. И сам Фернгром как будто преображается.

Арнольд. Вот как?

Фернгром. Ну да. Понимаете, купил я эту планету, быстренько обследовал радиолокатором... всё вроде путём... ну и сдал в аренду фермерам с планеты Дижон-6...

Грегор *(ещё ничего не понимая, но делая вид, что понимает всё)*. Так-так-так...

Фернгром *(лицо его искажается, голос становится громче)*. Фермеры высадили на Призрак отряд в восемь человек – готовить место для поселения... Суток не прошло – оттуда радиogramмы! Да не радиogramмы – бред какой-то! демоны у них! оборотни!! Арнольдвурдалаки!.. жуть, короче!!! *(Скачет вокруг Грегора и Арнольда, жмущихся друг к другу.)*

Арнольд. Интересно!

Фернгром *(расходясь всё больше)*. В общем, прилетел корабль – а в живых никого! Только восемь тел! С рваными ранами! Да какими!! Тут запросто могли поработать и вурдалаки... и эти... динозавры!! *(Сидит уже на столе, под который забились Арнольд и Грегор.)*

Грегор *(из-под стола)*. Весёленькая история!

Фернгром. Ха, это ещё не всё! Фермеры, ясное дело, расторгли договор и подали на меня в суд. Мне бы уж не высовываться, а я сдал этот чёртов Призрак ещё раз – теперь уж солнцепоклонникам с планеты Опал-21...

Грегор *(высовываясь)*. Солнцепоклонникам?

Фернгром. Ну да. Секта такая, солнцу поклоняются. Ну, вы же знаете, эти сектанты так и рвутся заселить необжитые планеты и начать там новую жизнь...

Арнольд (*вылезая с другой стороны*). Не только сектанты! Представители национальных и сексуальных меньшинств, философы и романтики – все хотят устроить себе рай в пригодных для жизни мирах...

Грегор. погоди ты... Ну, а дальше-то что, мистер Фернгром?

Фернгром (*Арнольду*). Ваша правда, док! Именно этого они и хотят. Эти самые солнцепоклонники тоже сперва заявили: не планета, мол, а прямо рай! Они-то отправили только трёх человек, зато уж воворужённых до зубов. Те, значит, поставили сборные домики, передали свлим по радио: всё, мол, хорошо, вылетайте... и вдруг...

Далёкий отчаянный крик.

Фернгром (*опять почти теряя человеческий облик*). Уууу!.. прилетел... патрульный корабль!.. А там – три трупа! Изуродованных!! И всё!! Больше туда никто не желает и носа сунуть! Ни з акакие коврижки! Наотрез отказываются!!!

Грегор. М-да...

Фернгром (*постепенно успокаиваясь*). Вам и карты в руки, ежели возьмётесь...

Арнольд. Извините, мистер Фернгром, нам с коллегой надо посоветоваться! (*Отходят с Грегором на авансцену.*) Ну что? Работёнка по нам!

Грегор (*со значительно меньшим энтузиазмом*). М-да... но зато какая!

Арнольд. Мы же и хотели такую. Разве не так?

Грегор. Да так-то оно так...

Арнольд. Другого пути нет. Сам знаешь, оздоровление среди захватили крупные корпорации. Это наш первый заказ, до сих пор ни одного не было, как же мы можем отказаться, а?!

Грегор. Это-то всё верно, но на планету-то отправлюсь я. А ты будешь сидеть дома и осмысливать готовенькую информацию!

Арнольд. Ну так что? Мы же так и договаривались! Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлёбываешь неприятности. Забыл?

Грегор. Да ничего я не забыл. Интересно, почему это так получается, всю жизнь, со школы ещё: я лезу в самое опасное место, а ты сидишь дома и объясняешь, почему именно туда надо было лезть?!

Арнольд. А потому, что каждый должен делать то, чтомон умеет делать. Ты умеешь лезть, я умею объяснять.

Грегор. Не нравится мне это дело...

Арнольд. Ты что, веришь в нечистую силу, что ли?

Грегор. Да нет...

Арнольд. А со всем остальным мы уж как-нибудь управимся. Что, не так?

Грегор. А если...

Арнольд. Доказательств существования нечистой силы пока что не найдено во всей Галактике!

Грегор. А если эта планета – первая?..

Арнольд. Кто не рискует, тот не выигрывает!

Грегор (*неохотно*). Угу...

Компаньоны возвращаются к Фернгрому.

Арнольд. Ну, мистер Фернгром, мы берёмся навести порядок на этом вашем Призраке!

Фернгром. Неужто?!

Арнольд. Только надо нам с Вами заключить договор. Форма стандартная... *(Берёт бланк.)* Здесь предусмотрены: процент прибыли от эксплуатации планеты в случае успеха...

Фернгром. Само собой!!

Арнольд. ...и неустойка в случае неудачи...

Фернгром. Гм... *(Читает договор.)*

Арнольд. Вот здесь проставим... так, «оздоровление среды на планете...» *(Пишет.)* А здесь распишитесь, пожалуйста.

Фернгром. Гм... ладно. *(Подписывает.)*

Арнольд *(также подписывает).* Всё в порядке, сэр. Завтра же мой компаньон отправится на вашу планету...

Грегор *(поспешно).* Нет, послезавтра! Надо же подготовиться, взять снаряжение!..

Арнольд. Да, послезавтра. С ближайшим рейсом!

Грегор. А кстати, сэр, почему Вы обратились именно к нам?

Фернгром. Да просто больше никто не брался. Всего наилучшего! *(Уходит.)*

Грегор. Вот так-то! Вляпались мы с тобой...

Перемена декораций.

Комната в домике солнцепоклонников на планете Призрак-5. Сундук с игрушками.

Ящики. Экран телесвязи.

Грегор *(включает связь).* Алло! Фрэнк, ты меня слышишь? Это я, Ричард!

Арнольд *(появляется на экране).* Слышу и вижу. Привет, старина! Как дела на нашем Призраке?

Грегор *(шутливо-торжественно).* Докладываю: высадился в 21:00 по венерианскому времени...

Арнольд. Почему по венерианскому?

Грегор. Так мне же пришлось лететь с пересадкой – прямо на Призрак никто отправляться не желает. Так что я добирался с Венеры грузовым кораблём-развалюхой...

Арнольд. Снаряжение всё цело?

Грегор *(гордо).* Смотри сам! *(Обводит жестом ящики.)* Ты ж знаешь, я в космос не полечу, не взяв с собой всё необходимое – Призрак там, не Призрак! *(Демонстрирует оружие.)* Вот, видал – бластеры последней модели! С ними мне и динозавры нипочём!

Арнольд *(ворчливо).* Бластеры... Химическое оборудование в порядке?

Грегор. Ничего не разбилось, не первый день... Но ты бы видел, как удирал этот кораблик, с которого я высадился! Точно за ним черти гнались!

Арнольд. Как устроился?

Грегор. Отлично. Эти солнцепоклонники поселились в очень красивом месте. Справа гора, слева озеро. Красота! Климат – что надо: тепло, но не жарко. Ветерок с озера, трава шелестит... Домик маленький, уютный...

Арнольд. А что это там за сундук?

Грегор. В нём игрушки всякие. Наверное, для детишек, которые должны были прибыть с основной партией переселенцев... Смотри, водяной пистолет! Точно такой у меня был в третьем классе, помнишь? Ты ещё всё канючил: дай пострелять, ну, дай, ну что тебе, жалко?!.

Арнольд. Ладно-ладно. Ты систему охраны задействовал?

Грегор. А как же! Таракан не проскочит! Радарная установка включена. Пистолет всегда под рукой.

Арнольд. Водяной, что ли?

Грегор. Нет, бластер! Знаешь, я думаю, эти ребята были просто истериками. В сектах такое не редкость. Примерешилось им что-то, впали в панику и перебили друг друга.

Арнольд. Видишь, даже хорошо, что ты один. Ну, отдыхай!

Грегор. Пока! *(Выключает связь. Проверяет систему охраны — мигают разные табло. Ужинает. Снимает комбинезон, вешает его на крючок и укладывается спать, положив бластер под голову.)*

Полутьма. Тревожная музыка.

Грегор *(вскакивает спросонья).* А?! Кто здесь?! *(Схватив бластер, озирается, наводит его на тёмную фигуру в углу.)* А ну, руки вверх и лицом к стене!

Фигура не шевелится.

Грегор. Руки вверх, говорю! Стреляю по счёту «три»! Раз, два...

Вспыхивает одна из сигнальных ламп, освещает фигуру.

Грегор *(расслабившись)* Тьфу ты, чёрт, да это же мой собственный комбинезон!

Привидится же!.. *(Смеемся, но тотчас обрывает смех,*

вскакивает — комбинезон шевелится.) Э... чёрт, от ветра, наверное... Какого ветра?!

Закрыто же всё, наглухо!.. Стой!!!

Оживший комбинезон идёт к нему, тянет рукава к его шее.

Грегор. А-а-а!!! *(Стреляет.)*

Комбинезон горит, но по-прежнему тянется к нему; наконец, сгорает полностью, оставив только дым.

Грегор *(включает весь свет, озирается; дрожащей рукой включает связь).* Чёртова система охраны!! Алло!! Фрэнк! Ты спишь?

Арнольд *(на экране, сонный).* Как по-твоему, что ещё я могу делать ночью? Что у тебя стряслось?

Грегор. А ты почём знаешь, что стряслось?

Арнольд *(спокойно).* Да на тебе лица нет, старина!

Грегор. На меня напал мой собственный комбинезон! Ожил и напал! Задушить меня хотел!..

Арнольд. Интересно... Оживление одежды, а? Честное слово, это даже забавно!

Грегор *(с горечью).* Вот-вот, я и надеялся, что тебя это позабавит.

Арнольд. Ну, не распускайся, старик. Спать, пожалуй, больше не ложись — вдруг ещё что привидится...

Грегор. Ты что это хочешь сказать?! Ничего мне не привиделось! Это всё в натуре было!!

Арнольд *(успокаивающе).* Конечно-конечно. Я и говорю — спать сегодня больше не ложись. Свари себе кофе...

Грегор. Без тебя сообразил!

Арнольд. Вот и ладно. Я тут тоже кой-чего сообразил...

Грегор. Что тут можно сообразить? Что?! Ведь никаких призраков не бывает! Ведь стоит провести серьёзное исследование, и все

сверхъестественные явления сводятся к естественным! А если не сводятся, то сами собой прекращаются! Какой призрак станет лезть на глаза неверующему?..

Арнольд *(перебивает).* Вот именно! Должна быть реальная причина

Грегор. Но какая? Здесь нет животных, но что гуманоидов! Ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни гигантских мозгов в пещерах!

Нет даже луны, где могло бы притаиться что-то в этом роде!..

Арнольд. Ага! И что же из этого следует?

Грегор. Ну... например, кто-то хочет помешать Фернгрому и присвоить планету. Этот «кто-то» прячется где-то здесь...

Арнольд. Где?

Грегор. Ну... может, в озере... в скафандре... и он... пугает и убивает людей...

Арнольд. И как же ему удалось оживить твой комбинезон?

Грегор. Не знаю...

Арнольд. Вот то-то! Нет, тут не чей-то злой умысел, тут что-то другое... Ты бы, кстати, оделся. Или так и будешь – без штанов, но с бластером?

Грегор (*горько*). Тебе, конечно, смешно...

Арнольд. Запасной комбинезон у тебя есть?

Грегор. Есть, всё у меня есть... Вот доживу ли я до утра, это вопрос.

Арнольд. Ричард, не впадай в панику. Больше ничего не случилось?

Грегор. Пока нет.

Арнольд. Всё же посмотри кругом внимательно.

Грегор (*осматривается, бросается к стене*). Слушай, тут что-то написано!

Арнольд. Так. Что именно?

Грегор. «Тгасклит»...

Арнольд. Что это значит?

Грегор. Это я тебя спрашиваю, что это значит!! Ты же у нас всё объясняешь!!!

Арнольд. Это твой комбинезон написал, что ли?

Грегор. Иди ты!.. надпись явно старая, просто я раньше не заметил!

Арнольд. Значит, это солнцепоклонники... Как пишется?

Грегор. Т-г-а-с-к-л-и-т.

Арнольд (*записывает*). Спасибо. Ну, береги себя. Да, кстати, тут один тип устроил тотализатор – принимает ставки против тебя, пять к одному. Люди заключают пари, продержишься ты там или нет.

Грегор. Быть не может!

Арнольд. Честное слово! Я тоже поставил.

Грегор. За меня или против?

Арнольд (*возмущённо*). Конечно, за тебя, ты что! Ведь мы ж друзья, разве нет?

Грегор. И на том спасибо. Правда, ты вечно ставишь не на ту лошадь...

Арнольд. Ну, будь!

Грегор. До связи! (*Выключает связь; стоит с бластером в руке, озирается, бормочет.*)

Чудовищ не бывает. Призраков не бывает...

Появляется фигура выше человеческого роста, с крокодильей головой, малинового цвета, с поперечными вишнёвыми полосами. В лапах у чудовища большая коричневая банка с яркой этикеткой.

Чудовище (*весело*). Привет!

Грегор. А... а.. ага... привет... ты.. ты кто?!

Чудовище (*дружелюбно*). О, я Хват Раковая Шейка. Хватаю всякие вещи.

Грегор (*медленно поднимает бластер*). Как интересно...

Хват. Ага. Хватаю вещи, которые называются «Ричард Грегор», и поедаю их в шоколадном соусе. Вот, читай! (*Показывает банку.*)

Грегор (*читает вслух этикетку*). «... Шоколадный соус Смига – лучшая приправа к Грегорам, Арнольдам и Флиннам...». Ага. Так ты меня съесть собрался?

Хват. А то как же!

Грегор стреляет в Хвата – раз, другой, третий.

Хват (*спокойно*). Не, этим меня не проймёшь, очень уж я здоровый!

Грегор роняет оружие.

Хват (*нависает над ним*). Сегодня я тебя не съем.

Грегор. Не съешь?..

Хват. Сегодня – нет.

Грегор. А... а... а когда?..

Хват. А завтра. Потому что съесть тебя я имею право только первого числа.

Грегор. Только первого?

Хват. Ну да. Такое правило. Вот как притащишь домой табель со своими двойками и колами – так и я тут как тут... А сейчас я пришёл попросить тебя об одной услуге.

Грегор. Ка... какой именно?

Хват (*заискивающе*). Будь умницей, скушай хоть парочку яблок, ладно? Яблоки придают такой замечательный привкус мясу!.. Ну, до завтра! (*Исчезает.*)

Грегор (*озираясь, включает экран*). Алло! Фрэнк! Алло!!

Арнольд. Ну, что у тебя нового?

Грегор. Только что здесь было чудовище! Такое высоченное... с крокодильей мордой... малиновое... полосатое... его зовут...

Арнольд. Хват Раковая Шейка, да?

Грегор. А ты откуда знаешь?!

Арнольд. Старик, это решающее доказательство! Всё сходится!

Грегор. Да что, что сходится-то?! Что здесь творится, ты можешь мне объяснить?!!

Арнольд. А как же, конечно, могу, это же моя работа – объяснять. Только сначала сделай-ка всё, как я скажу.

Грегор. Что сделать?

Арнольд. Распакуй лабораторное оборудование.

Грегор (*открывает ящики, достаёт колбы, штативы и т.п.*) И что дальше?

Арнольд. Возьми пробу воздуха.

Грегор (*орудуя резиновой грушей*). Взял.

Арнольд. Обработай её по методике Лангвиссера... ну, чего ты не понял, двоечник?

Смешай реактивы номер 15 и номер 73.

Грегор (*выполняет*). Так бы сразу и сказал... есть!

Арнольд. А параллельно на всякий случай... да, проведём реакцию Рочестера-Гэйса... это будет самое надёжное... добавь, пожалуйста, реактив номер 36.

Грегор. Добавил.

Арнольд. Осадок выпал?

Грегор. Выпал.

Арнольд. Очень хорошо. Отфильтруй его, раствори в жидкости из бутылки под номером 82...

Грегор. Сейчас... не гони так... есть! Что дальше?

Арнольд. Теперь поставь нагреваться и жди, пока не закипит. Всё.

Грегор. Есть. А теперь объясни, что происходит.

Арнольд. Пожалуйста. Твой «тгасклит» я нашёл в словаре. В опалианском. Солнцепоклонники-то были с планеты Опал. Слово это означает «многозубый призрак». Тебе это ни о чём не говорит?

Грегор (*ехидно, но на грани истерики*). Ну ясно, их поубивал отечественный призрак. Должно быть; прилетел зайцем на их же корабле. Надо понимать, над ним тяготело проклятье, и он...

Арнольд. Успокойся и перестань чушь молоть. Призраки тут ни при чём. Раствор ещё не закипел?

Грегор (*угрюмо*). Нет.

Арнольд. Не прозевай. Скажешь, когда закипит... Так вот, вернёмся к твоему оживяему комбинезону. Тебе это ни о чём не напоминает?

Грегор (*неуверенно*). Разве что о детстве... Да нет, это же курам на смех.

Арнольд. Ну-ну, выкладывай!

Грегор. Ну, когда мне было лет шесть, я жутко боялся одежды на спинке стула. В темноте она мне напоминала то чужого человека, то дракона, то ещё какую-нибудь страшилку... в детстве это бывает с каждым. Но при чём тут?..

Арнольд. Ещё как при чём! Раствор кипит?

Грегор. Нет ещё. Вот-вот закипит.

Арнольд. Ну ладно. Хвата Раковую Шейку ты ещё не вспомнил?

Грегор. Нет. А с чего бы мне его вспоминать?

Арнольд. Да с того, что ты же его и выдумал!

Грегор. Я?!

Арнольд. Ты, ты! Точнее, мы: ты, я и Джимми! Помнишь? Нам было лет по восемь... Ну, Джимми Флинна ты помнишь, надеюсь?

Грегор. Ещё бы! Наше знакомство началось с того, что он собирался тебя за что-то отлупить после уроков, а я за тебя заступился... Мы подрались, потом помирились...

Арнольд. Вы оба всегда скатывали у меня контрольные по химии. Я вам говорил: химия – великая наука!.. но вы ведь хотели стать астронавтами...

Грегор. Старина Флинн сейчас работает на Юпитере...

Арнольд. Да, так вот, вспомни – мы вместе придумали самое жуткое чудище, какое только могли себе тогда представить; чудище было наше, ничьё больше, оно желало слопать тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом! Однако право на это оно имело исключительно по первым числам, когда мы приносили домой табеля с отметками...

Грегор. Точно! Вспомнил! Как же оно всё забывается! Как я дрожал от нашей же собственной выдумки, ожидая Хвата! По сравнению с этим взбучка от родителей за двойку казалась сущим пустяком...

Арнольд. Вот-вот. Избавиться от него можно было только одним способом: сказав волшебное слово...

Грегор. Какое?

Арнольд. Эй! Раствор кипит?

Грегор. Ага, кипит.

Арнольд. Какого он цвета?

Грегор. Зеленовато-синий. Скорее синий, чем...

Арнольд. Всё правильно. Можешь выливать. Конечно, надо будет поставить ещё дополнительные опыты, но в общем-то мы этот орешек раскусили.

Грегор. То есть как это раскусили? Я ничего не понимаю! Что ты хочешь сказать? Может, объяснишь всё толком?!

Арнольд. Да это же проще простого. Животных на планете нет. Привидений не бывает. Сама собой напрашивается мысль о галлюцинациях...

Грегор. Но с чего бы им начаться?

Арнольд. Вот и стал думать, с чего бы им начаться. Есть такой «Каталог инопланетных редкоземельных элементов», так в нём перечислено больше десятка галлюциногенных газов. Вдохнул – и сразу такое увидел!.. А этот, судя по опыту, который мы с тобой сейчас провели, соответствует газу, фигурирующему в каталоге под названием «лонгстем-43». Прозрачный, без запаха, безвредный, стимулирующий воображение...

Грегор. Так, по-твоему, это всё у меня воображение?! Да уверяю тебя...

Арнольд. Не так всё просто. Лонгстем-43 воздействует непосредственно на подсознание. Понимаешь, что это значит, а?

Грегор (в затруднении). Ну...

Арнольд. Правильно, он растормаживает самые острые, самые глубокие страхи, оживляет всё то, чего ты когда-то панически боялся и в себе подавлял!

Грегор. Оживляет страхи, говоришь?

Арнольд. Да, оживляет страхи!

Грегор. А на самом деле там ничего и нет?

Арнольд. Ничего. Но галлюцинация всегда кажется реальной тому, кто её испытывает. Это сон наяву.

Грегор (берёт в руки колбу). Да... это надо запить... (Отхлёбывает из горлышка.)

Арнольд. Так что оздоровить Призрак будет нетрудно. По методике Лангвиссера переведём газ в связанное состояние – и порядок! Разбоигатеем, старик!

Грегор. Хорошо... но... если это всего лишь галлюцинации, кто убил переселенцев? А?

Арнольд (менее уверенно). Ну, возможно, лонгстем стимулирует мортидо...

Грегор. Чего-чего?

Арнольд. Книжки читать надо! Мортидо – воля к смерти... Короче, они посходили с ума и поубивали друг друга.

Грегор. И никто не уцелел?

Арнольд. А что тебя удивляет? Последние покончили с собой или умерли от ран... Да ты об этом меньше думай. Я завтра же нанимаю корабль и лечу к тебе. Проведём ещё парочку контрольных опытов – и домой!

Грегор (прикладывается к колбе ещё раз). Угу... Спокойной ночи.

Арнольд. До завтра.

Затемнение.

Следующий день. На календаре – 1 число.

Хват (*появляется*). Привет!

Грегор. О, привет! Явилась моя персональная галлюцинация с гастрономическими намерениями!

Хват (*застенчиво*). Ага, точно. Яблочками-то подкормился?

Грегор (*смеясь*). Ох, извини. Упустил из виду.

Хват. Вот тут ты неправ, двоечник мой любимый. Ну ладно, не беда. Главное – соус при мне. (*Взбалтывает банку.*)

Грегор (*весело*). Иди гуляй. Я же знаю, что ты всего-навсего плод моего воображения!

Хват (*дружелюбно*). Ясное дело, твоего, а то чьего же?

Арнольд. Не за что. Свои люди, сочтёмся. Ладно, старина, я отключаюсь. Скоро буду у тебя, а ты давай держись!

Грегор (вяло) Ага...

Экран гаснет. Раздаётся ехидный смешок.

Грегор. Кто здесь?!

Смешок повторяется.

Грегор. Кто здесь?! (Хватает бластер.)

Голосок (противный, тягучий, подвывающий). Это я-а, Тенепопята-ам, твоё ли-ичное чу-удище-е...

Грегор. Боже мой... я тебя совсем забыл... Тенепопятам, тварь мерзкая, диковинная...

Тенепопятам (появляется в дверном проёме). Живу под кроватью, прячусь в шкафу-у, нападаю только на тебя-а и только в темноте-е-е!..

Грегор. Ах, в темноте? (Быстро включает все светильники.)

Тенепопятам (слышен только голос). А ну, погаси све-ет!

Грегор. И не подумаю! Пока свет есть, ты мне не страшен!

Тенепопятам. По-хорошему говорю, погаси све-ет, а то хуже бу-уде-ет!!

Грегор. Нет!!!

Тенепопятам. Ах, так? Иген, Миген, Диген!

В комнату врываются три чудища поменьше и накидываются на лампы. Становится темнее.

Грегор. Ну погодите у меня!.. *(Стреляет в них несколько раз.)*

Лампы разлетаются, становится совсем темно.

Грегор. Ох, идиот, что ж я натворил!

Тенепопятам. Хи-хи-хи-хи, то, что надо-о!

Грегор. Не могли ведь они погасить свет! Лампы – неодушевлённые, они воображению не подвластны!..

Тенепопятам. Хи-хи, зато ты подвластен!!

Грегор. Это же я вообразил, что темнеет...

Тенепопятам. И перебил все лампы, хи-хи-хи! Теперь-то тебе от меня не спастись!

(Кидается к Грегору.)

Грегор *(роняет бластер, пятится)*. Каким же волшебным словом тебя можно прогнать?

Тенепопятам. Тенепопятама не берут никакие воилшебные слова!!!

Грегор, пятась, спотыкается о сундук с игрушками, падает в него, закапывается в игрушки. Тенепопятам тоже лезет в сундук, выбрасывает игрушки, добираясь до Грегора. Грегор встаёт, в руках у него водяные пистолеты.

Тенепопятам *(отшатывается)*. Эй, вот этого не надо!

Грегор. Ага! Вот чего ты боишься, дружок!! *(Направляет в Тенепопятама струю воды.)*

Тенепопятам. Ой-ой-ой! Ну ты что?! Ну разве так можно?! Мы же так не договаривались!! *(Удирает через зрительный зал.)*

Грегор *(преследуя его)*. Договаривались, договаривались!! *(Раздаёт пистолеты-брызгалки зрителям, общими усилиями чудище удаётся прогнать; возвращаясь, забирает водяные пистолеты, рассовывает их по кобурам и карманам)*. Извините... давайте сюда... это оружие... против воображаемого чудовища это самое подходящее оружие...

Шум приземления корабля.

Арнольд *(входит)*. А вот и я!

Грегор *(устало)*. Доб ро пожаловать на Призрак...

Арнольд. Ну как ты тут?

Грегор. Да почти в порядке... Вот только Тенепопятам меня чуть было не прикончил.

Арнольд. Тенепопятам? А, это которого ты придумал... который живёт под кроватью...

Грегор. ...и нападает в темноте...

Арнольд. Это был он?

Грегор. Он самый. Если б не брызгалки, я бы пропал.

Арнольд (*сочувственно*). Да, дружище, это сурово. Ты герой. Ну вот что – опыты я сам поставлю по-быстрому, а ты дуй в корабль и отдыхай. Ты и так натерпелся.

Грегор (*скромно*). Да чего там... Могло быть и хуже.

Арнольд. Куда уж хуже?

Грегор. Э, хуже всегда есть куда. Вот Джимми Флинн таких страшилищ выдумывал, что куда там моему Тенепопятому! Ворчучео помнишь?

Арнольд. Помню только, что из-за него мне кошмары снились...

Грегор уходит. Арнольд проводит серию эффектных опытов.

Перемена декораций.

На борту корабля.

Грегор. Через три часа – Земля. Надо пойти в кабину управления – задать курс автопилоту... Эй, что ты там всё пишешь?

Арнольд (*не прекращая писать*). Да вот, набрасываю заметки для будущей статьи.

Научной. Роль массовых галлюцинаций в возникновении физиологических изменений...

Грегор. Ладно-ладно, отличник ты мой... Сходи, короче, в рубку, а я хочу ещё поспать!

Арнольд выходит. Грегор вытягивается на койке.

Арнольд (вбегает с искажённым лицом). Ричард! Мне кажется... там... там... мне кажется, в кабине управления кто-то есть!..

Грегор (садится). Да брось ты, никого там нет и быть не может, мы же...

Раздаётся грозный рык.

Арнольд. Ох! Всё ясно!

Грегор. Что? Что тебе опять ясно?!

Арнольд. Это я! Это я виноват! После посадки я неплотно закрыл люк. И в корабль набрался воздух планеты. Мы дышим всё тем же галлюциногенным газом!

Грегор. Та-ак...

Рык ближе.

В дверях появляется несуразный гигант серого цвета в жёлтую крапинку. У него множество рук, ног, щупалец, клыков, рогов, глаз и даже пара крылышек. Бормочет что-то угрожающее.

Арнольд. Ворчучело!!!

Грегор (*прыгает и захлопывает дверь перед носом страшилища*). О-па! Здесь нам ничего не грозит. Дверь герметическая. Но как мы будем управлять кораблём?

Арнольд. А никак. Долетим на автопилоте.

Грегор. А приземлимся как?

Арнольд. Ну, к тому времени придумаем, как прогнать этого урода...

Нечеловеческий голос. К тому времени я вас... (*Сквозь дверь начинает просачиваться дым.*)

Арнольд. Что же это?

Грегор. Забыл? А я вспомнил. Ворчучело проникает в любые помещения. Против него любые замки бессильны.

Голос Ворчучела. Против меня любые замки бессильны...

Арнольд. Я о нём почти ничего не помню, в самом деле. Оно что, пожирает людей?

Грегор. Вроде бы нет. Насколько я помню, только изжёвывает их в кашу.

Ворчучело. Изжёвываю их в кашу...

Арнольд. Что же мы делаем?! Чем больше мы о нём вспоминаем, тем реальнее оно для нас!!

Грегор. Ты же видишь, мы его всё равно не забыли! Его забыть невозможно!!

Ворчучело (*приближаясь к ним*). Меня забыть невозможно!

Они отступают в следующую каюту. Ворчучело начинает просачиваться и туда.

Арнольд. Глупость какая! Дать затравить себя вымышленному чудовищу!.. Стой-ка!

Брызгалки при тебе?

Грегор. Да. Но...

Арнольд. Давай сюда! (*Отбирает у него водяной пистолет, поливает Ворчучело водой.*)

Грегор. Никто никогда не останавливал Ворчучело водой!

Ворчучело. Никто никогда не останавливал Ворчучело водой!!

Грегор. Этим его не возьмёшь... бежим в следующую каюту!

Отступают.

Арнольд. А что там за стенкой?

Грегор. Там уже космос!.. слушай, нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух?

Арнольд. Примеси и так потихоньку удаляются вместе с отработанным воздухом... но действие лонгстема продолжается несколько часов!

Грегор. А противоядия нет!

Арнольд. Никакого!

Ворчучело (*просачиваясь*). От меня нет противоядия... хрррр!!!!

Арнольд. Как же его прогнать? Должен же быть какой-то способ! Волшебное слово?

Грегор. На него не действуют волшебные слова!

Ворчучело (*просачиваясь*). На меня не действуют волшебные слова!!.

Арнольд. Деревянный меч?

Грегор (*качает головой, скорбно*). Я всё-всё вспомнил!

Арнольд. Ну?!

Грегор. Его не одолеть ни брызгалкой, ни рогаткой, ни хлопущкой, ни дымовушкой, ни деревянным мечом, ни ржавым гвоздём – ничего его не берёт! Ворчучело абсолютно неистребимо!

Ворчучело (*гордо*). Воррррчучело абсолютно неистрррррребимо!!!

Арнольд. Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия!!

Грегор. Ему на Юпитере сейчас икается...

Ворчучело приближается к ним.

Арнольд. Больше бежать некуда...

Ворчучело. Больше бежать некуда!! Думали, заперлись, так я вас и не достану?!

Арнольд. Как же от него избавиться?!

Грегор. Я же говорю: никак. Оно должно уйти по доброй воле.

Ворчучело. Верррно, пррравильно. Вот сейчас пррррожую вас – и уйду. По добррррой воле.

Арнольд. Думай же, Ричард, пожалуйста, думай!!! Ты про него лучше помнишь! Ни один мальчишка не станет выдумывать; чудовище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!..

Грегор. Ворчучело не прикончишь.

Ворчучело. Пррравильно, Ворррррчучело не пррррррикончишь!!! (*Тянет к ним лапы.*)

Арнольд. Думай, думай, Ричард!!!

Грегор. О! Вспомнил! Вспомнил!! Самое верное средство от ночных страхов – укрыться с головой одеялом!!!

Укрываются одеялом. Ворчучело ходит вокруг них и ворчит. Одеяла спускаются и в зале.

Грегор (выглядывает). Все укрылись? Пока все не укроются, оно не уйдёт!!

Ворчучело. Ууууу! Укрррылись!! Не сообррражают... как мне голодно... и холодно... ууууу!!!

Грегор. Иди-иди! (Прячется под одеяло.)

Весь зал укрывается одеялами.

Ворчучело, ворча и ругаясь, уходит через зал.

Арнольд (выглядывает). Ну что?

Грегор (высовывается с другой стороны). Всё в порядке! Воирчучело ушло!!

Арнольд. Ура!!!

Пляшут. Арнольд обливает Грегора водой из водяного пистолета.

Грегор. Я ж тебе говорил, брызгалкой его не возьмёшь!

Арнольд. Всё равно, оставлю на память, пригодится. Вот будет у меня сын, подарю ему. Мало ли что...

Грегор. Нет уж, я своему припасу кой-что получше. Вот она – самая лучшая в мире защита от призрака: одеяло над головой!!!

Занавес

БУНТ НА ФАБРИКЕ СНОВИДЕНИЙ – ТОЖЕ СОН!

БУНТ НА фАБРИКЕ СНОВИДЕНИЙ – ТОЖЕ СОН!

Памяти И. Бродского

сценарий-коллаж,
включающий фрагменты
стенограммы суда над И. Бродским,
текстов И. Бродского, Ф. Дюрренматта, Л. Кэрролла, С. Лема, Э. Лимонова, Д. Свифта,
А. и Б. Стругацких, Л. Фейхтвангера, К. Чапека, И. Эренбурга и др.,
а также отрывки из писем и дневников моих друзей Л. Мачулко и М. Шимберга

Журнальный вариант

Декорацией могут служить несколько кубов с разноцветными гранями – словно кто-то сломал гигантский кубик Рубика, – из которых можно сложить что угодно. Вверху висит лёгкая конструкция – мобиль, поблескивающая, шевелящаяся от любого дуновения. Она – сидит на одном из кубов, вертя в руках стакан. Он – за стойкой бара, сложенной из трёх кубов, протирает бокал. Входит Третий, останавливается в той части игрового пространства, которое условно можно считать авансценой.

ОН. Если вдруг забредаешь в каменную траву,
выглядающую во мраморе лучше, чем наяву,
с нимфой, и оба в бронзе счастливее, чем во сне,
можешь выпустить посох из натруженных рук:
ты в Империи, друг!

ОНА. Воздух, пламень, вода, фавны, наяды, львы,

взятые из природы или из головы, –
всё, что придумал Бог и продолжать устал
Это – конец вещей, это – в конце пути
зеркало, чтоб войти!..

ТРЕТИЙ. Неисполнение наших желаний мы считаем злом. Но каким страшным, каким невообразимым злом было бы немедленное исполнение наших желаний!

(Поворачивается, входит в бар.) Пожалуйста, стакан воды!

ОН *(в роли бармена)*. Просто воды?

Т. Именно.

ОН. Со льдом?

Т. Без льда.

ОН *(наливает, подаёт)*. Прошу.

Т *(берёт, выпивает залпом)*. То, что надо... *(Оглядывается.)* Что-то у вас пустовато...

ОН. Не скажите. Завсегдатаи имеются. *(Указывает на Ней.)*

Т. Мм... кто это?

ОН. Ну, скажем, здешняя ведьма.

Т. Ага. *(В зал.)* К тому времени, когда мне удалось осмыслить неправдоподобные, ужасающие последствия этой истории, я понял и

другое: никогда уже я не смогу рассчитывать на безопасное течение и своей собственной жизни... *(Подходит к Ней, садится рядом.)* Привет.

ОНА *(без особого интереса)*. И ты здесь? *(Точно проснувшись)*. Ну, неважно... Когда это началось?

Т. Что «это»?

ОНА Меня интересует, когда люди стали предпочитать сновидения реальности.

Т. Ну... скажем, кинематограф возник в начале двадцатого века... это были такие смешные двумерные картинки на белом экране...

ОН. Зачем Эдисон придумал эти движущиеся картинки?!

Т. Кино – это не только развратные происшествия на полотне, это ежедневные скандалы, оргии, кутежи, растление малолетних... свальный грех, богохульство!..

ОН. Ежедневно миллионы людей в пяти частях света смотрят на экран.

Т. Они знают, что такое кино! Кино – это прежде всего любовь! В течение одного только 1929 года на экранах: «Любовь на пляже»,

«Любовь на перекрёстке», «Любовь в снегах», "Любовь в пустыне" "Любовь слепа", "Любовь изобретательна", "Любовь и смерть", Любовь и кража, Любовь и золото, "Любовь и честь", "Любовь актрисы", "Любовь палача", Любовь подростка, Любовь бандита, Первая любовь Фанни, Последняя любовь Шопена, "Гробница любви", "Граница любви", "Остров любви", "Пансионат любви", "Крушение любви", "Возрождение любви", Свет любви, Замок лкюбви, Фанфары любви, "Три минуты любви", "Три ночи любви". "Три круга любви", Вдвоём с любовью, Игра с любовью, Борьба с любовью...

ОНА. Они были несчастливы?

Т. Чем стремительней набирал темп двадцатый век, тем больше людей во всём мире считали американцев сумасшедшими...

ОН. Американцы и сами-то не особенно возражали, только объясняли, что эта репутация – на совести калифорнийцев...

Т. Калифорнийцы в свою очередь возлагали вину на лос-анджелесцев...

ОН. ...а уж те валили всё на Голливуд...

Т. "Что ты знаешь о любви?"

ОН. "Сколько стоит любовь?"

Т. "Все мы любим любовь!"

ОН. "Любовь – это любовь!"

Т. Я не комментирую. Я ограничиваюсь пересказом фактов. Самый простой из них: техника позволила осуществить самые сокровенные желания человека. Кино перестало быть аферой ловких проходимцев и смазливых девушек. Оно стало инструментом психометаморфозы.

ОНА. Что это значит?

ОН. Это значит, что мужчины и женщины испытывали потребность подражать актёрам в движении, тембре голоса, в одежде,...

Т. Это значит, что жизнь протекала в кинематографическом измерении. Спрос на одежду, жильё, еду определяла кинореклама. Появились ситуация-стандарт, женщина-стандарт... И, наконец, демонстрация первого трёхмерного фильма с частичным участием зрителя означала смертный приговор интеллектуальному кино...

ОН. ...и вообще интеллекту!

Т. Публика смогла воспринимать запахи, эмоции, сливаться с действием. Публика убедилась: нет реальности, которая смогла бы превзойти сновидение...

ОНА. Такова система?

Т. В Советской Союзе все люди, хотя иной раз и критиковали отдельные недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом...

ОНА. Этот текст не отсюда!

Т. А, да... виноват... да, такова система. Никто не сможет выпить, закусить, родиться и умереть стихийно. Потеряли смысл понятия добра и зла, преступления и наказания. Абсолютное манипулирование умами отвергает качества, не представляющие материальной ценности...

ОН. Мы хотим играть на лугу в пятнашки,
не ходить в пальто, но в одной рубашке.
Если вдруг на дворе будет дождь и слякоть.
мы. готовя уроки, хотим не плакать.
Мы учебник прочтём, вопреки заглавью.
То, что нам приснится, и станет явью.
Мы полюбим всех, и в ответ – они нас.
Это самое лучшее: плюс на минус.

Т. Слишком простая система, чтобы её можно было уничтожить...

ОН. Наши мысли длинней будут с каждым годом.
Мы любую болезнь победим йодом.
Наши окна задёрнуты будут тюлем,
а не забраны чёрной решётной тюрем.

Т. Будучи частично разрушена, она немедленно восстанавливается, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов...

ОН. Нашу старость мы встретим в глубоком кресле
в окружении внуков и внучек. Если
их не будет, дадут посмотреть соседи

в телевизор гибель шпионской сети...

Т. Я с самого начала симпатизировал эксперименту, поставившему себе целью построить гигантское государство на базисе разума... Мы с содроганием видели на примнере Центральной Европы, что получится, когда фундаментом государства хотят сделать не разум, а чувства и предрассудки. История мне всегда представлялась борьбой, которую ведёт разумное меньшинство с большинством глупцов. В этой борьбе я стал на сторону разума. Я не стремлюсь к точной передаче виденного мною. Я хочу только изложить свои личные впечатления.

ОН. Как мало смысла в искренних словах,
цените ложь за равенство в правах
с правдивостью, за минимум возни.
а искренность – за привкус новизны.
Всего не понимая до конца.
я целиком на стороне лжеца...

ОНА. При дефиците информации появляются отрицательные эмоции: гнев, страх, печаль. Они заставляют действовать и в этих трудных условиях становятся дополнительным стимулом.

Т. В Советском Союзе все люди, хотя иной раз и критиковали отдельные недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом. Годы голода остались позади. В магазинах можно получить в любое время продукты по ценам, вполне доступным среднему гражданину Союза. Бросается в глаза изобильное угощение, с которым люди принимают нежданного гостя...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Нежданный гость хуже крымского татарина!

Т. Одежда выглядит довольно неприглядной. Однажды у меня собралось несколько человек, среди них была хорошо одетая актриса. Хвалили её платье, пока она не призналась...

ОНА. Это я одолжила в театре.

ОН. Когда информации больше, чем необходимо, появляются радость, смелость, удовольствие.

Т. Особенно большое впечатление произвело на меня дружное взаимодействие суда и подсудимых на процессах Бухарина, Пятакова, Радека... *(Пауза, затем неожиданно резким голосом.)* Встать! Суд идёт! *(Ей.)* А вы прекратите записывать!

ОНА. Ах, да! *(Берёт бумагу и карандаш, начинает записывать.)*

Т. Значит, я так считаю: расстрелять – и нечего с ним чикаться!

ОНА. Как расстрелять? Ведь сначала суд, суда же ещё не было!

Т. Сначала приговор, потом суд!

ОНА. Неужели вас не беспокоит ощущение временности, неуверенности, упадка?!!

Т. (Ему). Что вы можете сказать?

ОН. О чём?

Т. Я вас не спрашиваю, о чём, я спрашиваю, что вы можете сказать?!

ОН. Она приходила ко мне, мы откупоривали бутылку шампанского... *(Открывает бутылку.)* ...да, представьте себе, нищий поэт в стране архипелага Гулага пил только шампанское!..

Т. Запишите: только шампанское!

ОНА. (записывает, бормочет). ...только шампанское...

Т. И сейчас же прекратите записывать! А то прикажу вывести из зала! *(Ему.)*

Продолжайте.

ОН. И мы любили друг друга...

Т. Любили кого?

ОН. Друг друга!!

Т. Понятно. Что ж, я считаю, что в связи с чистосердечным признанием участь подсудимого должна быть максимально смягчена. Что я имею в виду конкретно? Ну, во первых, расстрел должен быть произведён не из крупнокалиберного пулемёта. И, во-вторых, без последующей эксгумации и повторного расстрела. *(Пауза.)* А теперь, после вынесения приговора, можно заслушать как свидетелей, так и обвиняемого. *(Ему.)* Чем вы вообще занимаетесь?

ОН. Да вот, как видите, бокал протираю.

Т. Прошу записать: неуважительное отношение к суду. И кстати, прошу подать нам чего-нибудь прохладительного.

ОН подаёт бокалы.

Т *(отпивает глоток)*. Благодарю. Итак, чем Вы занимаетесь?

ОН. Пишу стихи. Перевожу. И полагаю...

Т *(неожиданно)*. Никаких "я полагаю"! Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стене!

Смотрите на суд! Отвечайте суду как следует!! Почему вы не работали?

ОН. Я работал. Я писал стихи.

Т. А вообще, какая ваша специальность?

ОН. Поэт, поэт-переводчик.

Т. А вы учились этому? Не пытались окончить вуз, где учат... где готовят...

ОН. Я не думал... я не думаю, что это даётся образованием...

Т. А чем же?

ОН. Я думаю, эта... от Бога...

Т *(Ей)*. Повторяю, прекратите записывать!!

ОНА. Товарищ судья, я прошу разрешить мне записывать!! Поймите, в этом спектакле мне приходится совмещать роли журналиста, адвоката и бессмертной души обвиняемого, мне необходимо записывать...

Т. Ладно, записывайте, но чтобы перед прочтением сжечь!!

ОНА. Само собой.

ТР. Многие ли из молодых людей на Западе имеют возможность выбрать себе профессию, соответствующую их желаниям и способностям? А кто у нас не имеет этой возможности?

ОН. Люди Союза обезличены, их образ жизни, их мнения стандартизованы, нивелированы, унифицированы. Когда говоришь с одним - говорить со всеми.

Т. Каждый гражданин Советского Союза с момента своего рождения имеет возможность найти себе применение в соответствии со своими способностями...

ОН. Автор, который хочет, чтобы поставили его неполитическую пьесу, должен умереть лет 60 назад. Если, конечно, его фамилия не Горький. И эта штука звучит горько. Вообще художественная политика Советского Союза ведет к тому, что игра актёров гораздо лучше произведений, которые они играют...

Т. Публика не остаётся неблагодарной, в театрах места постоянно распроданы, билет достать нелегко... Сколько народу собралось. Я не думал, что будет столько народу.

ОНА. Не каждый день судят поэта.

Т. А нам всё равно, поэт или не поэт.

ОН. Мы не видим всходов из наших пашен.

Нам судья противен, защитник страшен.

Нам дороже свайка, чем матч столетья.

Дайте нам обед и компот на третье!

ОНА. Ощущение того, что происходит внутри другого: какая боль, какой крик, какие надежды... Как трудно говорить, вроде в тебя вбиваются тысячи иголок...

ОН. Нам звезда в глазу, что слеза в подушке.

Мы боимся короны во лбу лягушки,

бородавок на пальце и прочей мрази.

Подарите нам тюбик хорошей мази!

ОНА. Идёт снег, мокрый, пугающий, подчёркивающий пустоту дня, прошедшего в разговорах о болезнях, делах, планах; говорили с противными подробностями, уточнениями. Каждому хочется уверить других, что таких осложнений, и таких страданий, как у него, нет ни у кого другого.

ОН. Мы боимся смерти, посмертной казни.

Нам знаком при жизни предмет боязни:

Пустота вероятней и хуже ада.

Мы не знаем, кому нам сказать "не надо".

ОНА. Видимо, желание общаться с тобой таким образом – это смешная игра воображения... Потребность соединиться мучит нас, но мы бессильны – мы стремимся друг к другу и лишь ушибаемся друг о друга..

Т. Обвиняемый, за восемь лет вы переменили тринадцать мест работы. Объясните, почему вы в перерывах не работали и вели паразитический образ жизни?

ОН. Я в перерывах работал. Я писал стихи.

Т. А что вы делали полезного для Родины?

ОН. Писал стихи. Я верю, что они сослужат людям службу – не только сейчас, но и будущим поколениям...

ОНА. Он поэт. Он должен так думать. Речь идёт о концепции неприкасаемости.

Неприкасаемость связана с особыми точками территории. Удаление от них ослабляет силу, приближение – усиливает, причём в точке непосредственного соприкосновения эта сила становится убийственной для людей...

Т. Убийственной, а? Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу? А вот вы говорите про будущие поколения. Вы что, считаете, что вас сейчас не понимают?

ОН. Я этого не сказал. Просто мои стихи ещё не опубликованы, и люди их не знают.

ОНА. А дождь идёт. У меня есть зонт, чёрный, советский, родственники за границей...

Т. Почему вы в перерывах между работами не трудились?

ОН. Я трудился. Я писал стихи.

Т. Вы не сделали для себя выводов из выступлений печати?

ОНА. Никто так быстро не становится убийцей, как Родина...

ОН. Выступления печати были лживыми. Я не считаю себя человеком, ведущим паразитический образ жизни. Там даже возраст неверен. Даже стихи не мои. Только имя и фамилия верны...

Т. А что вам, ленинградцам, часто снится?

ОН. Да как когда... Концерты, лес смычков.

Проспекты, переулки. Просто лица.

Сны состоят как будто из клочков.

И я её читаю без очков...

Тебе зачем всё это?

Т. Просто так.

ОН. И снится старость. Никуда не деться
от старости. Какой-то кавардак...
старик, мальчишка...

Т. Грустное соседство...

ОНА. Разрешите вызвать свидетелей?

Т. Давайте.

ОНА. Первый свидетель!

ПЕРВЫЙ С. Я руковожу работой начинающих поэтов более десяти лет, составляю и редактирую их коллективные сборники. Таким

образом, я знаю почти всех молодых поэтов города. Работа Бродского известна мне его стихами 59 и 60 годов. Это были ещё не совершенные стихи, но с яркими находками и образами. Переводы Бродского сделаны на высоком художественном уровне. Если расценить даже по самым низким расценкам, то у Бродского уже наработано примерно на 350 рублей новыми деньгами. И вопрос лишь в том, когда будет напечатано всё сделанное...

Т. Вот в чём вопрос!..

П.С. Мне также известно, что живёт Бродский очень скромно, отказывает себе в одежде и развлечениях, основную часть времени

проводит за рабочим столом. Полученные за работу деньги он вносит в семью.

Т. Так, значит, какого вы мнения о стихах обвиняемого?

П.С. Моё мнение, что Бродский очень талантлив и наголову выше многих...

Т. Ну ладно. Но это Бродский. Бродский человек уважаемый, лауреат Нобелевской премии...

Немая сцена.

Т (безмятежно продолжает). Словом, с Бродским всё ясно, а вот что вы думаете о стихах обвиняемого?

ОНА. Простите... по-моему, этот текст не отсюда...

Т. А, ну да... тьфу ты!.., так вот я и говорю, вы читали его нехорошие, порнографические стихи?

П.С. Нет. никогда.

Т. Когда мне бывало пятнадцать семнадцать
я часто невесту носил в уголке
и было мне мало кусаться смеяться
и было мне мало руки на плече...

ОН. Это не мои стихи!.. Хотя... за столько лет и не то забудешь... что-то вдруг вспоминается...

ОНА. Нельзя, не надо человеку жить так долго!.. А деньги эта работа может принести не сейчас, а несколько лет спустя... Я открыла траву бессмертия. Но собирать её трудно и опасно, слишком много условий... Мне очень тяжело, я, кажется начинаю путаться.

ОН. Что такое идея бессмертия, как не страстный протест против краткости жизни? Наделить всех людей бессмертием!!! Это будет новым и окончательным сотворением человека...

ОНА. Нельзя, не надо!!! Этого не выразить словами. Искусство имеет смысл, пока им не

овладел. А как овладеешь, так видишь, что всё это зря...

ОН. Вообще-то неплохо бы проснуться.

Т. Ты вправду спишь? Да, судя по всему,
ты вправду спишь... Как спутались все пряди!
Прости меня, прости мне. Бога ради...
Прости... мне это всё не по уму...

ОН. Вот видишь, ты не веришь ничему:
ни знамению Крестному, ни слову.

Т. Отсюда ты отправишься в тюрьму!

ОН. Ты шёл бы подобра да по здорову!...

Т. Огромный город в сумраке густом...

ОН. Расчерченная школьная тетрадка...

ОНА. Стоит огромный сумасшедший дом,
как вакуум внутри миропорядка.
Здесь – люди, и сошедшие с ума
от ужасов – утробных и загробных.

Т. А сами люди? Именно сама
возможность называть себе подобных
людьми? Скажи, откуда их права?

ОН. Тут имя прозвучало бы зловеще.

ОНА. Как быстро разбухает голова
словами, пожирающими вещи !

ОН. Но ежели взглянуть со стороны...

Т. То можно, в общем, сделать замечание...

ОН. И слово – вещь.

ОНА. Тогда мы спасены!!

ОН. Тогда и начинается молчанье.
Молчанье – это будущее дней,
катящихся навстречу нашей речи,
со всем, что мы подчёркиваем в ней,
с присутствием молчания при встрече.

Т. Молчанье – это будущее слов.
уже пожравших гласными всю вещность.

страшащуюся собственных углов;
волна, перекрывающая вечность.

ОНА. Молчанье есть грядущее любви;
пространство, а не мёртвая помеха,
лишающее бьющийся в крови
фальцет её и отклика, и эха.

Т. Огромный город в сумраке густом.

ОН. Речь хаоса, изложенная кратко.

ОНА. Стоит огромный сумасшедший дом,
как вакуум внутри миропорядка.

ОН. Проклятие, как дует из углов!

Т. Мой слух твоё проклятие не колет:
не жизнь передо мной – победа слов...

ОН. О, как из существительных глаголет!

Т. Так птица вылетает из гнезда,
гонимая заботами о харче...

ОНА. Восходит над равниною звезда
и ищет собеседника поярче...

Т. Второй свидетель! Мы вас слушаем.

В.С. Я член Союза писателей, преподаватель Института имени Герцена...

Т. А-а, ещё пролетарский поэт Маяковский сказал: "Хер цена/ вашему дому Герцена!".

В.С. Пролетарский поэт Маяковский тоже иногда ошибался... Кроме того, пролетарский поэт Маяковский имел в виду не тот дом Герцена...

Т. Запишите: неуважение к пролетарским поэтам.

В.С. По роду моей работы около года назад мне довелось познакомиться с работами Бродского. Это были переводы замечательного польского поэта Галчинского, ещё мало известного у нас. На меня произвели сильное впечатление ясность поэтических образов, страстность и энергия стиха...

Т. Попроше, пожалуйста. Без этого елея.

В.С. Я понял, что имею дело с человеком редкой одаренности. Перевод стихов – труднейшая работа, требующая усердий, знаний, таланта. На этом пути литератора могут ожидать бесчисленные неудачи. Всё, что я знаю о Бродском, показывает, что перед ним большое будущее... Нужно предоставить ему возможность работать как поэту - переводчику. Вдали от большого города, где нет ни нужных книг, ни литературной среды, это почти невозможно. При стихотворной технике Бродского ему ничего не мешало бы халтурить. То, что он зарабатывал мало денег, не означает, что он не трудолюбив...

Т. Были ли у вас недоразумения по работе, в личной жизни?

В.С. Нет...

Т. Будут. Вы свободны, свидетель. Пока.

ОН. И он ему сказал.

Т. И он ему
сказал.

ОН. и он сказал.

Т. И он ответил.

ОН. И он сказал.

Т. И он.

ОН. И он во тьму
воззрился и сказал.

ОНА. Слова на ветер.

ОН. И он сказал: "Вот так булыжник вдруг
швыряют в пруд. Круги - один... четыре...

Т. И он сказал.

И это тоже круг,
Но радиус его, бесспорно, шире...

ОНА. Сказал - кольцо.

ОН. Сказал - ещё кольцо.

Т. И вот его сказал уткнулся в берег.

ОН. И собственный сказал толкнул в лицо,

вернувшись в спальню.

ОНА. И больше нет Америк.

ТР. Он, собственно, вопрос.

ОН. Ему - ответ.

ТР. Потом - наоборот.

ОН. И нет различья.

ОНА. Конечно, между ними есть просвет,
но лишь как средство избежать двуличья.

ТР. Чего не разберёт судебный зал!
Сидит судья; очки его без стёкол.

ОН. Он кто ему?

ТР. Да он ему - сказал!

И это грандиознее, чем свёкор

ОНА. Огромный дом. Фигуры у окна.
И гомон, как под сводами вокзала.
Когда здесь наступает тишина?

ТР. Лишь в промежутках он - ему - сказала.

ОН. Вот именно! и косвенная речь
в действительности - самая прямая.

ТР. И этим невозможно пренебречь
без личного ущерба

ОН. И внимая
тому, что ОН СКАЗАЛ произнесёт.
как дети у церковного притвора,
мы как бы приобщаемся высот,
достигнутых ещё до разговора.

ТР. Третий свидетель!

Т.О. Я лично с обвиняемым не знаком, но хочу сказать, что если бы все так относились к
накоплению матценностей, нам бы коммунизм долго не построить. Разум - оружие
опасное для его владельца.

ОН. Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье - пустота. А чаще свинство.

Т.С. Тут говорили, что он умный и чуть ли не гениальный. Но никто не сказал, каков он
человек. Почему не говорят, что у него много путаницы в голове? И антисоветские
строчки...

ОН. Бог смотрит вниз. А люди смотрит вверх.
Однако интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?

А человек, должно быть, ограничен.

ОН. Таков был доктор Фауст. Таковы
Марло и Гёте. Томас Манн и масса
певцов, интеллигентов унд, увы,
читателей совсем другого класса...

Т.С. Его надо лечить принудительным трудом! *(Садится.)*

ОН. Один поток сметает их следы,
их колбы - доннерветтер! - мысли, узы...
И дай им Бог успеть спросить: "Куды?"
И услышать, что вслед им крикнут Музы...

Т. Четвёртый свидетель!

Ч.С. С обвиняемым я лично не знаком, впервые встретил его здесь. Так жить, как он, больше нельзя. Я работал с писателями, я среди них вращался. Я заместитель директора Эрмитажа по хозяйству. Я хотел выступить в том плане, что надо трудиться, отдавать все культурные навыки. И стихи, которые составляет Бродский, были бы тогда настоящими стихами.

Т. Пятый свидетель!

П.С. Я лично его не знаю. Я знаком с ним по выступлениям нашей печати. Я выступаю как представитель общественности. Я

трубоукладчик. Я после выступления газеты возмущён его работой. Я хотел ознакомиться с его книгами. Пошёл в библиотеку - нет его книг. Он что, не согласен с диалектическим материализмом? Ведь Энгельс считал, что труд создал человека. А он, видимо, считает иначе. Может, он талантливый, но почему же он не находит дороги в нашей литературе? Я хочу подсказать мнение, что меня его трудовая деятельность как рабочего не удовлетворяет.

Т. Садитесь. Следующий.

Ш.С. Я лично с Бродским не знаком. Знаю о нём три года по глётворному влиянию, которое он оказывает на своих сверстников. Мой сын тоже считает себя гением. Он, как и Бродский, не хочет работать...

ТР. Садитесь. Следующий.

С.С. Я работаю преподавательницей марксизма-ленинизма в училище имени Мухиной. Я лично Бродского не знаю. Но деятельность его

мне известна. Пушкин говорил, что талант - это прежде всего труд. А Бродский? Разве он трудится над тем, чтобы сделать свои стихи понятными народу?

ОН. А как они могут быть понятными или непонятными народу, который их не читал?!

С.С. Они не только народу, они и мне непонятны... Вообще это только в Советском Союзе может быть, чтобы суд так доброжелательно

говорил с поэтом, так по-товарищески советовал ему учиться...

ОН. Я понял! Я наконец-то всё понял! Это снимается фильм! Это просто снимается фильм! А статистов набрали в психушке...

С.С. Размечтался! Нет, я, как секретарь парторганизации училища имени Мухиной, могу сказать, что он плохо влияет на молодёжь!.. И

закуска у него в баре не на уровне, осетрина не первой свежести...

ОН. Осетрина – это такая вымершая рыба, вроде кистепёрых. Это я объяснил своей дочке, а она будет то же самое объяснять своим детям про селёдку...

ОНА. А сами вы знакомы со стихами Бродского?

Т. Садитесь, пожалуйста. Восьмой свидетель.

В.С. Я лингвист, литературовед, переводчик. С Бродским почти не знаком. Однако в течение последнего года пристально слежу за его

работами. Это переводы талантливые, яркие. Они свидетельствуют о мастерстве и культуре переводчика. А сами собой ни мастерство, ни культура не приходят. Для этого нужна постоянная работа. Бродский является новатором стиха в ритме, рифмах, метафорах, эпитетах. Нельзя обвинять в тунеядстве человека, который упорно, не думая о заработках, совершенствуется в своём мастерстве...

Т. Что вы этим хотите сказать? Коммунизм создаётся только трудом миллионов.

Садитесь.

ОН. Когда особенно сильно чувствуешь одиночество? Когда раскрываешь сердце другу.

Потому что становится очевидной непреодолимость преграды между нами...

Т. Девятый свидетель.

Д.С. Присуждение Бродскому Нобелевской премии явилось для меня и для всех американских профессоров русской литературы, которых я знаю, совершенной неожиданностью. Мне не ясно, чем руководствовался Нобелевский комитет — если популярностью его стихов на Западе, то она несравнима, скажем, с популярностью стихов Вознесенского.

Т. Десятый свидетель.

Д.С. Интонация глумливого отчуждения, присущая всему творчеству Бродского, особенно видна в таких его, например, строчках, как: "И уже седина, стыдно молвить, где...".

Обольщению же наших читателей способствовало то, что они стихов Бродского, как правило, не читали, а если и читали то как правило, очень мало...

ТР. Одиннадцатый свидетель!

О.С. Я член Союза писателей. Бродского лично не знаю. Я читал его эпиграммы. Вы бы покраснели, если бы их здесь прочитать. Здесь говорили о его таланте. Талант измеряется только народным признанием. А его нет и быть не может. У его стихов три темы: отрешённости от мира, порнографическая и тема нелюбви к Родине. Я поддерживаю мнение товарища, на сына которого Бродский влиял тлетворно. Бродские отрывают молодёжь от труда, мира и... (Задумывается.)

ТР. Мая?

О.С. Нет...

ТР. Хлеба?

О.С. Да нет же. вы мне спутали все нити!

ТР. Пива?!

О.С. Вспомнил — жизни!

ТР. Спасибо. Двенадцатый свидетель.

Д.С. Наш великий народ строит коммунизм. В советском человеке развивается замечательное качество - наслаждение общественно —

полезным трудом. Бродский забыл основной принцип - кто не работает, тот не ест. Он принадлежит к компании, которая сатанинским хохотом встречала слово «труд». Вот из какого зловонного местечка появился Бродский. Говорят об одарённости Бродского. Но кто это говорит? Люди, подобные Бродскому, прощелыги, тунеядцы, мокрицы. жуки... Почему тут защищали человека, ненавидящего нашу Родину? Надо проверить тех, кто его защищал! Стихи Бродского позорные и антисоветские. Он писал в своих стихах: "Люблю я родину чужую..." Вот чего стоит Бродский и все, кто его защищает!!.

Т. Спасибо. Защите предоставляется последнее слово.

ОНА. Прозвучавшие здесь обвинения напоминают худшие времена культа личности...

ОН. А что, были лучшие времена?

ОНА. Ни один из свидетелей обвинения Бродского не знает... Все наши логично выстроенные соображения разбиваются при первом же сближении... Другими материалами обвинение не располагает... Он жил скудно, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом... бессмертие и неуверенность...

Т. Достаточно! Попрошу не забывать, что всё это в нашем счастливом прошлом.

Обвиняемый, правда, расстрелян, но ведь потом совершенно оправдан и реабилитирован, так что всё в порядке!

ОН. Неужели невозможно проснуться?

Т. Нет!

ОН.

Встань в свободную нишу и, закатив глаза,
смотри, как проходят века, исчезая за
углом, и как в паху прорастает мох,
скатится вниз, стуча.
И останется торс, безымянная сумма мышц.
Через тысячу лет живущая в нише мышь с
ломаным когтем, не одолев гранит,
выйдя однажды вечером, пискнув, просеменит
через дорогу, чтоб не придти в нору
в полночь. Ни поутру...

Автор

родился в Крыму, окончил Литинститут,
служил в советской армии, жил в Киеве, работал инженером-химиком, натурщиком, лектором,
художником-оформителем, машинистом сцены, завлитом, актёром, руководителем литстудии,
редактором параллельной прессы.

Участник Всесоюзного семинара молодых писателей-фантастов, Ассоциации русских верлибристов,
Киевской лаборатории молодого драматурга и многих неформальных творческих групп.

Входит в группу «Кассандрион»: <http://www.kassandrion.narod.ru/>

Сотрудник International Theater Ensemble:

http://www.internationaltheaterensemble.com/members_of_ensemble.html.

Пишет стихи, пьесы, сценарии, прозу, эссе, переводит с украинского, польского, словацкого, английского.

Публикации в «Антологии русского верлибра», «Антологии странного рассказа», «Освобождённый Улисс», в журналах и альманахах «Новый Круг», «Звезда Востока», «Мы пришли!», «Саркофаг», «Ойкумена», «Многоточие», «Стетоскоп», «Черновик», «Соты», «Комментарии»; в Интернете.
Коллажист, керамист, бук-артист; работы в частных коллекциях Москвы, Киева, Кракова, Брюсселя, Чикаго, Мехико, Майами.

Участник выставок, международных проектов, конференций («Агасфер», «Around The Coyote», «EyeRhymes», «GeZELLE», AATSEEL).

Издатель, главный редактор, главный художник арт-зина «REFLECT ... КУАДУСЕШЦТ»
<http://www.polutona.ru/?show=reflect>

а в т о р а

«ВОДАогонь», сборник стихов,
СПб., 1996;
«СУМЕРКИ ПРЕДАТЕЛЕЙ», мини-роман в соавторстве с А.Тамразовым,
Филадельфия, 1998;
совместный с А.Очеретянским сборник стихотворений,
М., 2001;
«LUDUS DANIELIS», сборник стихов, М., 2003;
«ИЗБРАННОЕ», сборник стихов, К., 2006;
«ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ и другие идиллии», сборник фантастической прозы, К., 2006.

п и л о т ы

И з д а т е л ь с к и й с о в е т

Д м и т р и й Б а в и л ь с к и й (Р о с с и я)
Н и к о л а й Б о к о в (Ф р а н ц и я)
А л е к с а н д р К а б а к о в (Р о с с и я)
М а р и н а К а м и (С Ш А)
М а р и о К о р т и (И т а л и я)
Э л е н М е н е г а л ь д о (Ф р а н ц и я)
А н д р е й Н а з а р о в (Д а н и я)
М и х а и л Э п ш т е й н (С Ш А)
С е р г е й Ю р ь е н е н (С Ш А)